

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 2

Academic Journal

Series

*Political Science. History. International Relations. Area Studies.
Oriental Studies*

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2

Научный журнал

Серия «Политология. История. Международные
отношения. Зарубежное регионоведение.
Востоковедение»

Москва
2015

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гущин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.А. Пичугина, отв. секретарь, канд. филол. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), О.В. Павленко, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

<i>М.М. Сиротинская</i> Флибустьерские экспедиции на Кубу и «Молодая Америка» (середина XIX в.)	9
<i>В.В. Беззуб</i> Ближний Восток в проектах России и Великобритании в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.	22
<i>Б.Л. Хавкин</i> Немецкое антигитлеровское Сопротивление между СССР и США	31

II. Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>А.В. Гуцин</i> Украинский кризис – внутривнутриполитический и экономический аспекты	47
<i>И.А. Баскакова</i> Опыт экономической интеграции с участием России и Казахстана в 1990-е гг.	56
<i>Г.А. Александян</i> Армяно-российское военно-стратегическое партнерство в контексте региональной безопасности на современном этапе	67
<i>К.А. Кудаяров</i> Политика Турции в образовательной сфере Киргизии	82
<i>А.А. Полякова</i> «Мягкая сила» в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты	91

III. Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Д. Зеверт

Современные подходы к пониманию праздничной культуры
в Советском Союзе 103

Н.В. Морозова

Два измерения соотношения языка и власти 114

Ю.Э. Бернацкая

Проблема урбанизма у древних майя в современной
западной историографии 123

IV. Книжная полка

О.В. Павленко

Первая мировая война – новое прочтение
в российской историографии 133

В.В. Трухачев

О братстве СССР и Югославии 137

Abstracts 147

Сведения об авторах 152

CONTENTS

I. International Relations: Political, Social, and Cultural Aspects

M. Sirovinskaya

Filibuster Expeditions to Cuba and “Young America”
(Middle of the 19th Century) 9

V. Bezzub

The Middle East in the Projects of Russia and the Great Britain during
the First World War (1914–1918) 22

B. Khavkin

Soviet and Western/American Orientations
of German Anti-Hitler Resistance 31

II. Countries and Regions of the World: Dynamics and Models of Cooperation

A. Guschin

Ukrainian Crisis – Political and Economical Aspects 47

I. Baskakova

An Experience of Economic Integration between Russia
and Kazakhstan in the 1990th 56

G. Aleksanyan

Armenian-Russian Military Strategic Partnership within
the Context of Contemporary Regional Security 67

K. Kudayarov

Turkey’s Policy in Educational Sphere of Kyrgyzstan 82

A. Polyakova

“Soft Power” in the US Foreign Policy Context:
the Theoretical Aspects 91

III. Social-Political Processes and Social Communications: Theory and Methodology

D. Säwert

Modern Approaches to Understanding
of Festivity Culture in the Soviet Union 103

N. Morozova

Two Dimensions of Language and Power Relation 114

Yu. Bernatskaya

An Issue of the Urbanism at the Ancient Maya Society
in the Modern Western Historiography 123

IV. Bookshelf

O. Pavlenko

First World War: New Interpretation in Russian Historiography 133

V. Trukhachyov

About the brotherhood between the USSR and Yugoslavia 137

Abstracts 147

General data about the authors 154

И. Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

М.М. Сиротинская

ФЛИБУСТЬЕРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА КУБУ И «МОЛОДАЯ АМЕРИКА» (середина XIX в.)

В статье прослеживается отношение сторонников «Молодой Америки» к Нарсисо Лопесу и флибустьерским экспедициям на Кубу в середине XIX в. Журнал «Democratic Review» (1851–1852), газета «La Verdad», многие младоамериканцы решительно поддерживали аннексионистское движение. «Молодые демократы» допускали возможность военной интервенции на Кубу якобы в целях оказания помощи национальному «освобождению», отстаивали неприменимость закона о нейтралитете 1818 г. к подобным случаям. Было бы упрощением считать, что все они добивались лишь распространения системы рабства. Флибустьерство часто рассматривалось ими в контексте европейских революций, в особенности венгерского национального движения, войн за независимость североамериканских колоний Великобритании и испанских колоний в Латинской Америке.

Ключевые слова: «Молодая Америка», флибустьерское движение, Куба, Нарсисо Лопес, «Democratic Review», «La Verdad».

После окончания Мексиканской войны (1846–1848) в состав североамериканской республики были включены огромные территории: Техас, Новая Мексика, Верхняя Калифорния. В США усиливаются экспансионистские устремления; переживает новый подъем движение в пользу присоединения испанской колонии Куба к Соединенным Штатам, которое было вызвано политическими и экономическими причинами. В июле 1848 г. после неудачной попытки антииспанского заговора под названием «Кубинская роза» венесуэлец Нарсисо Лопес (он служил в испанской армии, с 1841 г.

обосновался на острове) эмигрирует в Соединенные Штаты. Первый организованный им рейд на Кубу не состоялся – в конце лета 1849 г. на острове Раунд (около г. Паскагулы в штате Миссисипи) федеральными властями было конфисковано все имущество. Подготовка экспедиции в значительной степени осуществлялась при финансовой поддержке «Гаванского клуба», основанного в 1847 г. в Гаване сторонниками аннексии, и представителей кубинской эмиграции в США (позднее в том же году в Нью-Йорке последними был создан «Кубинский совет», который возглавлял крупный кубинский плантатор и судовладелец Кристобал Мадан-и-Мадан).

Во время второй флибустьерской экспедиции¹ Лопесу и его приверженцам удалось достичь Кубы и взять г. Карденас. Однако большинство населения не поддержало флибустьеров, отряду Лопеса с трудом удалось покинуть остров, что не остановило венесуэльца. В апреле 1851 г. на готовившееся к отплытию судно «Клеопатра» был наложен арест. Последний, четвертый, рейд (август 1851 г.), в котором участвовало свыше 400 человек, закончился для флибустьеров трагически: 1 сентября Лопес был публично казнен на гарроте в Гаване, пятьдесят захваченных в плен участников во главе со сподвижником Лопеса, полковником Уильямом Криттенденом, племянником генерального прокурора, были расстреляны. Призывы генерала в основном не нашли отклика среди местного населения². События на Кубе вызвали взрыв негодования в ряде городов Юга Соединенных Штатов. В Новом Орлеане произошли беспорядки, в ходе которых массовому погрому подверглось испанское консульство. Личность Лопеса, феномен флибустьерства широко обсуждались современниками – в Конгрессе, прессе, литературе, театральных постановках³, находя как сторонников, так и противников. Крайне неодобрительно отзывался об аннексионистах российский посланник в Вашингтоне А.А. Бодиско. Имеются свидетельства того, что сам российский император проявлял значительный интерес к экспедиции Лопеса, будучи ею крайне возмущен⁴.

Историки спорят по поводу того, какие цели преследовал Лопес: добивался ли он независимости Кубы или стремился присоединить «жемчужину Антилл» к США в качестве рабовладельческого штата, опиралось ли аннексионистское движение преимущественно на южан?

В данной статье представляется интересным проследить, каково было отношение к флибустьерам сторонников «Молодой Америки», какая аргументация использовалась ими для обоснования своей позиции. С «Молодой Америкой» ассоциировалась группировка в Демократической партии, в целом представлявшая Средний

Запад, г. Нью-Йорк, некоторых южан. К ней относили бывшего редактора журнала «United States Magazine and Democratic Review», предполагаемого автора доктрины «предопределения судьбы» Джона Луиса О'Салливена, уроженца Франции, сенатора от штата Луизиана Пьера Сулэ, редактора «Democratic Review» в конце 1851–1852 гг. Джорджа Николааса Сэндерса и других. Печатным органом «Молодой Америки» являлся журнал «Democratic Review». Кандидатом в президенты в период очередной избирательной кампании (подходил к концу срок президентства вигской администрации Милларда Филлмора) выдвигался сенатор от штата Иллинойс Стивен Дуглас. К «молодым демократам» была близка журналистка Джейн МакМанус Сорм (по первому мужу) Казно (в 1849 г. она во второй раз вышла замуж за У.Л. Казно), родившаяся в штате Нью-Йорк. В конце 1846 – начале 1847 г. Сорм, хорошо знавшая испанский язык, сопровождала в Мексику редактора газеты «New York Sun» М. Бича и его дочь; трио посетило Кубу. Журналистка печаталась, часто под псевдонимом Кора Монтгомери, в «Democratic Review» и «New York Sun», являлась редактором англоязычной версии печатного органа аннексионистов газеты «La Verdad» («Правда»). Последняя выходила с января 1848 г. в Нью-Йорке на английском и испанском языках и распространялась на Кубе, куда ввозилась нелегально⁵. Перу Казно принадлежит изданная в 1850 г. брошюра «Королева островов (имеется в виду Куба. – М. С.) и король рек (т. е. р. Миссисипи. – М. С.)».

С середины 1840-х гг. Куба прочно входит в жизнь Дж.Л. О'Салливена. Вскоре после того, как в мае 1846 г. он ушел с поста редактора «United States Magazine and Democratic Review», состоялась его женитьба на С.К. Роджерс, дочери нью-йоркского врача, и свой медовый месяц в конце 1846 – начале 1847 г. молодожены провели на Кубе. Они останавливаются в доме К. Мадана, который в 1845 г. стал родственником О'Салливена: сестра журналиста, вдова Мэри Лэнгтри, вышла замуж за кубинского плантатора. В начале 1847 г. Мадан, О'Салливлен, Бич и МакМанус присутствовали на заседаниях «Гаванского клуба»⁶. О'Салливлен, который был вхож в администрацию Джеймса Полка, обращается напрямую к президенту с предложением купить Кубу у Испании. Десятого мая 1848 г. Полк сделал запись в своем дневнике о том, что в тот день к нему заходили Дуглас и О'Салливлен: обсуждался вопрос о Кубе. «Я предпочел не выражать своего мнения, но я решительно одобряю приобретение острова и превращение его в один из штатов Союза», – отметил президент⁷. Однако попытки Вашингтона убедить Мадрид продать остров Соединенным Штатам оказались безуспешными.

О'Салливен становится одним из главных помощников Лопеса на Севере: он покупает судно «Клеопатра» и готовит его к рейду. Бывшего редактора часто видели на нью-йоркских улицах, в кофейнях, где он и участник венгерской революции Луис Шлезинджер (он эмигрировал в США) вербовали сторонников. После конфискации «Клеопатры» О'Салливен был арестован, но отпущен под залог. Вскоре в Новом Орлеане состоялся судебный процесс, на котором обвинения в нарушении закона о нейтралитете 1818 г. были предъявлены самому Лопесу, О'Салливену, богатому плантатору, губернатору штата Миссисипи Дж.А. Куитмену, бывшему сенатору от того же штата Дж. Гендерсону, редактору новоорлеанской газеты «Delta» Л. Сигуру и другим. Все были оправданы. В марте 1852 г. в Нью-Йорке начался второй судебный процесс, отчеты о котором регулярно публиковались в газете «The New York Times». В отношении О'Салливена присяжные совещались в течение 9 часов и не смогли прийти к единому заключению, и обвиняемый был оправдан⁸. А.А. Бодиско внимательно следил за судебным процессом и был возмущен его ходом и результатами, предвзятостью многих присяжных. По его словам, главные виновники не могли распознать ни собственный почерк, ни неоспоримые свидетельства вины. При обыкновенных обстоятельствах, негодовал он, суд присяжных, не колеблясь, «объявил бы о виновности Осаливена», но в этом случае, несмотря на «очевидные доказательства», присяжные не смогли договориться⁹.

Сам О'Салливен, рассказывая позднее об этих судебных процессах в «Democratic Review», интерпретировал их как политические преследования со стороны вигской администрации. Он делал упор на партийных пристрастиях присяжных – «прогрессивные демократы», с его точки зрения, поддерживали обвиняемых. На нью-йоркском процессе, как утверждалось, имели место случаи коррупции, подкупа свидетелей. Автор упоминал о связи окружного прокурора с испанским шпионом. На самом деле во время процесса О'Салливен еще не знал о той роли, которую сыграл Г. Бартнетт (настоящее имя Д. Смит): последний действительно являлся испанским агентом. Бартнетт вошел в доверие к бывшему редактору, и тот сам подробно сообщал ему обо всех планах флибустьеров¹⁰.

Публицисты «La Verdad» также говорили об «антидемократической», «антиамериканской» политике вигского кабинета. Дуглас обвинял администрацию в бездействии в отношении американских граждан в августе – сентябре 1851 г.¹¹ Консервативный виг М. Филлмор во втором ежегодном послании Конгрессу в декабре 1851 г., действительно, осудил участников последней незаконной,

с его точки зрения, экспедиции, назвав их авантюристами. Он подчеркнул свою приверженность доктрине невмешательства, высказался за выплату компенсации испанскому консулу в Новом Орлеане¹². Некоторые современники, однако, небезосновательно полагали, что правительством не были предприняты все необходимые для предотвращения флибустьерского рейда меры. В значительной степени заявления лидеров «Молодой Америки» несли отпечаток предвыборной борьбы, имели демагогический характер.

В «Democratic Review» формировался романтический образ Лопеса как революционера, борца за свободу и независимость Кубы. В трех номерах публиковались воспоминания Л. Шлезинджера (автор признавался, что в подготовке мемуаров ему помогал «друг-литератор», – нетрудно догадаться, что это был О'Салливен). Шлезинджер характеризовал Лопеса как героя, «благородного патриота»¹³. Рассказ Шлезинджера предвещал большой портрет венесуэльца.

Брошюра Дж. Казно начиналась патетически: угнетаемая нация, чью землю топчут «иностранные солдаты», «стоит у ворот нашей конфедерации и умоляет предоставить ей свободу». Как и О'Салливен, автор делала акцент на подготовленности большинства креолов к республиканским институтам¹⁴. В самых темных красках изображался «деспотизм» испанского правления и обращалось внимание на угрозу со стороны Великобритании. На первый план выдвигалось невыносимое угнетение «испано-кубинцев», у которых по сути нет собственной «национальности»¹⁵.

Лидеры «молодых демократов», «Democratic Review», постоянно апеллировали к Войне за независимость североамериканских колоний, помощи, которую оказали французы и вообще европейцы – маркиз де Лафайет, уроженец Ирландии Р. Монтгомери, поляки Т. Костюшко и К. Пулаский, сын баварского крестьянина И. Кальб и другие. «Что вы говорите о Криттендене и его последователях как о мародерах и пиратах...», – восклицал Сулэ. Сенатор не согласен: тогда получается, что Лафайет и Костюшко также были мародерами. Лопес ставился в один ряд с героями Американской революции, мадыарским революционером Лайошем Кошуттом, развернувшим флаг «свободы и национальности», а также с «предтечей» независимости Испанской Америки Франсиско де Мирандой, генералом Джоном Д'Эверё, командовавшим Ирландским легионом в борьбе за независимость Венесуэлы. По словам Казно, «апостолы свободы» на Кубе следуют примеру «отцов-основателей», сооружают печатный станок, наподобие того, который использовал Бенджамин Франклин¹⁶.

При этом Соединенные Штаты рассматривались как конфедерация, союз, «созвездие» суверенных республик, обладающих достаточной степенью автономии. Кубинский писатель-аннексионист Г. Бетанкур Сиснерос (он публиковался в «La Verdad»), отставивая необходимость присоединения острова, приходил к выводу: Куба войдет в состав Соединенных Штатов как «суверенное государство, обладающее таким же суверенитетом, как любое другое государство; это такое же суверенное государство, как каждый из тридцати штатов (Союза. – М. С.), и настолько же суверенное, как все они, объединенные вместе, и, как и они, ИМПЕРИЯ в рамках ИМПЕРИИ» (так в статье. – М. С.). Согласно Родриго Ласо, кубинец легко переходит от понятия «государство в Союзе» к «нации-государству»¹⁷. Доктрина «прав штатов» оказывала значительное влияние на многих публицистов «La Verdad» и «Democratic Review».

Если противники «особого института» в США делали акцент на том, что аннексия «жемчужины Антилл» будет способствовать обострению борьбы по проблеме рабства (Куба должна была войти в состав США как рабовладельческий штат), то МакМанус, ярая сторонница территориальной экспансии, была уверена: в результате присоединения острова укрепится могущество, единство Союза, его политическое влияние. Соединенные Штаты также смогут извлечь торговые и морские преимущества. Великобритания в итоге вынуждена будет уйти из Западного полушария, конфедерация «поглотит Британскую Америку и сделает океан своей границей». Как и многие младоамериканцы, она настроена оптимистично: прогресс американской цивилизации, с ее точки зрения, несет «американским нациям» только «свет» – распространение демократических институтов, «принципов нравственности». Она высокомерно подчеркивает превосходство «англо-американцев»: другие народы должны либо идти «нога в ногу» с американцами, либо «вместе с ними». Присоединение Кубы, утверждает Казно, неотвратимо, предопределено Провидением¹⁸. В «Democratic Review» нередко ссылки на словосочетание «предопределение судьбы».

Эти рассуждения подводят к основной мысли: долг американцев – оказать «помощь» народу Кубы в завоевании национальной независимости, вмешаться в ее дела, так как закон о нейтралитете будто бы не распространяется на экспедиции в целях национального освобождения. Куба, утверждает Казно, «достигла того предела страданий, когда было бы самоубийством и преступлением (для кубинцев и США. – М. С.) сохранять бездействие». О’Салливан прямо заявляет: кубинские патриоты, усилия которых направлены

на республиканскую революцию, вправе рассчитывать на помощь со стороны Соединенных Штатов¹⁹. И «La Verdad», и ряд авторов «Democratic Review» недвусмысленно говорят о возможности военной интервенции на Кубу. В статье «Дебаты о Кубе» идет речь о том, что граждане США должны «помочь» кубинскому, а также канадскому народу свергнуть «иго» Испании и Великобритании. Подчеркивается, что это может произойти и насильственным путем, ибо «мы не должны ждать», пока Куба сама установит независимость. Вынужденность «завоевательной войны» оправдывается ссылками на угрозы со стороны Англии и Франции²⁰. Выражаясь современным языком, речь идет об одной из форм гуманитарной интервенции.

Однако риторика «справедливой войны» уступала место весьма реалистическим соображениям в тех случаях, когда речь заходила о гипотетической вероятности вмешательства европейских держав в дела Западного полушария.

В начале 1852 г. под давлением Испании, опасавшейся за судьбу своей заокеанской колонии, Великобритания и Франция обратились к Соединенным Штатам с предложением о заключении трехстороннего соглашения. Лондон, Париж и Вашингтон должны были выступить с совместным заявлением об отказе на неопределенное время от притязаний на Кубу и призваны были обеспечить гарантии противодействия попыткам любого государства осуществлять контроль над островом. Согласно А. Эттингеру, госсекретарь Д. Уэбстер в частных беседах высказывался против захвата Кубы и в то же время против перехода острова к европейским державам, в целом избегая определенных заявлений²¹. Наконец, в июле 1852 г. Филлмор признался, что боится поднимать кубинский вопрос в преддверии ноябрьских президентских выборов. После победы демократов президент в конечном итоге отказался от договора. Как отмечал российский посланник в Вашингтоне, направленная Великобритания и Франции нота нового госсекретаря Э. Эверетта (1 декабря) была составлена таким образом, чтобы «удовлетворить даже оппозицию» и представить политику администрации Филлмора по кубинскому вопросу в благоприятном свете²². Действительно, документ перекликался с декларациями «Молодой Америки» и даже заслужил похвалы «Democratic Review». В начале января 1853 г. по требованию Сената Филлмором была представлена официальная переписка Вашингтона с Лондоном и Парижем относительно трехстороннего соглашения.

«Молодые демократы» заняли радикальную позицию; их высказывания носили напористо-агрессивный характер. Попытка пе-

редать остров любой европейской державе, в частности Великобритании и Франции, встретит сопротивление в США, грозил Дуглас. «Наш народ хочет Кубу и... будет ее иметь...», – заявил один из авторов «Democratic Review». Раздувая экспансионистские замыслы европейских держав, угрозы «английской узурпации» и французского вторжения в Мексиканский залив, он требует подтверждения доктрины Монро²³.

Новый президент Франклин Пирс назначил П. Сулэ посланником США в Мадриде. В Нью-Йорке Сулэ были устроены грандиозные проводы, в которых участвовали члены «Кубинской хунты», многие европейские иммигранты. Развевались знамена: «Молодая Америка и Молодая Куба», «Ключ к Мексиканскому заливу – цветок Антильских островов – с короны старого испанского волка... пора сорвать без лишних слов!»²⁴ Корреспондент «Courrier des États-Unis» (выдержка из этой франкоязычной газеты Нью-Йорка была приложена к депеше Бодиско от 2/14 августа 1853 г.) приходил к заключению, что аннексия Кубы, усилиями Сулэ, должна стать главным итогом президентства Пирса²⁵. Однако попытки демократической администрации присоединить остров окончились неудачей, а имя Сулэ оказалось связанным с печально известным Остендским манифестом, вызвавшим грандиозный скандал. Сулэ вынужден был уйти в отставку.

Флибустьерское движение на Кубу пошло на спад (она, как известно, получит независимость в результате Испано-американской войны 1898 г.), но идеи, развивавшиеся аннексионистами, в частности сторонниками «Молодой Америки», не были забыты. «Молодыми демократами» был поставлен вопрос о допустимости военного вмешательства в дела других государств будто бы с целью национального освобождения народов. В этом случае, как утверждалось, якобы не происходило нарушения закона о нейтралитете. То есть можно говорить о том, что младоамериканцы считали возможным, употребляя современную терминологию, осуществление гуманитарной интервенции не только, к примеру, в Венгрию (имелось в виду противодействие царской интервенции 1849 г. – иногда использовалась весьма расплывчатая формулировка «интервенция ради невмешательства»), но и на Кубу.

Как показывают материалы журнала «Democratic Review» 1851–1852 гг., «Молодой Америкой» разыгрывалась «национальная» карта. Нередко борьба за «освобождение» Кубы рассматривалась в контексте войн за независимость североамериканских колоний Великобритании, испанских колоний в Латинской Америке, европейских революций 1848–1849 гг. Попытки вывести на пер-

вый план национальную тематику можно объяснить социальными рамками настоящего: «молодые демократы» оказывали поддержку республиканцам Старого Света, «угнетенным национальностям» Европы. Демократическая партия стремилась привлечь голоса европейских иммигрантов.

Определенную часть представителей «поколения 1848 года», европейских иммигрантов, которые принимали участие в рейдах Лопеса, «горячих голов» из городов Севера и Запада США, не всегда прямо связанных с плантаторами Юга, привлекали эти идеи. При этом, безусловно, надо иметь в виду, что существовали и иные причины участия в военных экспедициях: некоторые вынуждены были становиться наемниками, просто не имея средств к существованию, другие не были осведомлены о том, куда направляются, иногда играли роль одновременно и меркантильные, и идейные соображения. Ряд флибустьеров поддерживали «Молодую Америку», приветствовали Дугласа. В этом, к примеру, признавался ветеран Мексиканской войны, один из участников Карденасской экспедиции Т. О'Хара. Американский историк Т. Чаффин вообще склонен ассоциировать феномен флибустьерства с «Молодой Америкой», с республиканизмом²⁶.

Историки не отрицают того, что флибустьерство находило отклик и среди многих южан, в особенности в штатах Мексиканского залива. Вряд ли возможно оценивать расовые предубеждения американцев середины XIX столетия с современной точки зрения. И все же, как отмечают специалисты, в целом для виггов, в сравнении с джексоновскими демократами, был характерен поиск более «мягкого» решения расовых проблем²⁷. Казно, как и публицисты “Democratic Review”, делала акцент на расовом превосходстве «англо-американцев», не скрывала, что ее интересует судьба белого населения Кубы. «Мы, аннексионисты, очень далеки от желания увековечивания рабства, – писала она, – мы желаем свободы неграм, но прежде всего хотим обеспечить свободу и благополучие белым, которые более этого заслуживают»²⁸. Журналистка, постоянно преувеличивая масштабы испанской работорговли на острове, не допускала возможности немедленной отмены там рабства и создания «негритянской империи», резко критиковала аболиционистов.

Впрочем, подобные рассуждения были скорее исключением. В целом же Дуглас предпочитал публично занимать «позицию середины» по проблеме рабства, не хотел замечать, что вопрос об «особом институте» выдвигается в центр общественно-политической жизни. В мае 1851 г. он выражал надежду на объединение

всех фракций Демократической партии «на базе *полного молчания по вопросу о рабстве*»²⁹. Казно и О'Салливан развивали мысли о том, что проблема рабства будет решена сама собой. В результате притока европейских иммигрантов и неприбыльности невольничьего труда оно будет все в большей степени перемещаться к Югу, пока не перейдет границу Союза. Бывший редактор «Democratic Review» (письмо Дж. Бьюкенену от 19 марта 1848 г.) и журналистка газеты «La Verdad» рассуждали о том, что приобретение Кубы Соединенными Штатами будет якобы способствовать прекращению международной работорговли³⁰. Трудно с уверенностью говорить, насколько эти слова были искренними и насколько сами журналисты действительно верили в то, что писали. По свидетельству Соломона Нортапа, свободнорожденного афроамериканца из г. Саратога-Спрингс в штате Нью-Йорк, похищенного в 1841 г. и проданного в рабство, определенную помощь в его освобождении оказал Сулз³¹ (Нортап оказался на свободе в январе 1853 г. и вскоре опубликовал мемуары под названием «12 лет рабства» – они дважды экранизировались в США, в последний раз в 2013 г.).

Позиция «Молодой Америки» в отношении флибустьеров подтверждает заключения ряда современных американских исследователей о том, что аннексионистское движение в США не имело региональных, этнических границ, получая поддержку и в городах Севера, в частности в Нью-Йорке.

Примечания

¹ Слово «флибустьер» (filibuster) в то время имело иные коннотации, нежели в наши дни. Оно еще не подразумевало лоббирование интересов в Сенате. Термин происходит от староголландского слова «vrijbouter» (freebooter), которое на французском языке звучит как «libustier». С XVII в. так обозначали солдат удачи, пиратов, совершавших набеги на Испанскую Вест-Индию. В этом же значении слово стало использоваться в США в XIX в. Роберт Мэй называет флибустьерами американских авантюристов, которые принимали участие в военных экспедициях, осуществляли (или планировали осуществить) вооруженное вторжение в иностранные государства, находившиеся в мире с Соединенными Штатами (*May R.E. Manifest Destiny's Underworld: Filibustering in Antebellum America. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2002. P. xi*). Флибустьерские экспедиции совершались и в другие регионы Латинской Америки. См.: *Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость:*

- 1815–1830. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. С. 123–131; *Он же*. Северо-американские связи Франсиско де Миранды // Американский ежегодник 2012 / Отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь мир, 2012. С. 168–169 (здесь поднимается важная проблема об оценке флибустьерства).
- 2 Аннексионистское движение в США и на Кубе и, в частности, флибустьерские экспедиции, отношения между Мадридом и Вашингтоном в данный период являлись объектом исследования многих историков. Ввиду ограниченного объема статьи назовем лишь некоторые работы: *Ларин Е.А.* Какому флагу служил генерал Лопес? // Новая и новейшая история. 1980. № 4. С. 142–150; *Ивкина Л.А.* Куба: трудный путь к независимости // Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2012. С. 291–297; *Фонер Ф.* История Кубы и ее отношений с США: 1845–1895 годы (от эры аннексионизма до начала второй войны за независимость): Пер. с англ. М.: Прогресс, 1964; *Portell Vilá H. Narciso López y su época:* In 3 vols. Vol. 1: La Habana: Cultural, 1930; Vol. 2: Narciso Lopez y su época (1848–1850). La Habana: Compañía editora de libros y polletos, 1952; Vol. 3. Narciso Lopez y su época (1850–1851). La Habana: Compañía editora de libros y polletos, 1958; *Rauch B.* American Interest in Cuba: 1848–1855. N.Y.: Columbia University Press, 1948; *May R.E.* Southern Dream of a Caribbean Empire, 1854–1861. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1973; *Brown Ch.H.* Agents of Manifest Destiny: The Lives and Times of the Filibusters. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980; *Chaffin T.* Narciso López and the First Clandestine U.S. War against Cuba. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1996; *Lazo R.* Writing to Cuba: Filibustering and Cuban Exiles in the United States. Chapel Hill; L.: The University of North Carolina Press, 2005. Ценные источники, ряд важных работ по теме можно найти на сайте: Cuban Filibuster Movement (1849–1856) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/filibusters.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
- 3 См.: *May R.E.* Slavery, Race and Conquest in the Tropics: Lincoln, Douglas, and the Future of Latin America. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. P. 66–67.
- 4 См.: К.В. Нессельроде – А.А. Бодиско, 25 октября 1851 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1851. Д. 147. Л. 331–331 об.; Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. 1851. Д. 53. Л. 362–362 об.
- 5 См.: *Reilly T.* Jane McManus Storms: Letters from the Mexican War, 1846–1848 // The Southwestern Historical Quarterly. 1981. Vol. 85. № 1. P. 26–30; *May R.E.* Reconsidering Antebellum U.S. Women's History: Gender, Filibustering, and America's Quest for Empire // American Quarterly. 2005. Dec. Vol. 57. № 4. P. 1 172; *Lazo R.* Op. cit. P. 74–75.
- 6 См.: *Rauch B.* Op. cit. P. 54; *Sampson R.D.* John L. O'Sullivan and His Times. Kent; L.: The Kent State University Press, 2003. P. 212–213.
- 7 *Polk J.* The Diary of a President 1845–1849 / Ed. by A. Nevins. L.; N.Y.; Toronto: Longmans, Green and Co, 1952. P. 321.

- ⁸ См.: The Trial of the Cuban Filibusters. Twenty-Fourth Day // The New York Times. 1852. Apr. 5.
- ⁹ А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 9/21 апреля 1852 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1852. Д. 150. Л. 88 об.
- ¹⁰ См.: The Late Cuba State Trials // Democratic Review (далее – DR). 1852. Apr. Vol. 30. № 166. P. 312–318; The Neutrality Law: What Does It Mean, What Prohibit and What Permit // Ibid. 1852. June. Vol. 30. № 168. P. 503–504, 512; *Harris S.H.* The Public Career of John Louis O’Sullivan. Thesis subm. ... for the degree of Doctor of Philosophy. Columbia University, 1958. P. 310–314.
- ¹¹ См.: Progress of the Present Cabinet in Regard to European Policy // La Verdad. 1850. Jan. 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/laverdad/LV-1-15-1850.pdf> (дата обращения: 10.12.2014); Cuba // Ibid. 1850. June 4; Political Errors of the Whig Administration of the United States // Ibid. 1850. July 25; Democratic Ratification Meeting at Washington – Speech of Gen. Cass // The New York Times. 1852. June 10; etc.
- ¹² См.: A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789–1902 / Ed. by J.D. Richardson. Vol. 5. N.Y.: Bureau of National Literature and Art, 1916. P. 113–118.
- ¹³ *Schlesinger L.* Personal Narrative of Louis Schlesinger, of Adventures in Cuba and Ceuta // DR. 1852. Sept. Vol. 31. № 171. P. 210–212.
- ¹⁴ Вискская газета «The New York Times», по-видимому, неслучайно приводила слова У. Криттендена, который перед смертью в послании своему дяде признался, что был обманут Лопесом, а также американской прессой, уверявшей, что жители острова готовы к успешной революции (Interesting from the Capital – Honors to Kossuth – Invasion of Mexico, & // The New York Times. 1851. Oct. 13).
- ¹⁵ *Montgomery C.* The Queen of Islands, and the King of Rivers. N.Y.: Charles Wood, 1850. P. 3; Situation of the Government of Cuba // La Verdad. 1848. July 30.
- ¹⁶ См.: The Late Cuba State Trials... P. 310–315; Narciso Lopez and His Companions // DR. 1851. Oct. Vol. 29. № 160. P. 293–294; [*Soule P.*]. Speech of Mr. Soule, of Louisiana, on Colonization in North America, and on the Political Condition of Cuba. Delivered in the Senate of United States, Jan. 25, 1853. P. 3.
- ¹⁷ [*Betancourt Cisneros G.*]. Thoughts upon the Incorporation of Cuba into the American Confederation // A Series of Articles on the Cuban Question Published by the Editors of “La Verdad”. N.Y.: La Verdad Publishing, 1849. P. 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://ia700803.us.archive.org/21/items/seriesofarticles00lave/seriesofarticles00lave.pdf> (дата обращения: 10.11.2014); *Lazo R.* Op. cit. P. 81–83.
- ¹⁸ Will the Annexation of Cuba Aid to Our Strength As a Nation? // La Verdad. 1850. Feb. 1; Island of Cuba. On Annexation. Answer to the Article of “El Revisor” // Ibid. 1850. March 13; Island of Cuba. On Annexation. Answer to the Article of “El Revisor” // Ibid. 1850. July 25; Cuba – Annexation // Ibid. 1848. Nov. 30; *Montgomery C.* The Queen of Islands... P. 10, 16–22; etc.
- ¹⁹ См.: *Montgomery C.* The Queen of Islands... P. 3; The Neutrality Law... P. 511.

- ²⁰ The Cuban Debate // DR. 1852. Nov.–Dec. Vol. 31. № 173. P. 438, 441.
- ²¹ См.: *Ettinger A.A.* The Proposed Anglo-Franco-American Treaty of 1852 to Guarantee Cuba to Spain (Alexander Prize Essay). Read 12 June, 1930 // JSTOR. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/3678491?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21104414048471> (дата обращения: 10.11.2014).
- ²² А.А. Бодиско – К.В. Нессельроде, 29 декабря 1852 г. / 10 января 1853 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1853. Д. 156. Л. 28.
- ²³ Congressional Globe. 32 Congress. 2 Session. Appendix. P. 172; The Cuban Debate... P. 435, 447.
- ²⁴ Цит. по: *Фонер Ф.* Указ. соч. С. 100; The Lone Star Cuban Filibusters – Serenade to Hon. Senator Soule, at the New-York Hotel // The New York Times. 1853. Aug. 6.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1853. Д. 156. Л. 92 об.
- ²⁶ См.: *May R.E.* Slavery, Race, and Conquest in the Tropics... P. 70; *Chaffin T.* Op. cit. P. 8–9.
- ²⁷ См.: *Saxton A.* The Rise and Fall of the White Republic: Class Politics and Mass Culture in Nineteenth-Century America. L., N.Y.: Verso, 2003 (1st publ. in 1990). P. 68–69.
- ²⁸ To the Journal of Commerce // La Verdad. 1849. June 1; W.R. King – The Conquest of Africa // DR. 1852. Aug. Vol. 31. № 170. P. 102–105.
- ²⁹ Цит. по: *Johannsen R.W.* Stephen A. Douglas. N. Y.: Oxford University. Press, 1973. P. 347.
- ³⁰ См.: The Negro Question in the Island of Cuba // La Verdad. 1849. May 18; The Slave-Trade // Ibid. 1849. Oct. 1; How Will Cuba Influence Slavery // Ibid. 1850. Feb. 1; *Montgomery C.* The Queen of Islands... P. 22–26; *Eyal Y.* The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 136; etc.
- ³¹ См.: *Northup S.* Twelve Years a Slave: Narrative of Solomon Northup, a Citizen of New-York, Kidnapped in Washington City in 1841, and Rescued in 1853. Chapel Hill: Univ. of North Carolina, 1997 (1st ed. 1853). P. 292. [Electr. ed.] URL: <http://docsouth.unc.edu/fpn/northup/northup.html> (дата обращения: 10.11.2014).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПРОЕКТАХ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.

Статья посвящена роли Ближнего Востока во внешней политике России и Великобритании в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделяется вопросам территориального разграничения интересов двух держав в контексте противодействия Османской империи и союзной Франции. Эволюция ближневосточной политики России и Англии происходила в условиях быстроменяющейся политической ситуации в регионе. Взаимодействие Великобритании с лидерами арабского освободительного движения против Турции, идеи сионизма, военные успехи британской армии во многом формировали политический ландшафт на Ближнем Востоке. В исследовании показаны важнейшие этапы сложной геополитической борьбы.

Ключевые слова: Ближний Восток, Османская империя, сионизм, соглашение Сайкса – Пико, Декларация Бальфура.

В исторической ретроспективе Ближний Восток стал для двух великих держав тем местом, где пересекались интересы и решались судьбы целых народов. В годы Первой мировой войны здесь велись ожесточенные сражения с главным союзником Германии в регионе – Османской империей. Россия и Англия в сложившихся условиях исходили из своих интересов, определявших ход дальнейших взаимоотношений. В свою очередь, наличие общего врага давало импульс для сближения и поиска форм взаимодействия. Необходимо отметить, что в отечественной науке данная тема не получила всестороннего изучения. Многие работы сфокусированы на исследовании лишь отдельных ее аспектов. Некоторые авторы до сих пор повторяют мысль о незначительной заинтересованности России в ближневосточном регионе. Данное явление в отечественной историографии имеет ярко выраженные

европоцентристские установки, которые мешают оценивать события Первой мировой войны во взаимосвязи всех аспектов исторического процесса. Тем не менее, по верному наблюдению отечественного исследователя Е.Ю. Сергеева, наметился отход от традиционного европоцентризма в изучении событий 1914–1918 гг., что позволяет значительно расширить изучение Великой войны¹.

Заинтересованность Британии в ближневосточных территориях определялась несколькими факторами: защитой стратегически важных путей в Индию, активизацией военных действий против Османской империи и наличием богатых природных ресурсов. В свою очередь, Россия также была заинтересована в контроле над Египтом, Палестиной, Ираном и отчасти государствами Саудовской Аравии. Самыми яркими сторонниками усиления ближневосточной политики накануне и в разгар Великой войны были такие политики, как Ллойд Джордж и лорд Керзон. Первый был убежден, что судьбы Мировой войны решаются именно на Ближнем Востоке и если державы Антанты здесь победят, это неминуемо приведет к поражению как Турции, так и Германии².

Вступление в войну на стороне Германии во многом определило дальнейшую судьбу Турции. Обширные территории Османской империи, куда входило множество народов, различавшихся по этноконфессиональному составу и уровню социально-экономического развития, стали объектом конструирования геополитических моделей великих держав. Важную роль в этих моделях играли освободительные движения народов Османской империи и интересы самих держав. 17 июня 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Эдвард Грей на встрече с полковником Хаузом, понимая необходимость согласованных действий в отношении разграничения взаимных интересов с Россией, ясно обозначил позицию Англии: «Великобритания и Россия соприкасаются в столь многих пунктах мира, что им необходимо достигнуть какого-нибудь удовлетворительного взаимопонимания»³. Похожую мысль неоднократно высказывали и в окружении Николая II.

К сожалению, в отечественной историографии совершенно упущен из поля исследовательского внимания вопрос об альтернативном плане русского правительства по вопросу раздела территорий Османской империи. В середине декабря 1915 г. русский подданный и армянский политический деятель А. Завриев информировал военного агента в Греции полковника П.П. Гудим-Левковича о возможности присоединения назначенного на должность военного и гражданского администратора Сирии Ахмеда Джемала к Антанте⁴. Речь шла об организации на территории арабских вилай-

етов и восточной Анатолии независимого государства. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов, обсудив данный проект, поспешил уведомить о нем союзные державы. Предполагалось детальное обсуждение с Ахмедом Джемалем проекта и пути его реализации. Согласно условиям этого проекта территория азиатской Турции должна была состоять из автономных земель Палестины, Сирии, Ирака, Аравийского полуострова, Киликии, Армении и Курдистана. В свою очередь, великие державы должны были гарантировать их независимость, Константинополь с проливами должны были быть отторгнуты от территории Османской империи и перейти к России, а Ахмед Джемаль – стать правителем Турции с правом передачи власти по наследству. Предполагалось, что он поднимет восстание против султана и его германских представителей. Во внешнеполитическом ведомстве России считали важным и необходимым реализовать этот проект. С.Д. Сазонов сообщил союзным сторонам о возможности вступить в тайные переговоры с Ахмедом Джемалем. Однако это предложение не нашло у них одобрения. Напротив, недовольство по данному поводу было высказано министром иностранных дел Франции А. Брианом в беседе с русским послом в Париже А.П. Извольским. Обеспокоенный возможной потерей Сирии, части Палестины и Киликии в случае, если бы удалось пойти на соглашение с Джемалем, Бриан категорически отверг эту идею, выразив сомнение в успешном исходе предприятия. Англия, которая уже вела активные переговоры с арабами, также отнеслась скептически к предложению Сазонова начать переговоры с Джемалем. Учитывая интересы Франции, едва ли Англия могла пойти на рассмотрение этого проекта, который имел шансы обрести реальные очертания только при взаимном интересе союзников. Понимая это, в начале 1916 г. С.Д. Сазонов попытался в переписке с Лондоном и Парижем еще раз поднять вопрос о переговорах с Джемалем, но к этому времени приоритеты ближневосточных интересов Англии и Франции уже находились за рамками предложенного проекта. Архивные данные говорят о том, что данный проект весьма активно обсуждался в русском МИДе⁵.

В свою очередь, вступление Турции в войну на стороне Центральных держав активизировало Англию в ближневосточном регионе. В связи с этим позиция британского кабинета была озвучена 2 ноября 1914 г.: «С этого времени Великобритания должна отказаться от принципа целостности Османской империи в Европе и Азии»⁶. Не имея вполне ясных целей и намерений, Англия укрепляла свои позиции там, где ранее уже были обозначены ее интересы. В декабре 1914 г. Египет, который с 1882 г. находился под

контролем Великобритании, был провозглашен протекторатом Английской короны. Февральское наступление турецкой армии на Суэцкий канал, а также неудачные военные операции в Месопотамии в конце 1914 г. заставили политическую элиту Великобритании увеличить численность английских войск на ближневосточных фронтах и искать контакты с арабскими вождями для борьбы с германо-турецкими силами. Едва ли можно говорить о наличии определенных внешнеполитических планов по отношению к Османской империи в 1914 – начале 1915 г. Вполне ясные очертания наметились только в докладе комиссии Мориса де Бюнсена, которая 30 июня 1915 г. сформулировала цели британской политики и ее интересы на территории Османских земель. Согласно положением доклада, ось английской ближневосточной политики проходила от Месопотамии до Палестины по линии Ревандуз – Дамаск – Акра.

Особое место в ближневосточных проектах Великобритании занимали переговоры Форин-офиса с представителями арабских племен. Вопрос о возможном арабском восстании против Турции неоднократно обсуждался английскими политиками накануне Первой мировой войны. Британский исследователь Э. Кедури в своей работе приводит свидетельство Р. Сторса, секретаря по восточным делам в Каире, который достаточно активно проводил зондаж возможного участия арабских племен в войне⁷. В докладных записках в Лондон сообщалось о том, что переговоры с арабской стороной могут обеспечить «не только нейтралитет, но и союзные отношения с Аравией в случае нападения со стороны Османской империи»⁸. Более конкретными стали переговоры в ходе переписки между верховным комиссаром в Египте Генри Мак-Магоном и эмиром Мекки Хусейном, продолжавшейся с июля 1915 г. по февраль 1916 г. Стороны пытались прийти к соглашению путем оговоренных уступок. Британия планировала поднять арабов на восстание против Турции и получить ряд экономических преференций, арабы со своей стороны потребовали признания независимости арабских территорий от Индийского океана до линии Мерсина – Адана – Мардин – Амадия⁹. Отсутствие ясных определений и договоренностей породили после Первой мировой войны сложности истолкования самого текста переписки. Франция, которая вскоре узнала о переговорах и была обеспокоена возможными территориальными изменениями в зоне ее интересов в Сирии, предложила обсудить границы Сирии в рамках раздела турецких территорий. С этой целью 23 ноября 1915 г. в Лондоне начались переговоры между французским представителем Жоржем Пико и заместителем министра иностранных дел

Великобритании А. Никольсоном, которого вскоре сменил Марк Сайкс. По данному вопросу между двумя державами наметились противоречия. Англия признавала за Францией только часть Сирии и настаивала, чтобы большая ее часть отошла арабской стороне. В свою очередь, Франция предлагала полную аннексию Западной Сирии, свой протекторат над Дамаском, Хамой, Хомсом и Алеппо, а также раздел территории Палестины. В ходе обсуждения стало очевидно, что не обойтись без согласования с Россией. В феврале 1916 г. Англия и Франция информировали Россию о переговорах в Лондоне и уведомили С.Д. Сазонова о приезде в Петроград Сайкса и Пико для окончательного урегулирования взаимных интересов. По приезде в Петроград в марте 1916 г. Сайкс и Пико вручили Сазонову проект раздела арабских территорий Османской империи. После детального изучения Россия одобрила данный проект, но с определенными условиями – в случае реализации соглашения о проливах и Константинополе, передачи России Турецкой Армении, Битлиса, Урмии, области Хакяри и части южного побережья Черного моря, а также обеспечения прав и привилегий православной церкви на Святой земле¹⁰. Согласившись принять условия русского правительства, Англия и Франция поспешили закрепить между собой окончательный план раздела ближневосточных территорий, после чего трехстороннее соглашение обрело ясные черты. Османскую империю предполагалось разделить на пять зон: 1) «синюю зону» – Западная Сирия и Ливан, территория к западу от линии Алеппо – Хама – Хомс – Дамаск, а также некоторые районы юго-восточной Анатолии признавались полным владением Франции; 2) «красную зону» – Басорский вилайет, южная часть Багдадского вилайета, палестинские порты Хайфа и Акка отходили к Англии; 3) «коричневую зону» – на территории Палестины устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и другими странами; 4) зону «А» – Восточная Сирия и Северный Ирак признавались сферой влияния Франции; 5) зону «Б» – Заиорданье и центральная часть Ирака попадали в сферу влияния Англии. Британия и Франция получали право свободно использовать административных и материальных ресурсов в своих зонах. Несмотря на достигнутые соглашения, данный проект не устраивал ни Англию, ни Францию, поскольку, идя на уступки друг другу, обе стороны вынуждены были жертвовать частью своих интересов. Все это вынуждало британский кабинет искать легитимные способы усиления геополитического влияния в регионе.

Следующий этап политического переустройства Ближнего Востока был связан с попыткой Великобритании выйти за рамки

соглашения, используя ситуацию на ближневосточном театре боевых действий и все более набиравшие силу идеи сионизма. Особенно сильны были эти идеи в Англии, России и Германии, где на уровне политических элит формировалось благосклонное отношение к мысли о создании «национального очага» евреев на территории Палестины. При этом Россия выступала за ее интернационализацию, а Британия делала попытки включить эту территорию в зону своего непосредственного влияния. Ситуация усугублялась тем, что сама идея создания «национального очага» евреев нашла отклик у потенциального врага Антанты – Германии. Лидеры Всемирной сионистской организации (ВСО) установили контакты с Вильгельмом II еще накануне Первой мировой войны. В начале войны представитель этой организации Х. Вейцман встретился с английским государственным деятелем А. Бальфуrom и получил от него заверение в том, что, как только Турция будет разделена, еврейские общины получают защиту Британского протектората¹¹. Пока английские политики ограничивались обсуждением возможных перспектив создания отдельного еврейского государства, в Германии было образовано еврейско-немецкое общество и разрабатывались конкретные планы обустройства еврейских общин в Палестине. В архивах государства Израиль сохранилась переписка личного советника кайзера графа Эйленбурга, в которой шла речь о протекторате над еврейским государством в Палестине¹². Как только информация стала известна британскому кабинету, его контакты с представителями ВСО активизировались. Ллойд Джордж после опубликования Декларации Бальфура ясно высказался о причинах тесного сотрудничества Англии с представителями сионизма: «Военное значение декларации Бальфура лучше всего доказывается тем, что немцы вступили в переговоры с турками, пытаясь тоже выдвинуть план, который мог бы оказаться заманчивым для сионистов»¹³.

История британской декларации начинается с письма МИДа Франции ведущему деятелю ВСО Н. Соколову, в котором говорилось о поддержке права еврейского народа воссоздать свое государство на территории Палестины. Летом 1917 г. после обсуждения вопроса о возможности образования такого государства с представителями британской политической элиты министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур вступил в переписку с представителем британской еврейской общины лордом Ротшильдом. От имени ВСО Ротшильд предложил Бальфуру составить декларацию, которая бы обращалась к евреям разных стран и поднимала вопрос о создании «национального очага» для еврейского народа.

(Большинство представителей британской политической элиты поддерживали эту идею.) В итоге после консультаций и согласований, в том числе с представителями ВСО и президентом США В. Вильсоном 2 ноября 1917 г. появился официальный документ, который вошел в историю как Декларация Бальфура. Стоит отметить, что в политической элите Британии не было однозначного отношения к этому документу, напротив, он вызвал оживленную дискуссию среди английских политиков, оценки которых были порой противоположными¹⁴.

В свою очередь, Э. Грей предписал британскому послу в Петрограде Дж. Бьюкенену узнать об отношении России к декларации и идее «национального очага» евреев. В ответ на запрос Дж. Бьюкенена в записке С.Д. Сазонова была высказана позиция о необходимости сохранения «прежних прав и привилегий России и православной церкви на территории Палестины» и о том, что «Россия не имеет возражений против заселения колонистов в этой стране»¹⁵. Таким образом, деятельность представителей сионизма подготовила хорошую почву для использования Декларации Бальфура для дальнейшего закрепления Англии в этой зоне ближневосточного региона. Необходимо отметить, что с изменением политической ситуации в России ее интерес к ближневосточным делам не исчез. Назначенный на должность министра иностранных дел П.Н. Миллюков информировал послов России о том, что Временное правительство остается верным прежним обязательствам перед союзниками и в отношении ранее заключенных соглашений. В своей телеграмме 29 апреля 1917 г. П.Н. Миллюков, сообщая поверенному в делах в Лондоне К.Д. Набокову о вероятности скорого взятия Иерусалима английскими войсками, указал: «Ввиду этого мы считаем необходимым участие нашего отряда в международной оккупации Иерусалима и святых мест, где у нас имеются интересы первостепенной важности»¹⁶. Предполагалось выделить такой отряд из состава русских войск, находившихся на македонском театре военных действий. Дальнейшие внутриполитические события в России стали препятствием для реализации этого плана. Переломным моментом, который вывел Россию из геополитического поля на Ближнем Востоке, стал Брест-Литовский мирный договор, заключенный Советской Россией с Центральными державами 3 марта 1918 г. В соответствии с этим договором Россия лишалась возможности военного и политического присутствия на Ближнем Востоке, отказывалась от колониальных приобретений и политики царского правительства в регионе.

Иначе складывалось положение Великобритании на обширных территориях Османской империи. Совместные действия британской

армии и арабских повстанцев привели к тому, что в ноябре 1917 г. были взяты стратегически важные города Газа и Яффа. Тем не менее турецкая армия вела активные боевые действия и пыталась организовать оборону и контрнаступление вплоть до октября 1918 г. Усилиями генерала Алленби, французской армии и повстанцев Фейсала 1 октября 1918 г. удалось взять Дамаск. К этому времени сопротивление турецкой армии было окончательно сломлено. После военных побед над союзницей Германии Турцией Великобритания вновь поставила вопрос о необходимости изменения в соглашении Сайкса – Пико. Освобожденная от турецкой армии ближневосточная территория по договоренности между Великобританией и Францией теперь была разделена на три зоны: 1) «северная» зона, включавшая в себя побережье Сирии, попадала в сферу влияния Франции; 2) «восточная» – проходившая по линии Алеппо – Дамаск – Акаба и соответствовавшая зонам «А» и «Б» соглашения Сайкса – Пико, передавалась арабам (здесь предполагалось создание Арабского государства); 3) «южная» зона, совпадающая с «красной» в соглашении Сайкса – Пико и включавшая в себя Палестину, переходила Великобритании. Следовательно, прежнее соглашение Сайкса – Пико было скорректировано таким образом, что Франция получала меньше, чем ей было обещано ранее, а Британия обретала контроль над Палестиной. Новый вариант соглашения в дальнейшем станет определять геополитический ландшафт Ближнего Востока, на его основе будет принята мандатная система управления.

При этом британское правительство попыталось сохранить баланс интересов между арабами, возлагавшими надежды на выполнение англичанами обещаний, данных эмиру Мекки Хусейну, и евреями, которым оказывалось содействие в возрождении их «национального очага». Однако политика баланса сил в регионе оказалась недолгой, отношения между арабами и евреями значительно ухудшились из-за притязаний обеих сторон на палестинские земли. Обстановка обострялась в связи с распространением идей национализма на территории арабских провинций Османской империи. В этих условиях союзникам предстояло определить судьбу турецких владений на Парижской мирной конференции. После многочисленных обсуждений было принято решение о создании мандатной системы управления бывших османских и германских колоний. Установление мандатной системы стало новым этапом в истории ближневосточного региона и во многом сформировало ее современные контуры.

Итак, в конце Первой мировой войны ситуация на Ближнем Востоке наиболее удачно сложилась для Великобритании, поскольку ее геополитические проекты в этом регионе были реализованы. На

Парижской мирной конференции Англия получила мандат на управление Палестиной, а также контроль над территориями в рамках соглашения Сайкса – Пико – Сазонова. России же так и не удалось осуществить план Завриева в силу противодействия великих держав. Оказавшись без их поддержки, она была вынуждена принимать участие в ближневосточных делах в рамках британских проектов. После окончания Первой мировой войны эти проекты найдут свое отражение в формировании той геополитической модели, которая будет определять в XX в. характер политического устройства на Ближнего Востоке.

Примечания

- ¹ См.: *Сергеев Е.Ю.* Первая мировая война – пролог истории XX в. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир». М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 13.
- ² См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М.: ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1935. Т. 4. С. 75–77.
- ³ Архив полковника Хауза: В 2 т. М.: Астрель, 2004. Т. 1. С. 75.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138: Секретный архив министра. Оп. 469. Д. 215/216.
- ⁵ Там же. Д. 228.
- ⁶ *Kedourie E.* England and the Middle East. L.: Bowes and Bowes, 1956. P. 58.
- ⁷ Ibid. P. 125.
- ⁸ *Tauber E.* The Movements in World War I. L.: Frank Cass, 1993. P. 137.
- ⁹ Подробнее об этом см.: Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы / Предисл., вступ. ст., коммент. Д.Л. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2008.
- ¹⁰ См.: *Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1925. Ч. 2. С. 40–41.
- ¹¹ См.: Documents relating to the Balfour declaration and the Palestine mandate. L., 1939. P. 12.
- ¹² См.: *Shtein L.* The Letters and Papers of Chaim Weizmann. L.: Oxford University Press, 1968. Series A. Vol. 1. P. 389.
- ¹³ *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах: В 2 т. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. Т. 1. С. 303.
- ¹⁴ См.: *Шандра А.В.* Декларация Бальфура в оценках деятелей британской политической элиты (1917–1920) // История Европы: Сб. научных работ. М., 2008. С. 90–95.
- ¹⁵ Мировые войны XX века: В 4 кн. Первая мировая война: Документы и материалы. 2-е изд. / Отв. ред. В.К. Шаццло. М.: Наука, 2005. С. 362–363.
- ¹⁶ Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М.: Литиздат НКВД, 1924. С. 324.

НЕМЕЦКОЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕЖДУ СССР И США

Немецкое антигитлеровское Сопротивление, бывшее высшим проявлением оппозиционных настроений в рейхе, оказалось между двумя полюсами – Востоком и Западом, СССР и США. Деятели немецкого Сопротивления находились в неоднозначных и противоречивых отношениях с «большой тройкой» – Советским Союзом, США и Великобританией. Если консервативная оппозиция в целом ориентировалась на Запад (Великобританию и США), то немецкие коммунисты рассматривали в качестве своего идейно-политического ориентира СССР.

Ключевые слова: немецкое антигитлеровское Сопротивление, антигитлеровская коалиция, «большая тройка», требование безоговорочной капитуляции Германии, возможность заключения сепаратного мира.

Во время холодной войны история германского Сопротивления была одним из участков фронта политико-идеологической борьбы между Востоком и Западом, в первую очередь между СССР и США. На Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция. Для Советского Союза олицетворением Сопротивления Гитлеру были немецкие коммунисты¹. Если консервативная оппозиция в целом ориентировалась на Запад (Великобританию и США), то коммунисты – на СССР.

Тем самым, немецкое антигитлеровское Сопротивление, бывшее высшим проявлением оппозиционных настроений в Третьем рейхе, находилось между двумя полюсами – Востоком и Западом, между СССР и США. «Великая коалиция, – писал американский военный историк М. Мэтлофф, – выкованная в войне и для войны, сложилась в 1941–1942 годах. Это был военный союз, напоминавший “брак по расчету”. Общая опасность объединила в 1941 году

Соединенные Штаты Америки, Англию и Советский Союз. Но из-за различий в традициях, политике, интересах, географическом положении и ресурсах каждая страна-участница коалиции смотрела на войну в Европе по-своему»².

Коалиция западных демократий и сталинского СССР была основана на наличии общего врага – Гитлера. Однако если германское антигитлеровское Сопротивление стремилось устранить его с политической сцены, то лидерам СССР, Великобритании и США для сохранения единства союзников Гитлер как символ нацистской Германии нужен был живым до конца коалиционной войны. Глава разведывательно-диверсионного управления НКВД – НКГБ СССР генерал-лейтенант П.А. Судоплатов в мемуарах отмечал: «В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза»³.

Англичане и американцы, в свою очередь, подозревали СССР в поисках сепаратного мира с Третьим рейхом. В литературе высказывается мнение, что отсрочка открытия западными союзниками второго фронта в Европе в 1943 г. способствовала тому, что Сталин подверг предварительной проверке возможность заключения сепаратного мира с Германией. Для этого Советскому Союзу нужно было иметь политического партнера в лице оппозиционного Гитлеру представительства немецкого народа и армии. Эту роль должен был сыграть учрежденный 12 июля 1943 г. в подмосковном Красногорске антифашистский Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ)⁴, который провозглашал своей целью свержение Гитлера «объединенными усилиями немецкого народа» и формирование нового германского правительства⁵.

Создание НКСГ негативно восприняли как в Германии, так и в Великобритании и США. Если в нацистском рейхе его считали «организацией предателей за колючей проволокой»⁶, то англичане и американцы рассматривали НКСГ как созданный СССР отдельно от западных союзников правительственный орган будущей Германии и даже выразили протест против разрешения его антифашистской деятельности⁷.

Председатель учрежденного 11–12 сентября 1943 г. в подмосковном Лунёво на платформе НКСГ «Союза немецких офицеров» (СНО) генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц также рассматривал НКСГ и СНО в качестве основы будущего германского правительства⁸. Генерал направил руководству СССР меморан-

дум, суть которого сводилась к предложению признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать германские освободительные войска. Официального ответа на свой меморандум Зайдлиц не получил. Однако вскоре после представления этого документа Сталину застрелился начальник оперативно-чеккистского отдела Главного управления по делам военнопленных НКВД – НКГБ СССР генерал Н.Д. Мельников, который, вероятно, и был «идейным вдохновителем» меморандума и проекта создания «армии Зайдлица». Очевидно, это и был ответ Сталина⁹.

Учреждение Советским Союзом на базе НКСГ своего рода «германского правительства в изгнании» и создание им «германской освободительной армии» стало бы прямым нарушением Вашингтонской Декларации Объединенных Наций, подписанной 26 государствами антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, 1 января 1942 г.; это противоречило бы советско-британскому договору от 26 мая 1942 г.; шло бы в разрез с союзническими обязательствами, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, состоявшейся 19–30 октября 1943 г. Все эти документы запрещали сепаратные переговоры с врагом. На Московской конференции министров иностранных дел была одобрена декларация о принципах «всеобщей безопасности», содержавшая формулу «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутую президентом США Ф.Д. Рузвельтом в Касабланке в январе 1943 г.

Однако Сталин предпочитал держать своих западных союзников в напряжении, разыгрывая «германскую карту» в своих интересах. Впрочем, западные союзники не раз делали то же самое. Существует очевидная связь между сообщениями советской разведки об их планах и созданием НКСГ¹⁰. Хронологическая взаимобусловленность затяжки Запада с открытием второго фронта в Европе и созданием НКСГ подтверждается документами контрразведывательной операции «Венона», которую с 1943 по 1980 г. осуществляли американская военная контрразведка, Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Федеральное бюро расследований (ФБР) Министерства юстиции США¹¹.

Согласно этим источникам, 9 августа 1943 г. резидентура советской военной разведки ГРУ в Нью-Йорке направила в Москву зашифрованную телеграмму о реакции политических кругов США на создание НКСГ. Редактор журнала «Ньюсуик» Э. Линдлей, который был тесно связан с Госдепартаментом США и лично знаком с госсекретарем К. Хэллом, сообщал, что создание НКСГ вызвало удивление в Госдепартаменте. Высказывалось мнение, что НКСГ

был нужен для формирования в Германии дружественного СССР правительства. Госдепартамент настаивал на том, чтобы президент Рузвельт потребовал от СССР объяснений по поводу образования НКСГ и получил гарантии, что, в соответствии с декларацией НКСГ, СССР не заключит с ним сепаратный мир как с новым правительством Германии¹².

Какова была позиция США по вопросу заговора немцев против Гитлера и подписания с антинацистскими силами Германии сепаратного мира? Американцы не готовили покушения на Гитлера своими силами, однако специальный представитель президента Рузвельта А. Даллес¹³, с ноября 1942 г. до конца войны возглавлявший в Швейцарии резидентуру Управления стратегических служб (УСС) США, был в курсе странным образом срывававшихся планов покушения немецкой оппозиции на своего фюрера и верховного главнокомандующего.

Основным информатором Даллеса по делам антигитлеровского Сопротивления был вице-консул германского генконсульства в Цюрихе Г. Гизевиус (он же агент УСС № 512), который слыл активным заговорщиком, служил в абвере и был «дозорным» адмирала В. Канариса в Швейцарии. Гизевиус высоко ценил Даллеса и считал, что он «наложил свой отпечаток на деятельность не только американской, но и всей союзной разведывательной службы в Европе»¹⁴. Гизевиус доставлял Даллесу сообщения от лидеров германской консервативной оппозиции генерал-полковника Л. Бека и К. Гёрделера и держал Даллеса в курсе подготовки заговоров против Гитлера.

Появление Даллеса в Швейцарии зарегистрировали во внешнеполитической разведке СС¹⁵ и даже внедрили к нему своего агента – немца под условным именем «Габриэль», который выдавал себя за участника заговора против Гитлера. (В донесениях СС «Габриэль» имел номер VM-144/7957). В ведомстве Шелленберга сумели раскрыть американский шифр, которым пользовался Даллес, отправляя шифрограммы в Вашингтон «Дикому Биллу» – директору УСС генералу У. Доновану. Правда, не обошлось без курьезов: немцы спугали Аллена Уэлша Даллеса с его старшим братом Джоном Фостером и присвоили Аллену условное имя «Фостер»¹⁶.

Среди немецких посетителей Даллеса был советник Министрства иностранных дел Германии А. фон Тротт цу Зольц, член «Кружка Крейсау» и участник антигитлеровского заговора. Тротт совершил поездку в Швейцарию, чтобы предупредить Даллеса о том, что если западные демократии откажутся рассматривать возможность подписания достойного мира с антинацистским режи-

мом в Германии, то заговорщики обратятся к Советской России. Даллес отнесся к этому с пониманием, однако не дал каких-либо заверений. «Можно только удивляться лидерам немецкого Сопротивления, которые проявляли такую настойчивость в достижении мирного соглашения с Западом и такую нерешительность в избавлении от Гитлера», – отмечал американский журналист У. Ширер¹⁷.

Одним из ближайших сотрудников Даллеса был немец Г. фон Шульце-Геверниц, после прихода нацистов к власти эмигрировавший из Германии в США. Геверниц был женат на дочери рурского угольного магната Г. Стиннеса. Еще до вступления США в войну Геверниц, часто посещая Берлин и Берн, постарался завязать многочисленные связи, перспективные с точки зрения разведки. «Все годы Второй мировой войны, что я провел в Швейцарии, мы постоянно работали вместе, и он был моим ближайшим соратником, когда дело касалось взаимодействия с антигитлеровским Сопротивлением, – писал Даллес о Гевернице. – Одного его имени было достаточно, чтобы обеспечить нам выгодные позиции в установлении контактов с участниками главного заговора против Гитлера, кульминацией которого стало неудавшееся покушение 20 июля 1944 г.»¹⁸.

В феврале 1943 г. в Берне Даллес и Геверниц встречались с князем М. Гогенлоэ (доверенным лицом как рейхсминистра иностранных дел И. фон Риббентропа, так и рейхсфюрера СС Г. Гимmlера), генерал-фельдмаршалом В. Браухичем и генерал-полковником К. Цейтцлером. Обсуждались вопросы возможных путей завершения войны и послевоенного устройства Германии и Европы в целом. Речь шла о том, что Германия может согласиться на мир, если западные державы не допустят ее оккупации Советским Союзом. В заметках немецких участников этих встреч отмечалось, что «американцы... знать не хотят о большевизме или панславизме в Центральной Европе и в противоположность англичанам ни в коем случае не хотят видеть русских на Дарданеллах и в нефтяных областях Румынии или Малой Азии»¹⁹.

По оценке Даллеса, лучшим из его источников был Дж. Вуд. Под этим псевдонимом скрывался сотрудник германского Министерства иностранных дел в чине консульского секретаря 1-го класса Ф. Кольбе. Бюро посла по особым поручениям К. Риттера, в котором служил Кольбе, осуществляло связь Министерства иностранных дел с верховным командованием вермахта. В обязанности Кольбе входило просматривать и распределять для исполнения телеграммы, которыми обменивались эти ведомства и германские дипломатические учреждения в разных странах. Так

Кольбе оказался одним из самых информированных чиновников рейха.

Через знаменитого берлинского хирурга Ф. Зауэрбруха (с его секретаршей у Кольбе был роман), Кольбе установил контакты с одной из групп Сопротивления. Тесные доверительные отношения у него сложились с бывшим президентом рейхстага социал-демократом П. Лёбе и майором вермахта графом А. фон Вальдерзее, который еще в 1941 г. собирался застрелить Гитлера, когда тот приедет в Париж. Через вхожего в оппозиционные нацистскому режиму религиозные круги предпринимателя В. Бауэра Кольбе познакомился с видными деятелями консервативного Сопротивления Д. Бонхёффером и К. Гёрделером.

Переговоры с немецкой оппозицией Даллес рассматривал как средство установить в послегитлеровской Германии выгодный для США режим. Во всяком случае, по сведениям, исходившим от немецкого агента «Габриэль», Даллес «осуждает Рузвельта за требование безоговорочной капитуляции Германии и ищет в рейхе людей, которые помогли бы Западу»²⁰. Как сообщал «Габриэль», по мнению Даллеса, в 1944 г. «будет все больше сокращаться сфера власти Гитлера и генералитет начнет вести войну самостоятельно. С его точки зрения, это психологически важный момент, заключающий в себе возможности переговоров. Принятое в Касабланке решение о том, чтобы не идти на какие-либо переговоры и ждать безусловной капитуляции, представляет, конечно, ценность как, например, средство давления, но он готов в любое время предпринять в Вашингтоне шаги с целью начать переговоры с такой оппозицией в Германии, которую действительно можно принимать всерьез. Уже сам факт переговоров может дать этой оппозиции такой импульс и привести к таким далеко идущим последствиям, что их трудно предвидеть»²¹.

Таким образом, Даллес был готов пойти на отдельные переговоры с немцами; дело было за малым: наличием в Германии такой оппозиции, «которую действительно можно принимать всерьез». Однако в 1944 г. после весенне-летнего наступления Красной армии, высадки союзников в Нормандии и провала немецкого военного путча против Гитлера американцам оставалось «принимать всерьез» лишь рейхсфюрера СС Гимmlера. И они действительно через посредников вступили в переговоры с главным нацистским палачом²².

К. Хэлл, государственный секретарь США в 1933–1944 гг. и сторонник американо-советского сближения, в 1948 г., когда уже началась холодная война, писал, что американцы «всегда должны

помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы нас (американцев. – *Б. Х.*) и открыл двери для следующей тридцатилетней войны»²³.

Однако германское антигитлеровское Сопротивление во время Второй мировой войны ориентировалось не только на Запад («Детели 20 июля»), но и на Восток («Красная капелла»). Пока шла война, все антинацистские силы как в Германии, так и за ее пределами, имели общую цель; различия между прозападными (в частности, проамериканскими) и просоветским силами Сопротивления отходили на задний план.

«Красная капелла» – организация немецкого антинацистского Сопротивления и самая знаменитая в истории Второй мировой войны разведывательная сеть, в которую, наряду с другими политическими силами, входили коммунисты, была ориентирована на Советский Союз. При этом, как признают составители «Очерков по истории российской внешней разведки», утверждение, что все участники «Красной капеллы» направлялись «из единого зарубежного (читай: советского. – *Б. Х.*) центра и что их руководителем якобы являлся советский военный разведчик Леопольд Трешпер, ошибочно»; причем «связи между антифашистами и представителями советской разведки носили характер партнерства»²⁴.

Мало известно, что участники «Красной капеллы» были также связаны и с США. Приведу один лишь факт: в марте 1941 г. американский торговый атташе в Берлине Сэм Э. Вудс через «Красную капеллу» получил информацию о намерении Германии напасть на СССР. Сначала эта информация не воспринималась серьезно в разведывательных кругах США. Но после того как ее подтвердили американские специалисты, которые читали шифрованную переписку между Токио и японским послом в Берлине, президент Рузвельт приказал сообщить об этом И.В. Сталину. В телеграмме говорилось: «Правительство Соединенных Штатов, пытаясь оценить развитие в мире, получило информацию, которую считает достоверной, ясно указывающую на намерение Германии напасть на Советский Союз». Резолюция Сталина на этой телеграмме была типичной для него: «Провокация»²⁵.

Эта информация корреспондируется со «Справкой 1-го Управления НКГБ СССР № 106 от 2 апреля 1941 г.: «“Старшина” (Хульце-Бойзен. – *Б. Х.*) встретился с “Корсиканцем” (Харнаком. – *Б. Х.*). “Старшина” сообщил о полной подготовке и разработке плана нападения на Советский Союз его учреждением (Министерством военной авиации. – *Б. Х.*)»²⁶.

О том, что США пристально интересовались деятельностью «Красной капеллы» свидетельствуют архивы американских спецслужб. Документация ЦРУ является ценным источником информации о «Красной капелле», основанной как на трофейных документах абвера и гестапо, так и на результатах послевоенных расследований деятельности «Красной капеллы», проведенных военной разведкой и ЦРУ США²⁷. Часть шифрограмм «Красной капеллы» была расшифрована в США в ходе операции «Венона»²⁸.

Интересно соотнести американские данные с документами «Красной капеллы», оказавшимися в советских архивах и опубликованными в 1990-е гг. в России и ФРГ²⁹. Сопоставление этих источников свидетельствует как о перехвате и в дальнейшем дешифровке и чтении в США радиogramм «Красной капеллы», посланных из Берлина в Москву, так и об обмене СССР и США в 1944–1945 гг. «оригинальной разведывательной информацией»³⁰.

Гестапо и функ-абвером (службой военной контрразведки, обеспечивавшей контроль за эфиром) были перехвачены радиogramмы «Красной капеллы», в частности сообщавшие о подготовке германского вторжения в СССР. Эти шифровки фигурировали на судебном процессе имперского военного трибунала 15–19 декабря 1942 г. в качестве главных доказательств измены Шульце-Бойзена – Харника «родине и фюреру»³¹.

Получаемая советской разведкой информация «Красной капеллы» дополнялась сведениями, поступающими от лиц, работавших или служивших на предприятиях и учреждениях рейха, в армии, авиации, на железнодорожном транспорте. Некоторые из этих людей впоследствии вошли в группы заговорщиков против Гитлера, которые объединены условным обозначением «деятели 20 июля 1944 г.».

В вопросах внешней политики Гёрделер и его сторонники ориентировались на Англию и США. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Полиц, а также многие военные. Шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис после провала заговора 20 июля 1944 г. на допросе показал: «Мы обсуждали возможность заключения мира. В первую очередь говорилось о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними вести борьбу с большевиками»³².

Штаб Канариса был одним из центров консервативного Сопротивления Гитлеру, ориентированного на Запад. Ханс фон Донаньи, с 1939 г. действуя под руководством заместителя Канариса генерал-майора Ханса Остера, разрабатывал юридические вопро-

сы устранения Гитлера. Кроме Донаньи, в группу Остера входили Ф. Харнак и братья К. и Д. Бонхёффер.

Пастору и ученому-теологу Дитриху Бонхёфферу принадлежали слова, которыми руководствовались заговорщики: «Попытка убрать Гитлера, даже если бы это означало убийство тирана, была бы, по сути, делом религиозного послушания; новые методы угнетения со стороны нацистов оправдывают новые способы неповиновения... Если мы утверждаем, что мы христиане, нечего рассуждать о целесообразности. Гитлер – это антихрист»³³.

Брат Дитриха, юрист Клаус Бонхёффер служил начальником юридического отдела немецкой авиакомпании «Люфтганза»; в его подчинении работал молодой юрисконсульт О. Йон. Через Клауса Бонхёффера Йон вошел в контакт с противниками гитлеровского режима и вскоре стал курьером антинацистского Сопротивления: Йон как юрист «Люфтганзы» часто летал за границу, что давало ему возможность в нейтральных странах встречаться с британскими и американскими представителями. Советские источники в британской разведке, а именно К. Филби, доносили о тайных связях Йона с разведкой Великобритании³⁴.

Судя по данным, полученным в 1939 г. советской разведкой из Берлина, к этому году Йон уже имел контакт с американским корреспондентом Л. Лохнером, в котором немецкая консервативная антигитлеровская оппозиция видела связь с президентом США Рузвельтом.

В ноябре 1941 г., еще до вступления США в войну, группа Гёрделера направила в США через Лохнера меморандум с запросом об условиях сепаратного мира³⁵. 1 июня 1944 г. Йон передал представителю Управления стратегических служб США в Мадриде письмо от группы Сопротивления, состоявшей из остатков Социалистической партии и партии Центра, адресованное проживавшему в эмиграции в США бывшему лидеру партии Центра и канцлеру Веймарской республики в 1930–1932 гг. Г. Брюнингу: зондировался вопрос о готовности Брюнинга войти в правительство Германии, которое должно было быть создано после устранения Гитлера.

Гёрделер, «теневого канцлер» антигитлеровской оппозиции, надеялся, что британское правительство поддержит немецкое Сопротивление. Однако Уинстон Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и так называемый «пруссский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции, заявив: «Я абсолютно против самых незначительных контактов»³⁶. Черчилль принципиально не поддерживал немецких противников Гитлера, считая, что чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше.

Тем не менее Гёрделер упорно бомбардировал Лондон своими меморандумами. Первый мирный план Гёрделера, предназначенный для передачи британскому правительству, появился 30 мая 1941 г., меньше чем за месяц до нападения Гитлера на СССР и за семь месяцев до вступления США во Вторую мировую войну.

В апреле 1942 г. Гёрделер избрал в качестве своих посредников в переговорах между германской консервативной оппозицией и правящими кругами Великобритании и США шведских банкиров братьев Якоба и Маркуса Валленбергов (их племянником был шведский дипломат Рауль Валленберг, спасший от уничтожения нацистами 100 тыс. венгерских евреев³⁷). Клан Валленбергов был тесно связан с английскими, немецкими, американскими банками и фирмами. Гёрделер просил Я. Валленберга узнать в Лондоне, что получила бы оппозиция в случае государственного переворота в Германии. Ответ Я. Валленберга последовал в ноябре 1942 г.: шведский банкир не без иронии посоветовал немецкому визави, если он на самом деле собирается действовать, не отягощать Лондон бесконечными запросами.

В феврале 1943 г. Гёрделер сообщил Я. Валленбергу, что заговорщики подготовили план переворота, намеченного на март. 26 марта 1943 г., через два месяца после победы Красной армии в Сталинградской битве, был составлен очередной меморандум Гёрделера. Этот документ был предназначен для германского генералитета и представлял собой развернутую программу действий. Гёрделер нарисовал перед генералами тревожную картину: «Война находится в безнадежной стадии. Силы армии и нации истощаются. Продовольственное положение ухудшилось. Военная промышленность топчется на месте. Население недовольно. Германии грозит “практическая большевизация”. Гитлер не проявил себя настоящим полководцем. Союзники Германии не верят в ее победу и готовятся к сепаратному миру. Прежними методами войну выиграть нельзя». Однако, считал Гёрделер, еще возможно «достичь ведущего положения Германии на континенте». Но как? Ответ: в блоке с США и Англией. «Обе англосаксонские державы, как и Германия, жизненно заинтересованы в том, чтобы большевизм не проник дальше на Запад. Только Германия может сдерживать большевизм». Политику блока с США и Англией должно осуществить новое правительство монархического типа, опирающееся па вермахт. Войну на Востоке следует продолжать, ибо разрядка в отношениях с западными державами «облегчит... сосредоточение всех военных сил немецкого народа на Востоке»³⁸.

Уже после того как 8 сентября 1944 г. «имперский народный суд» приговорил Гёрделера за участие в заговоре против Гитлера

к смертной казни, Гёрделер пошел на сотрудничество с рейхсфюрером СС Гиммлером. В октябре 1944 г., когда нацистские крысы, обладавшие более тонким чутьем, побежали с тонущего корабля Третьего рейха, Гиммлер сделал Гёрделеру предложение «использовать его тесные политические связи с Якобом Валленбергом и с руководителем сионистов д-ром Вейцманом и... установить контакт с английским премьер-министром Черчиллем и таким путем достичь быстрого и приемлемого мира. Гёрделер принял это поручение»³⁹. 8 ноября 1944 г. Гёрделер под давлением Гиммлера обратился с письмом к Валленбергу, в котором призвал своего шведского партнера способствовать заключению Англией (в тайне от России) мира с «нынешней», т. е. нацистской, Германией⁴⁰.

В тюрьме Гёрделер создал свой последний документ – «Меморандум приговоренного к смерти», своеобразное политическое завещание лидера консервативной оппозиции. Накануне казни Гёрделер написал слова, на которые мало кто из немцев мог тогда осмелиться: «Вероятно, Господь карает весь немецкий народ, даже невинных детей, за то, что мы позволили уничтожать евреев, не пошевелив пальцем в их защиту... Я прошу мир принять нашу мученическую судьбу как жертву за немецкий народ»⁴¹.

Однако не все «деятели 20 июля» ориентировались на США и Великобританию. Значительная часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известными представителями были полковник граф К. фон Штауффенберг и генерал-майор Х. фон Тресков), в отличие Гёрделера и его группы, являлась сторонниками ориентации на Восток – заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для послевоенной германской демократии: ведь Веймарская республика успешно сотрудничала с СССР, в частности в военной сфере.

Центральный пункт внешнеполитической программы группы Штауффенберга – это полный разрыв с установками на separatenый мир с Западом, четкая ориентация на окончание войны на всех фронтах и заключение мира не только с США, Англией и Францией, но и с Советским Союзом. «Именно в этом коренное отличие внешнеполитической программы Штауффенберга от программы ведущих деятелей заговора – Гёрделера, Хасселя и других», – отмечал первооткрыватель темы «20 июля» в отечественной историографии Д.Е. Мельников⁴².

Штауффенберг говорил, что «необходимо использовать каждую возможность вести политические переговоры с Россией, которая является нашим соседом»; он настаивал на том, чтобы были

предприняты конкретные шаги для установления контакта с советским правительством⁴³.

Сторонники сотрудничества с СССР были и среди немецких дипломатов. Наиболее последовательным из них был бывший германский посол в Москве граф Ф.В. фон дер Шуленбург. Его позицию по этому вопросу в основном разделяли деятели «Кружка Крейсау»⁴⁴. Один из участников этого кружка Т. Штельцер в воспоминаниях описывает внешнеполитические взгляды большинства его членов и их разногласия с Гёрделером: «Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею... Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка»⁴⁵.

Эта точка зрения полностью отвечала взглядам графа Шуленбурга⁴⁶. В мае 1941 г., когда нацистскую агрессию уже невозможно было предотвратить, посол трижды предупреждал советское руководство о том, что германское нападение на СССР должно начаться в ближайшее время.

После поражения группы армий «Центр» под Москвой зимой 1941–1942 гг. и полного провала «блицкрига» Шуленбург направил Гитлеру записку с предложением начать сепаратные переговоры с СССР. Ответа не последовало. Тогда Шуленбург стал искать иные пути к миру: с 1942 г. он начал контактировать с деятелями антигитлеровской оппозиции⁴⁷.

В декабре 1942 г. Шуленбург и Тротт встретились с сотрудником бюро Риббентропа Б.П. Клейстом, который должен был установить связь с советским посольством в Стокгольме, чтобы прозондировать возможность мирных переговоров с Кремлем⁴⁸. Но ни эта, ни последующие попытки германской антигитлеровской оппозиции по каналам Риббентропа (и, возможно, Канариса) связаться с Москвой через Стокгольм успехом не увенчались.

С 1943 г. Шуленбург (наряду с фон Хасселем и фон Вайцеккером) рассматривался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве рейхсканцлера Гёрделера, которое должно было быть сформировано после устранения нацистского диктатора и ликвидации наиболее одиозных личностей и структур национал-социализма. Причем Гёрделер, несмотря на свою «прозападную» ориентацию, поддерживал кандидатуру Шуленбурга⁴⁹. Свою основную задачу в новом послегитлеровском правительстве

Шуленбург видел в скорейшем прекращении войны, восстановлении и развитии отношений с СССР.

С помощью офицеров штаба группы армий «Центр» Шуленбурга намечалось переправить за линию фронта для ведения переговоров со Сталиным и Молотовым⁵⁰. По мнению лидера заговора в штабе группы армий «Центр» генерала фон Трескова, это был единственный шанс избежать тотального поражения Германии. Об этом плане осенью 1943 г. Тресков беседовал с Гёрделером, который воспринял план Трескова прохладно: он все еще надеялся достичь договоренности с Западом. План Трескова так и остался невыполненным⁵¹.

В целом немцы-заговорщики, как военные, так и штатские, ориентированные как на СССР, так и на Великобританию и США, несмотря на внутренние разногласия, сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определить основные формы управления страной и направления политики.

* * *

Таким образом, во время Второй мировой войны германское антигитлеровское Соппротивление вынужденно маневрировало между советской Сциллой и англо-американской Харибдой; часть его участников ориентировалась на Запад, часть – на Восток. Немецкие антинацисты были, как правило, патриотами своей родины; цели их борьбы объективно совпадали с задачами антигитлеровской коалиции. Слабость и непоследовательность антигитлеровского Соппротивления в Германии привели его к поражению. Великобритания, СССР, США, разгромив Третий рейх, вынуждены были на территории Германии совместно решать задачи, нерешенные немецкими противниками Гитлера.

Примечания

¹ См.: *Chavkin B.* Der deutsche Widerstand gegen Hitler aus Sicht der russischen Historiographie // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2008. № 2.

² *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964. С. 22.

- ³ Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М., 1997. С. 173; Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха (1940–1945). Смоленск, 2001. С. 303.
- ⁴ См.: Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель – свободная Германия: Из истории антифашистского движения «Свободная Германия». М., 1969; Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 1997. № 2. S. 179.
- ⁵ Manifest des Nationalkomitees “Freies Deutschland” an die Wehrmacht und das deutsche Volk anlässlich der Gründung des NKFD am 12./13. Juli 1943 // Das des Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt am/M., 1995. S. 265–268; За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 185–236.
- ⁶ Verrat hinter Stacheldraht? // Scheurig B. Verräter oder Patrioten: Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943–1945. Berlin, 1993.
- ⁷ См.: Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981. С. 187.
- ⁸ См.: За Германию – против Гитлера... С. 185–236.
- ⁹ См.: Reschin L. General zwischen den Fronten. Berlin, 1995. S. 108–124; «Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР» / Публ. Л.Г. Бабиченко // Источник. 1996. № 1. С. 51–61; Хавкин Б.Л. Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 307–308. Примеч. 38.
- ¹⁰ См.: Weinberg G. A World At Arms: A Global History of World War Two. Cambridge, 1994. P. 611.
- ¹¹ См.: Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets, Exposing Soviet Espionage and America’s Traitors. Washington, DC, 2001; Лайнер Л. Самая секретная операция американских спецслужб. М., 2003.
- ¹² См.: О’Салливан Д. Проект «Венона»: неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 118–119.
- ¹³ Мемуары А. Даллеса “Germany’s Underground” (New York, 1951), “The Craft of Intelligence” (New York, 1963), “The Secret Surrender” (New York, 1966) являются ценным источником по изучаемой теме. В русском переводе: Искусство разведки. М., 1994; Асы шпионажа. М., 2002; Тайная капитуляция. М., 2004.
- ¹⁴ Цит. по: Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. М., 2004. С. 295–296.
- ¹⁵ VI отдел Главного управления имперской безопасности (РСХА) «СД-Аусланд», который возглавлял бригадефюрер СС В. Шелленберг.
- ¹⁶ См.: Hagen W. Die geheime Front. Linz-Wien, 1950. S. 456; Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 150.
- ¹⁷ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 408.
- ¹⁸ Даллес А. Тайная капитуляция... С. 273.
- ¹⁹ Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1964. С. 300.

- ²⁰ *Безьменский Л.А.* Тайный фронт против второго фронта. С. 150.
- ²¹ *Felfe H.* Im Dienst des Gegners. 10 Jahre Moskaus Mann im BND. Hamburg; Zürich, 1986; *Фельфе Х.* Мемуары разведчика. М., 1988. Гл. «Куда идешь, германский рейх?». С. 53.
- ²² См.: *Хавкин Б.Л.* Рейхсфюрер СС Гиммлер: Второй после Гитлера. М., 2014. С. 129–137.
- ²³ Цит. по: *Фалин В.М.* Мистерии второго фронта // Родная Ладога. 2010. № 1. С. 100–101.
- ²⁴ Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3. М., 1997. С. 415.
- ²⁵ *Мёрфи Д.* Что знал Сталин: Загадка плана «Барбаросса». М., 2009.
- ²⁶ 1941: Документы: Россия XX век. М., 1998. Док. № 355.
- ²⁷ См.: *The Rote Kapelle: The CIA's History of Soviet Intelligence Networks in Western Europe, 1936–1945.* Langley, VA: CIA, 1979.
- ²⁸ См.: *О'Салливан Д.* Указ. соч.
- ²⁹ См.: *Chawkin B., Corpi H., Zorja J.* Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994; Секреты Гитлера на столе у Сталина: Март – июнь 1941 г. М., 1995; Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 4.
- ³⁰ Взаимодействие разведок СССР и США в годы войны // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 2003. С. 399–415.
- ³¹ *Haase N.* Der Fall “Rote Kapelle” vor dem Reichskriegsgericht // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994.
- ³² 20. Juli – Spiegelbild einer Verschwörung. Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler. Stuttgart, 1961. S. 407.
- ³³ *Bethge E.* Dietrich Bonhoeffer. Man of Vision, Man of Courage. N.Y., 1977. P. 626–627; *Метаксас Э.* Дитрих Бонхёффер: Праведник мира против Третьего рейха. М., 2012.
- ³⁴ Об отношении К. Филби к немецкому Сопротивлению и, в частности, к Йёну см.: *Knightly P.* The Master Spy. N.Y., 1989. P. 108–109; *Бейли Дж., Кондрашов С., Мерфи Д.* Поле битвы Берлин. М., 2002. С. 224.
- ³⁵ См.: *Безьменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. М., 2004. С. 287.
- ³⁶ *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1954. S. 551.
- ³⁷ См.: *Бирман Дж.* Праведник: Рауль Валленберг: биография, факты, документы. М., 2001. С. 127.
- ³⁸ Полный текст меморандума опубликован Г. Риттером: *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 577–596. Цит. S. 577; *Безьменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. С. 290–291.
- ³⁹ *Безьменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. С. 332–333.
- ⁴⁰ См.: *Ritter G.* Op. cit. S. 429–430.
- ⁴¹ *Беркович Е.* Одинокие герои: История покушений на Гитлера // Вестник-Online. № 20. 2004. 29 сент.

- ⁴² Мельников Д.Е. Полковник Клаус фон Штауффенберг и заговор против Гитлера: Предисловие // Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 9.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: *Ulrich V.* Der Kreisauer Kreis. Hamburg, 2008.
- ⁴⁵ *Steltzer Th.* Sechzig Jahre Zeitgenosse. München, 1966. S. 154. Цит. по: *Финкер К.* Указ. соч. С. 141.
- ⁴⁶ См.: *Фляйшхауэр И.* Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии: 1938–1939. М., 1991. С. 48.
- ⁴⁷ «План противников Гитлера использовать Шуленбурга для контактов с Советским Союзом возник в конце декабря 1942 года» (*Кезель Г.* В бурях нашего века. М., 1987. С. 156).
- ⁴⁸ См.: *Kleist B.P.* Zwischen Stalin und Hitler. Bonn, 1950; *Риббентрон И., фон.* Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 198–199; *Martin B.* Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation // *Felder und Vorfelder* russischer Geschichte / Hrsg. von I. Auerbach. Freiburg, 1985. S. 284; *Wuermeling H.* “Doppelspiel”: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004. S. 168–169.
- ⁴⁹ См.: *Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime* / Hrsg. von Gerd R. Ueberschär. Köln, 1994. S. 140.
- ⁵⁰ См.: Тайны дипломатии Третьего рейха. М., 2011. С. 509–510.
- ⁵¹ См.: *Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944.* Stuttgart, 1961. S. 308, 492–495; *Финкер К.* Указ. соч. С. 173.

II. Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

А.В. Гуцин

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС – ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена экономической и внутривнутриполитической ситуации на Украине в 2014–2015 гг. Автор уделяет особое внимание проблемам отношений между украинскими политическими силами и олигархами и их влиянию на экономическое положение страны.

Ключевые слова: украинский кризис, Украина, юго-восток Украины, Россия, экономика, выборы.

Украинский кризис стал не просто главным событием 2014 г. на постсоветском пространстве, но и одной из главных мировых проблем, оказывающих непосредственное влияние на европейскую безопасность и всю систему международных отношений. Он спровоцировал самое сильное противостояние двух крупнейших постсоветских государств – России и Украины. Это противостояние не только чрезвычайно осложнило их двусторонние отношения, но и обнажило целый ряд серьезных проблем современной системы международной безопасности.

Для самой Украины 2014 год можно считать ключевым с точки зрения национально-государственного строительства и определения ее внешнеполитических приоритетов. На протяжении всей постсоветской истории на Украине боролись два подхода. Первый из них предполагал формирование новой политической идентичности на основе этнонациональной самоидентификации. Второй подход ориентировался на создание эффективного бюрократического аппарата с минимальным акцентом на «национальные особенности» как инструмент общественной консолидации. В течение 2014 г. произошла безоговорочная победа первого

подхода, что спровоцировало серьезные противоречия в Крыму и на юго-востоке страны.

Договорной характер постсоветской украинской элиты долгие годы обеспечивал работу политической системы страны. Он был следствием сохранения сложного баланса интересов между различными политическими и финансово-экономическими группами, при котором ни одна из них не получала полного доминирования. Но весь постсоветский период жизни независимой Украины сопровождался упадком инфраструктуры, коррупцией, демографическим спадом и эмиграцией молодежи. Именно этот глубокий социальный кризис и явился основной причиной тех событий, которые вошли в историю под названием «оранжевая революция», или «первый Майдан»¹.

Избрание президентом Виктора Януковича в 2010 г. и успех его «Партии регионов» на парламентских выборах 2012 г.² стали в какой-то степени реваншем за политическое поражение востока страны в ходе «оранжевой революции». Однако при новом президенте качество власти и управления становилось все ниже. Политика балансирования превратилась в шарахания между интеграционными проектами под эгидой России и Евросоюза. Такое положение создало безусловные предпосылки для «второго Майдана», мощного общественного движения, приведшего к свержению В. Януковича и смене власти в стране.

Россия вложила миллиарды долларов в экономику Украины, еще больше было предоставлено кредитов, в последнее десятилетие миллионы украинцев (цифры разнятся, по данным Федеральной миграционной службы, не менее миллиона неофициально работающих ежегодно) постоянно работали в нашей стране, что было ощутимым подспорьем для украинской экономики. Москва оставалась самым крупным торгово-экономическим партнером Киева. Однако в последние несколько лет перед вторым Майданом доля России во внешнеторговом обороте Украины существенно снижалась³. В конце 2013 г. премьер-министр Н. Азаров вынужден был признать серьезное сокращение товарооборота с Россией – на 25 % за первые 10 месяцев 2013 г. в сравнении с аналогичным периодом 2012 г. В целом же, по данным Государственного комитета статистики Украины, в 2013 г. российско-украинский товарооборот составил 38,2 млрд долл., в то время как в 2011 г. он превышал 50 млрд долл. При этом доля Евросоюза увеличилась и составила в 2013 г. 45,6 млрд долл. ЕС во много раз превосходил Россию по объемам прямых инвестиций (43,8 млрд долл. против 4,28 млрд долл.)⁴.

Не менее серьезным рисковым фактором для России оказалось то, что тактические успехи, достигнутые вхождением Украины в 2012 г. в Зону свободной торговли СНГ, были во многом дискредитированы торговыми войнами и отсутствием доверия друг к другу. Помня газовые войны, и Россия, и Украина пытались решить вопрос снижения взаимной зависимости в энергетической сфере: Киев стремился найти альтернативные пути получения энергоносителей, в то время как Москва рассчитывала на «Южный поток», который должен был снизить зависимость России от украинской газотранспортной системы и лишить Украину преимуществ транзитного государства. Убежденность России в действенности газовой дипломатии имела под собой почву, однако не учитывалась возможность использования этого фактора антироссийскими силами как инструмента влияния на настроения украинского общества – российский газ представлялся как элемент шантажа со стороны «старшего брата»⁵.

Наблюдалась недооценка важности работы с различными группами элит Украины. Отсюда иллюзии по поводу того, что отказ президента Украины от подписания Соглашения об ассоциации Украины и ЕС осенью 2013 г. не вызовет недовольства заинтересованных политических и бизнес-кругов, отсюда непонимание трагичности положения, в котором оказался В. Янукович в январе 2014 г. Ситуация усугублялась личными качествами украинского лидера, на которого делала ставку Москва, – полным отсутствием харизмы и неспособностью внутренне мобилизоваться перед возникшей угрозой отстранения от власти, а также очевидной вовлеченностью В. Януковича и его ближайших сподвижников в масштабную коррупционную деятельность.

Еще один важный урок Майдана – шаткость системы договоренностей и государственных границ на постсоветском пространстве, свидетельствующая о том, что процесс распада СССР, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг., имеет тенденцию к продолжению. Неизбежным следствием победы второго Майдана стало углубление поляризации украинского общества по географическому принципу и обострение сепаратистских тенденций на юго-востоке страны⁶.

Этому в немалой степени способствовала радикальная позиция новых украинских властей, пришедших на смену регионалам Януковича и инициировавших отмену закона о региональных языках, дававшего русскому языку официальный статус в регионах, где его считали родным более 10 % населения. Хотя соответствующее решение Верховной рады было ветировано временно исполняющим обязанности президента А. Турчиновым, его было достаточно для

придания мощного импульса пророссийским настроениям в Крыму, Одессе и ряде регионов юго-востока, прежде всего в Донецкой, Луганской и Харьковской областях. Изначально выступления носили характер протестов против новых политических лидеров, нарушивших Конституцию страны и узурпировавших, по мнению протестующих, власть, но их конечная цель была очевидна – выход региона из состава Украины и присоединение к России.

Вне зависимости от того, насколько серьезную поддержку Кремль оказывал этим выступлениям, их глубинная причина – неприятие частью граждан независимой Украины межгосударственных границ, подтвержденных Соглашением об образовании СНГ и Большим договором между Россией и Украиной, а также национальной идеи и концепции национальной истории, сформировавшихся после распада СССР. Неспособность новых украинских властей к ведению с этими жителями эффективного диалога и достижению компромисса поставила Москву перед сложным выбором, который был решен в пользу поддержки тенденций к отделению юго-востока.

Начиная с февраля 2014 г. украинский политический ландшафт существенно трансформировался. С авансены исчезли прежняя правящая «Партия регионов», ориентированная на интересы элит юго-востока страны, а также Коммунистическая партия Украины (КПУ), скептически настроенная в отношении европейской и североатлантической интеграции. Лишь отдельные представители этих партий смогли найти себе место в изменившихся политических реалиях. В итоге оформилась новая партийная система, в которой практически нет разделения на условно пророссийские и антиросийские силы.

На парламентских выборах в октябре 2014 г. почти все партии и блоки, которые участвовали в избирательной гонке, были ориентированы на отталкивание от России и унитаризм. Фактически единственной силой, выступавшей не в унисон с доминирующей политической повесткой дня, стал «Оппозиционный блок», получивший 9,43 % голосов по партийным спискам и всего 29 мандатов. При этом и в ходе кампании, и после нее «Оппозиционный блок» стал рассматриваться его оппонентами и противниками как партия, не готовая в полной мере к защите национальных интересов страны. Судя по результатам выборов, ряд известных политиков, поддержавших новый национальный консенсус (в первую очередь Юлия Тимошенко и Анатолий Гриценко), потеряли значительную часть электората и в обозримом будущем, скорее всего, не смогут претендовать на ведущие роли в украинской политике.

Однако внутри доминирующего политико-идеологического тренда конкуренция между различными группами интересов сохранилась: команда президента Петра Порошенко, сторонники премьер-министра Арсения Яценюка, олигархические группы, среди которых особенно выделяется команда бывшего губернатора Днепропетровской области Игоря Коломойского, играющая важную роль в формировании добровольческих подразделений для участия в антитеррористической операции в Донбассе (АТО).

Для новой украинской власти характерна серьезная зависимость от Запада, играющего на противоречиях между двумя ведущими парламентскими партиями – более радикальным «Народным фронтом», опирающимся на поддержку значительной части населения запада страны, и Блоком Петра Порошенко. Более того, обычной стала практика назначения иностранцев на ответственные посты в правительстве⁷. Новый украинский проект отличает милитаризация политики и идеологии. Отмечается и сильная региональная дифференциация. Вместе с тем, несмотря на значительное укрепление антироссийского дискурса, радикальные националисты, эксплуатирующие идеи этнического превосходства украинцев, не попали в парламент.

Современные украинские политики, в том числе и новые, финансируются все теми же олигархическими кланами – Игорем Коломойским (Андрей Садовый и «Самопомощь», Арсений Яценюк и «Народный фронт»), Виктором Пинчуком, Дмитрием Фирташем, Леонидом Юрушевым (Яценюк), Сергеем Левочкиным («Оппозиционный блок», Радикальная партия). Прошедший год, однако, привел к появлению целого ряда политиков, которые, хотя и спонсируются известными старыми финансово-промышленными группами, представляют собой новую, молодую генерацию политиков, близкую к политикам стран Центральной Европы, сформировавшимся уже в посткоммунистический период. Среди них выделяется фигура А. Садового, мэра Львова и лидера партии «Самопомощь».

Начало весны 2015 г. характеризовалось на Украине зарождением и развитием нескольких интересных трендов, которые напрямую связаны с внешней поддержкой, а именно линией Вашингтона по отношению к украинским партнерам⁸. В первую очередь, это явная попытка усилить монолитность политического поля и роль президента страны, повысить управляемость Украины в целом и не допустить неконтролируемой регионализации, выразившаяся в отставке И. Коломойского и его ближайшего окружения, уходе части депутатов, связанных с Коломойским из фракции «Блок Петра

Порошенко», атаке на позиции премьер-министра А. Яценюка⁹ и на «Народный фронт», интеграции околвоенных структур и добровольческих формирований в состав Вооруженных сил Украины.

Все это косвенно указывает на то, что для Соединенных Штатов украинский проект – это серьезная долгосрочная стратегия. США сосредоточатся на укреплении вооруженных сил и исполнительной власти Украины. При этом помощь по линии МВФ будет продолжена в объеме, достаточном для недопущения экономического коллапса страны.

Единственной официально находящейся в оппозиции фракцией Верховной рады является «Оппозиционный блок», однако уже наметились признаки грядущего раскола большой коалиции, которая была сформирована после победы «Блока Петра Порошенко» и «Народного фронта» на парламентских выборах. Осень – зима 2015 г., особенно после местных выборов, будет очень показательным и сложным периодом. Именно тогда наиболее вероятно серьезное переформатирование парламентской коалиции, особенно учитывая весенние заявления Ю. Тимошенко с резкой критикой экономического курса правительства, что указывает на попытку ее возвращения на политические позиции первого ряда. Вероятность переформатирования коалиции будет выше, если на Донбассе конфликт примет замороженный характер, в случае же открытого конфликта и его эскалации у нынешней коалиции появятся дополнительные скрепы. Понятно, что решение о возможных досрочных выборах в конце 2015 г. вместе с местными или после, в 2016 г., будет приниматься после согласований с Вашингтоном.

Вместе с тем именно замороженный конфликт остается одним из наиболее вероятных сценариев дальнейшего развития конфликта на Донбассе, особенно если будет достигнут консенсус относительно введения в зону разграничения миротворцев. Однако это не означает, что угроза эскалации будет отложена.

В недавнем противостоянии горняков частных шахт и правительства можно рассмотреть признаки эскалации внутриэлитного конфликта на Украине, в частности попытку сопротивления олигарха Р. Ахметова тому нажиму, который оказывается на него властями. Последние события являются элементом курса властей на снижение влияния олигархата на политическую систему. Вместе с тем рост социального протеста носит не только рукотворный характер, он во многом связан с объективными показателями украинской экономики, находящейся в глубоком кризисе.

Еще одним важным событием внутривнутриполитической жизни Украины стал процесс декоммунизации. Он вызывает массу во-

просов не только в России, но и у западных партнеров. Законопроект «О правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX в.» стал причиной дебатов в западном обществе. Историки утверждают, что подписание такого документа вызовет серьезные вопросы относительно преданности Украины принципам Совета Европы и ОБСЕ. Президент Польши Б. Комаровский уже заявил, что принятие закона осложнит польско-украинский исторический диалог¹⁰. Сегодня наиболее радикальные украинские политические силы не учитывают различий между обвинением в адрес сталинизма – вполне, надо сказать, справедливым, и не только на Украине, – и запретом коммунистической идеологии, отсутствующим в большинстве стран мира. Для Украины это рискованная политика, которая может изменить ее восприятие на Западе. Она представляет серьезную опасность и для целостности государства, ставя под вопрос возможность минимизации раскола по линии Восток – Запад. Трудно представить, что население Запорожья, и особенно Харькова, может позитивно относиться к проекту строительства стены и укрепленных рубежей на границе с Россией, не говоря уже о запрете коммунистической символики. Между тем недопущение в Харькове широкого сепаратистского движения является ключевой задачей для киевских властей.

Очевидно, что Украина находится перед лицом экономической катастрофы, и от правительства и западных доноров зависит, удастся ли не допустить ее. Политическое ослабление премьера А. Яценюка и «Народного фронта» в этой связи вряд ли случайно. На Западе поняли, что правительство, по крайней мере его не иностранная часть, так и не смогло выработать стратегию выхода из кризиса. В этих условиях говорить о серьезных инвестициях в воюющую страну с разрушенной экономикой вряд ли приходится. Сейчас ВВП Украины составляет только 36 % от того уровня, который она имела в момент распада СССР. Совет директоров Международного валютного фонда одобрил выделение Украине 17,5 млрд долл. помощи в рамках программы расширенного финансирования (Extended Fund Facility, EFF). Программа сотрудничества между Украиной и МВФ пересматривалась с осени в связи с девальвацией гривны и ухудшением макроэкономических показателей страны. Если раньше Украина участвовала в кредитных программах по системе stand-by, по условиям которых заемные средства, выделявшиеся на краткосрочный период, направлялись в Национальный банк, то теперь будет действовать долгосрочная программа кредитования по системе EFF, в рамках которой основная часть

полученных средств пойдет на погашение внешней задолженности. С одной стороны, это негативно, а с другой – Нацбанк получает возможность не обслуживать внешний государственный долг из своих золотовалютных резервов.

Однако вновь встает вопрос об эффективном использовании финансовой помощи для осуществления реформ, с чем нынешнее правительство пока не справляется. Прежде всего речь идет о медицинской и страховой реформах, снижении налогов и социальных расходов государства. Важнейшей задачей в условиях очевидно предстоящей деиндустриализации является и проведение земельной реформы, в ходе которой надо будет определить, кто, за какую цену, на какой срок и при каком администрировании будет получать землю и распоряжаться ею¹¹. К сожалению, пока серьезных подвижек в этих сферах не наблюдается. Между тем именно решение экономических задач сегодня необходимо Украине и для сохранения государственности, и для обеспечения национальной безопасности, и для выстраивания отношений с Россией. В случае реализации сценария замороженного конфликта от того, насколько успешен будет украинский экономический проект, во многом будет зависеть судьба восточных территорий. Пока же, несмотря на очевидный тренд к укреплению позиций президента П. Порошенко и существование зыбких надежд на реализацию вторых минских договоренностей, перспектива политического и экономического развития Украины остается очень неопределенной ввиду низкого качества государственного управления и наличия конфликта на юго-востоке. При этом времени для решения насущных вопросов, стоящих перед страной, у украинских властей очень мало.

Примечания

- ¹ «Оранжевая революция»: Украинская версия. М.: Европа, 2005.
- ² См.: Вибори Президента України 17 січня 2010 року // Центральна виборча комісія. [Электронный ресурс] URL: http://www.cvk.gov.ua/vp_2010/ (дата обращения: 24.03.2015).
- ³ См.: Торговля России и Украины сократилась на 20 % // РосБизнесКонсалтинг. [Электронный ресурс] URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/04/2014/918758.shtml> (дата обращения: 19.04.2015).
- ⁴ См.: Гуцин А., Левченко А. Украинский кризис 2014 года: итоги и перспективы для России // Информационный сайт политических комментариев «Политком. RU». [Электронный ресурс] URL: <http://politcom.ru/18454.html> (дата обращения: 25.04.2015).

- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Тамара Гузенкова: Процесс развала СССР продолжается (беседу вел Г. Анисонян) // Российский институт стратегических исследований. [Электронный ресурс] URL: <http://riss.ru/smi/7000/> (дата обращения: 12.12.2014).
- ⁷ См.: *Федякина А.* Кабинет с акцентом // Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/12/03/kabmin-site.html> (дата обращения: 26.04.2015).
- ⁸ См.: *Линдерман В.* За Коломойским пришли // Свободная Пресса – Юг. [Электронный ресурс] URL: <http://yug.svpressa.ru/blogs/article/116410/?aam=1> (дата обращения: 25.04.2015).
- ⁹ См.: В стране объявлена охота на «Народный фронт» и на Яценюка // РИА Новости Украина. [Электронный ресурс] URL: <http://rian.com.ua/analytics/20150409/365989215.html> (дата обращения: 27.04.2015).
- ¹⁰ См.: Героизация УПА вызовет массу вопросов у западных партнеров // РИА Новости Украина. [Электронный ресурс] URL: <http://rian.com.ua/interview/20150424/366646837.html> (дата обращения: 24.04.2015).
- ¹¹ См.: *Хлимоненко Б.* Земля без рынка: какой должна быть земельная реформа в Украине // Forbes Украина. [Электронный ресурс] URL: <http://forbes.net.ua/business/1393116-zemlya-bez-rynka-kakoj-dolzha-byt-zemelnaya-reforma-v-ukraine> (дата обращения: 25.04.2015).

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ С УЧАСТИЕМ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В 1990-е гг.

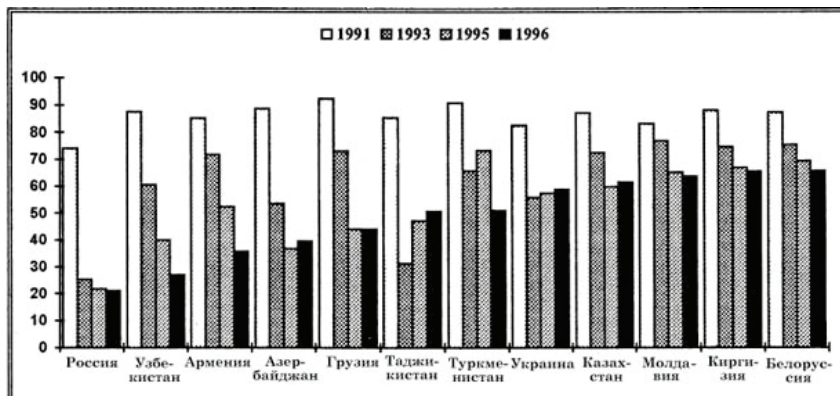
В статье рассматривается опыт постсоветской экономической интеграции в 1990-е гг. Несмотря на то что был предложен ряд проектов (Экономический союз, Евразийский союз, Таможенный союз), ни один из них не оказался успешным. Автор анализирует роль России и Казахстана в этих проектах, причины их неудач и то, как планирование российской внешней политики отразилось на экономической интеграции.

Ключевые слова: постсоветское пространство, экономическая интеграция, Россия, Казахстан.

В первые годы после распада СССР сохранялось большое количество объективных предпосылок для взаимовыгодного сотрудничества между его бывшими республиками: многолетние экономические связи, в том числе существовавший долгие годы единый производственный комплекс, сохранение до осени 1993 г. рублевой зоны¹, единое культурное пространство и др. Российское руководство, с одной стороны, было заинтересовано в поддержании сотрудничества в экономической и военной сферах со странами-участницами Содружества Независимых Государств (СНГ), а с другой – не было готово к принятию ответственности за происходившие на постсоветском пространстве процессы. Отношения с новыми государствами строились без четко выработанной политики и реализовались непоследовательно. Кроме того, первое время внутри властной элиты возобладало убеждение, что право России на определение будущего и реинтеграцию региона будет признаваться не только странами СНГ, но и на Западе² (тогдашний министр иностранных дел А. Козырев прямо заявлял: «...особая роль и ответственность России в рамках бывшего СССР должны учитываться западными партнерами и получать их поддержку»³).

Российские власти считали, что существующая экономическая взаимозависимость станет основой для поддержания близких связей и развития интеграционных процессов⁴, однако на практике для сохранения этих связей делали мало. Постепенно на постсоветском пространстве начали превалировать дезинтеграционные тенденции, экономическое взаимодействие ослабевало. В регион стали активно приходить внешние игроки: страны Запада, Турция, Иран, Китай и др.

Доля взаимной торговли стран СНГ в объеме их внешнего товарооборота в 1991, 1993, 1995 и 1996 гг. (в %)

Источник: *Шишков Ю.* Интеграция – процесс прежде всего экономический // Наука и жизнь. 1998. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/10289/> (дата обращения: 19.06.2015).

Процентное отношение объема взаимной торговли стран СНГ к совокупному объему их ВВП

Источник: Там же.

География экспортных товаропотоков в рамках СНГ
(в процентах от общего объема экспорта в страны Содружества)

Экспортеры	Год	Россия	Украина, Белоруссия, Молдавия	Казах- стан	Средняя Азия	Закавказье
Россия	1991	-	56,7	10,2	20,4	12,7
	1993	-	61,0	17,2	11,7	10,1
	1994	-	75,1	14,0	15,6	2,6
	1995	-	72,7	17,0	8,5	1,8
	1996	-	72,0	16,4	9,3	2,3
Украина, Белоруссия, Молдавия	1991	66,7	14,3	4,3	9,4	5,3
	1993	74,4	13,6	3,0	5,4	3,6
	1994	75,7	15,7	1,6	5,8	1,2
	1995	79,4	14,0	1,5	4,4	0,7
	1996	80,2	13,2	1,7	3,1	1,8
Казахстан	1991	60,8	15,0	-	21,5	2,7
	1993	70,2	12,4	-	14,0	3,4
	1994	80,8	8,1	-	9,0	2,1
	1995	79,9	6,9	-	12,3	0,9
	1996	80,4	7,6	-	11,5	0,5
Средняя Азия	1991	57,2	15,0	11,2	10,4	6,2
	1993	36,9	27,7	15,9	13,5	6,0
	1994	35,2	18,8	13,4	27,8	4,8
	1995	27,9	34,2	13,9	13,1	10,9
	1996	34,5	14,6	20,0	23,4	7,5
Закавказье	1991	65,0	17,1	5,2	7,9	4,8
	1993	53,6	20,1	8,4	10,5	7,4
	1994	52,4	22,0	3,5	16,9	5,2
	1995	48,5	24,2	3,9	7,7	15,7
	1996	45,1	7,7	3,8	16,1	27,3

Источник: Там же.

В Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г.⁵ сотрудничество со странами СНГ (особенно с Украиной, Белоруссией и Казахстаном) указано как приоритетное, но по факту внешнеполитический курс России в первые годы президентства Б. Ельцина был ориентирован на развитие взаимодействия со странами Запада. Они, по словам А. Козырева, «для демократической России... столь же естественные друзья и в перспективе союзники, как они были врагами для тоталитарного СССР»⁶. Главным «естественным другом» признавались США, по отношению к которым в концепции 1993 г. существовала установ-

ка «на стратегическое партнерство, а в перспективе – на союзничество»⁷. Как отмечал А. Козырев, «только твердая политика реализации национально-государственных интересов страны через взаимодействие и партнерство с Западом поможет курсу реформ»⁸. Такая резкая ориентированность только на сотрудничество с Европой и США мешала выработке полноценной стратегии в отношении постсоветского пространства.

В 1993 г. была предпринята неудачная попытка интегрировать все страны СНГ в Экономический союз под эгидой России. Проект предполагал поэтапное формирование межгосударственной зоны свободной торговли, таможенного союза и общего экономического пространства. «Договор о создании Экономического союза» не гарантировал его появление в определенные сроки в ближайшем будущем, а предусматривал его постепенное создание «путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ», для чего были подписаны дополнительные соглашения⁹. Однако заявленные в соглашениях цели не были достигнуты.

В 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул идею о Евразийском союзе (ЕАС), реализованную лишь 20 лет спустя. Союз должен был «строиться на иных, чем СНГ, принципах», основу нового объединения должны были «составить наднациональные органы, призванные решать две ключевые задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики»¹⁰. В СНГ решения по ключевым вопросам принимаются консенсусом, но при этом любое государство может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не является препятствием для принятия решения¹¹. Проект Н. Назарбаева предполагал принятие решений на основе принципа квалифицированного большинства в 4/5 (четыре пятых) и их обязательность для всех членов¹².

Проект ЕАС был разослан руководителям государств Содружества, распространен в ООН и внесен в повестку саммита глав государств СНГ, состоявшегося в октябре 1994 г. Российская элита отнеслась к проекту более чем сдержанно. Б. Ельцин в ответ на вопрос о новом союзе сказал: «Не хочу обижать Назарбаева, но его идею надо изучать. Но это не бесспорный путь...»¹³. Кроме всего прочего, Москву смущал формат принятия решений: в Кремле были убеждены, что объединение должно учитывать вклад каждого государства, а следовательно, равноправия в этой структуре быть не может¹⁴. Лидер Узбекистана И. Каримов опасался роста влияния и претензий на региональное лидерство в Центральной

Азии со стороны Казахстана в случае успешной реализации проекта, поэтому заявил, что «...это идея, которую настойчиво пытаются обосновать, которую настойчиво пытаются разыграть для того, чтобы поднять свой рейтинг внутри Казахстана... эта идея обречена»¹⁵. Лидеры других стран СНГ отнеслись к предложениям Назарбаева в лучшем случае с вежливым интересом, но не поддерживали их¹⁶.

Однако постепенно Б. Ельцин и его окружение начали осознавать важность развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве как для интересов России, так и для интересов правящей элиты – в 1996 г. страну ждали президентские выборы. Равное партнерство с западными государствами (и особенно с США) оказалось невозможным. Все более актуальной становилась проблема расширения НАТО на Восток. Это вызвало раздражение в обществе и не могло не сказаться на рейтинге Ельцина. Поэтому во внешней политике РФ начали происходить изменения.

Новый глава российского МИДа Е. Примаков, назначенный на эту должность в начале 1996 г., стремился к отказу от политики «безоговорочного согласия» с западными инициативами. Будучи реалистом, он хорошо понимал возможности мировых держав и важность партнерства с ними. Однако, по его мнению, необходимо было дополнить российский внешнеполитический курс другими векторами, прежде всего путем укрепления сотрудничества с постсоветскими государствами.

В доктринальных документах того периода международная ситуация и место России в мире оцениваются иначе, нежели в аналогичных документах первой половины 1990-х гг. Так, в Концепции национальной безопасности 1997 г. говорится о «формировании многополярного мира», других положительных тенденциях в развитии мировой системы, но констатируется, что не только «влияние России на решение кардинальных вопросов международной жизни, затрагивающих интересы нашего государства, значительно снизилось», но и «усилилось стремление ряда государств к ослаблению позиций России в политической, экономической и военной областях». РФ характеризуется как «влиятельная европейско-азиатская держава, имеющая национальные интересы в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Впервые подчеркивается «стратегическое положение <России> на Евразийском континенте»¹⁷, что очень хорошо сочетается со ставшими популярными во второй половине 1990-х гг. идеями неоевразийства¹⁸. В качестве методов

обеспечения национальной безопасности РФ в области экономики среди прочего упомянуто «формирование единого экономического пространства с государствами – участниками Содружества Независимых Государств», а одним из важнейших национальных интересов во внешней политике названо «всестороннее сотрудничество и интеграция в рамках Содружества Независимых Государств». Кроме того, подчеркивается, что «углубление и развитие отношений с государствами – участниками Содружества Независимых Государств является важнейшим фактором, способствующим урегулированию этнополитических и межнациональных конфликтов, обеспечению социально-политической стабильности на границах России и препятствующим в конечном итоге центробежным явлениям в самой России»¹⁹.

Однако к середине 1990-х гг. невозможность развивать активное взаимодействие в формате СНГ стала абсолютно очевидной. Поэтому в качестве нового приоритета была заявлена «разноскоростная интеграция», сотрудничество только с теми партнерами, которые в нем заинтересованы. Об этом говорится в Меморандуме Совета глав государств СНГ «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств» от 21 октября 1994 г.: «Сохранение возможности разноскоростного движения в Содружестве, многовариантности форм участия в его деятельности позволит гибко учитывать интересы партнеров, их возможные особые позиции, продвигаться по пути углубления интеграции между теми странами, которые готовы к более тесному взаимодействию в различных сферах»²⁰. Кстати, упоминавшийся выше проект Евразийского союза также предполагал не «автоматическое участие» для всех государств СНГ, а интеграцию только заинтересованных сторон, в крайнем случае – лишь России и Казахстана, так как Н. Назарбаев хорошо понимал сложившуюся в СНГ ситуацию и хотел предложить эффективный проект, что было возможно только при ограничении числа его участников.

Осенью 1995 г. президентом РФ был утвержден Стратегический курс России с государствами-членами СНГ, в котором было обозначено, что «главной целью политики России в отношении СНГ является создание интегрированного экономического и политического объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе», а также вновь упоминалась «разноскоростная интеграция» как наиболее соответствующая ситуации модель развития («постепенное расширение Таможенного союза, включающего государства, связанные с Россией

глубоко интегрированной экономикой и стратегическим политическим партнерством»)»²¹.

Важным документом, посвященным СНГ, во время второго президентского срока Б. Ельцина стала принятая в 1997 г. Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств. В ней были перечислены все негативные тенденции, возникшие в экономиках молодых государств, указывалось на интеграцию как один из приоритетных путей выхода из кризиса («создание общего экономического пространства»), а также декларировалась идея «разноскоростной интеграции»: «переход от начальных форм межгосударственного сотрудничества к более высоким по мере создания объективных экономических предпосылок с учетом реальной ситуации в каждом из государств – участников Содружества и мирового опыта формирования региональных экономических сообществ»²². Российское руководство осознало важность постсоветского пространства для интересов страны и необходимость перехода к активной внешней политике на этом направлении. Разумеется, достижение практических результатов было намного тяжелее, чем теоретическое обоснование необходимости интеграции.

Под эгидой Москвы появляются два интеграционных проекта, предполагающих избирательное сотрудничество, – Союзное государство России и Белоруссии и Таможенный союз (ТС).

Вопрос функционирования Союзного государства (создано в 1996 г.) не входит в тему данной статьи, однако необходимо отметить, что этот проект является одним из примеров не слишком успешной интеграции, когда количество официальных заявлений и подписанных соглашений намного больше эффекта, оказываемого ими на политическую и экономическую жизнь стран-участниц²³.

В 1995 г. главами России и Белоруссии было подписано соглашение о создании Таможенного союза. К середине 1996 г. в него вошли также Казахстан и Киргизия – страны, заинтересованные в сближении с Россией по экономическим и политическим причинам, а также в связи с общими внешними угрозами²⁴. Был подписан Договор об интеграции в экономической и гуманитарной областях, предполагавший «создание в перспективе Сообщества интегрированных государств» (с возможностью введения единой валюты), при этом предусматривалось уже «в 1996 г. создание единой таможенной территории с обеспечением общей системы управления»²⁵, что должно было сэкономить значительные средства стран-участниц за счет отсутствия необходимости обустройства внутренних границ.

Формирование ТС должно было проводиться в два этапа. Первый этап (отмена тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле, установление единого торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования в отношении третьих стран) завершился в 1995 г. Второй этап предполагал объединение таможенных территорий стран союза в единую (с перенесением таможенного контроля на внешние границы союза). Однако из-за несовпадения экономических интересов страны не смогли согласовать общий перечень тарифных и нетарифных изъятий из режима свободной торговли, унифицировать положения применявшихся на тот момент двусторонних соглашений о свободной торговле и соответствующих протоколов об изъятиях²⁶. Декларировавшиеся в договоре «согласование внешнеполитического курса... и совместная охрана границ» также остались только на бумаге. В 1998 г. к союзу присоединился Таджикистан, но это не могло ни на что повлиять.

Дезинтеграционные тенденции вновь стали преобладать над интеграционными, а начавшийся финансовый кризис окончательно сделал невозможным создание полноценного Таможенного союза. Страны были вынуждены отказаться от принятия общего таможенного тарифа, был приостановлен процесс унификации таможенных пошлин, а после вступления Киргизии в ВТО²⁷ совпадение таможенного тарифа с тарифами стран-партнеров составляло, по имеющимся оценкам, всего 6 %.

Вопреки соглашениям, которые предусматривали обеспечение эффективного контроля на внешних границах ТС в целях недопущения незаконного товарооборота, из третьих стран на территорию России (по данным Таможенного комитета РФ) ежегодно ввозились без регистрации товары на миллиарды рублей. Широкое распространение получила практика реэкспорта из стран-партнеров (прежде всего Белоруссии) российских энергоносителей²⁸. Не удивительно, что в апреле 2000 г. Россия восстановила таможенный контроль на границе с Белоруссией, а в 2001 г. – с Казахстаном²⁹.

Руководство РФ в первые годы после распада СССР не уделяло должного внимания сотрудничеству с постсоветскими государствами, сосредоточившись на западном векторе внешней политики. Лишь с середины 1990-х гг. российские власти, осознавшие к тому моменту важность развития связей на постсоветском пространстве, стали предпринимать попытки по созданию проектов с более узким составом участников (в их числе всегда, за исключением Союзного государства, был Казахстан), однако и они не были успешны. Наря-

ду с РФ Казахстан выступил инициатором одного из интеграционных проектов, Евразийского союза, но он также не был реализован. Тем не менее важно отметить, что не произошло полного отказа от идеи постсоветской интеграции, а опыт, полученный тогда, помог успешнее реализовывать проекты в 2000-е гг.

Примечания

- ¹ См.: Казахстан вышел из рублевой зоны одним из последних, в октябре 1993 г., и не по собственному желанию. Подробнее см.: «Россия некультурно выпихнула Казахстан из рублевой зоны». Вспоминает глава НацБанка Марченко (интервью А. Иконникова) // ЦентрАзия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1067207520> (дата обращения: 19.06.2015); *Домбровски М.* Причины распада рублевой зоны [Электронный ресурс] // История новой России. URL: <http://www.ru-90.ru/content/домбровски-м-причины-распада-рублевой-зоны> (дата обращения: 19.06.2015).
- ² См.: *Ковальчук А.Т.* Эволюция российских концепций многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на постсоветском пространстве: Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2014. С. 72.
- ³ *Козырев А.В.* Стратегия партнерства // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия: В 4 т. Т. 1: Публикации / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 191.
- ⁴ См.: *Ковальчук А.Т.* Указ. соч. С. 76.
- ⁵ Основные положения концепции внешней политики // Внешняя политика и безопасность современной России.... Т. 4: Документы / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 22.
- ⁶ *Козырев А.В.* Указ. соч. С. 182.
- ⁷ Основные положения концепции внешней политики. С. 23.
- ⁸ *Козырев А.В.* Указ. соч. С. 184–185.
- ⁹ Договор о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=5465&req=doc> (дата обращения: 19.06.2015).
- ¹⁰ Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Москва, 29 марта 1994 г. // Президент Н.А. Назарбаев и современный Казахстан: Сб. документов и материалов: В 3 т. / Отв. ред. Б.К. Султанов.. Т. 3: Н.А. Назарбаев и внешняя политика Казахстана. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. С. 214–215.
- ¹¹ Устав Содружества Независимых Государств // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения: 19.06.2015).

- 12 См.: *Назарбаев Н.А.* Проект о формировании Евразийского союза государств. 3 июня 1994 г. // Внешнеполитические инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2010. С. 56.
- 13 *Сагадиев К.А.* Казахстан и Евразийский союз // Саясат. 1996. № 1.
- 14 См.: *Караваяев А.* Кризис интеграционных идеологий: евразийская идея // Информационно-аналитическое издание «Контур». [Электронный ресурс] URL: <http://www.contur.kz/node/277> (дата обращения: 19.06.2015).
- 15 *Портников В.* «Я уже много раз приговорен»: Интервью с И. Каримовым // Независимая газета. 1994. 21 июня.
- 16 См.: *Медведев Р.А.* Интеграционный проект Нурсултана Назарбаева: Сойдутся ли Восток и Запад // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 23.
- 17 Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетике и экологии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm> (дата обращения: 19.06.2015).
- 18 Подробнее см.: *Pavlenko O.V.* Russia's Mission in the World: The Geopolitical Debates // Вестник РГГУ. 2013. № 21 (122). Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». С. 41.
- 19 Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. [Электронный ресурс].
- 20 Решение о Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и Перспективном плане интеграционного развития Содружества Независимых Государств // Интернет портал СНГ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20544> (дата обращения: 19.06.2015).
- 21 Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bfa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad> (дата обращения: 19.06.2015).
- 22 Решение Совета глав государств СНГ о Концепции экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств // Законы России. [Электронный ресурс] URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_524/doc524a751x935.htm (дата обращения: 19.06.2015).
- 23 Подробнее см.: *Васильев Е.В.* Эволюция внешнеполитической стратегии Белоруссии на современном этапе: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.
- 24 См.: *Лихачев А.Е.* Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 6. С. 5.
- 25 Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в

экономической и гуманитарной областях от 29 мая 1996 г. // Правовая система «Референт». [Электронный ресурс] URL: <http://www.referent.ru/1/34590> (дата обращения: 19.06.2015).

²⁶ См.: *Гусев Л.Ю.* Роль Казахстана в формировании правовой структуры Таможенного Союза: Взгляд из России // Информационно-аналитический центр по изучению постсоветского пространства. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4793/?expert> (дата обращения: 19.06.2015).

²⁷ В отличие от России, вступившей в ВТО в 2012 г. после консультаций с партнерами по уже новому Таможенному союзу, киргизские власти приняли это решение быстро и без должных консультаций с коллегами.

²⁸ См.: *Лихачев А.Е.* Указ. соч.

²⁹ См.: Таможенный союз: история развития // Сайт Евразийского делового совета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.customs-union.com/новости-тс/таможенный-союз-история-развития> (дата обращения: 19.06.2015).

АРМЯНО-РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена армяно-российскому военно-стратегическому партнерству в контексте региональной безопасности на современном этапе. В ней рассматривается эволюция армяно-российских отношений после распада СССР. Особое внимание уделяется основным факторам, которые превратили союзнические отношения Армении и России в военно-стратегическое партнерство.

Ключевые слова: Армения, Россия, партнерство, стратегическое партнерство, военно-политический союз.

Распад СССР привел к существенным изменениям в системе международных отношений. Бывшие советские республики с получением независимости столкнулись с многочисленными внешними и внутренними проблемами, будучи при этом лишеными всякого опыта преодоления их в одиночку.

Государствам постсоветского пространства, в том числе и Южного Кавказа, пришлось выстраивать принципиально иные по форме и содержанию отношения друг с другом. Созданный вакуум влияния были не прочь заполнить различные региональные и глобальные игроки (США, ЕС, Турция, Иран, Китай и др.), которые постепенно налаживали кооперацию со своими потенциальными союзниками.

В Южно-Кавказском регионе, который из-за карабахского, абхазского и осетинского вооруженных конфликтов считался самой горячей точкой на постсоветском пространстве, образовались три новых государства – Армения, Азербайджан и Грузия. Каждое из них определяло свою собственную линию политических предпочтений, по-разному выстраивая отношения с другими субъектами международных процессов в двустороннем и многостороннем

формате. Помимо налаживания политического, экономического и культурного сотрудничества с новыми партнерами, а также участия в интеграционных проектах на региональном и глобальном уровнях, Ереван, Баку и Тбилиси старались найти выход из сложной ситуации в сфере региональной безопасности, создавшейся в результате коллапса Советского Союза¹.

Азербайджан и Грузия избрали тактику постепенного дистанцирования от России, отдавая предпочтение сотрудничеству с оппонентами Москвы, преследующими собственные интересы на Южном Кавказе. Грузия стремится к углублению своих отношений с Западом, тесно сотрудничая с Европейским союзом. Азербайджан выстроил собственную внешнеполитическую линию, состоящую из нескольких компонентов – стратегического партнерства с Турцией, сотрудничества с НАТО в рамках программы индивидуального партнерства, взаимоотношений с ЕС в рамках Европейской политики добрососедства, – при этом уделяя особое внимание двусторонним отношениям с США.

Несколько иными оказались внешнеполитические приоритеты Армении, которая в контексте обеспечения своей национальной безопасности поставила во главу угла интеграцию и сотрудничество на постсоветском пространстве, в первую очередь в рамках СНГ, при этом, однако, осознавая всю важность партнерских отношений с Западом. Столь прагматичный подход к внешнеполитическому курсу привел Армению к тесному сотрудничеству с Россией, основанному на общности интересов сторон и в дальнейшем переросшему в так называемое «стратегическое партнерство». В этой статье представлен армянский взгляд на «стратегическое партнерство» между Россией и Арменией.

В чем смысл словосочетания «стратегическое партнерство»? Первое слово «стратегия» (латинское «strategia»), пришедшее в политическую терминологию из военной области и означающее «искусное руководство», предполагает ведение умелой политики в военной, экономической, гуманитарной и других сферах. В толковом словаре Ожегова дается общее определение термину «стратегия»: «Искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах»². Второй термин – «партнерство» – в словаре английского языка «Американское наследие» объясняется следующим образом: «Отношения между индивидами или группами, характеризующиеся взаимным сотрудничеством и ответственностью для достижения определенной цели»³.

В документах ООН под партнерством понимаются «добровольные и основанные на сотрудничестве взаимоотношения между раз-

личными субъектами, как представляющими государство, так и не связанными с ним, при которых все участники договариваются совместными усилиями добиваться общей цели или выполнять конкретную задачу и сообща преодолевать неблагоприятные факторы, нести общую ответственность, предоставлять на взаимной основе ресурсы и знания и пользоваться достигнутыми результатами»⁴.

В основе «стратегического партнерства» лежит сотрудничество государств в особой форме. Один из ведущих представителей школы реализма Арнольд Уолферс классифицирует два основания для сотрудничества между главными субъектами международных отношений⁵. В первом случае сотрудничество может быть вызвано желанием государства улучшить отношения внутри объединенной группы государств. Таким образом, интерес имеет сугубо внутреннюю направленность и не зависит от внешних по отношению к этой группе угроз. Другой стимул взаимоотношений двух государств – это стремление к объединению усилий в борьбе против общей внешней опасности; в этом случае сотрудничество определяется длительностью этой опасности. Столь тесное военное сотрудничество Армении и России обусловлено внешней угрозой. Для Армении это в первую очередь ситуация «ни мира, ни войны» с Азербайджаном, а также серьезные опасения насчет своего исторического врага в лице Турции. Для России внешней угрозой можно считать потерю своего влияния и контроля над Южным Кавказом.

Западные исследователи, такие как Аннегрет Бендиэк и Хайнц Крамер, рассматривают стратегическое партнерство как хорошо спланированные действия для реализации определенных долгосрочных целей и интересов⁶. При этом они опасаются, что название «стратегическое партнерство» создает ожидания, которые не оправдываются. По мнению немецкого исследователя Гюнтера Майхолда, понятие «партнерство» включает в себя предположения о равных правах и задачах, а также возможность конструктивно обсуждать совместную разработку отношений. При этом слово «стратегия» не должно использоваться необдуманно. Оно предполагает сотрудничество субъектов, согласившихся на совместные действия для достижения общих целей⁷.

В научной литературе нет единого понимания и формулировки «стратегического партнерства», и это становится причиной разных толкований этого понятия. Ведущий сотрудник Института исследований проблем безопасности Европейского союза Джованни Гриви утверждает, что отсутствие концептуальной ясности в «стратегическом партнерстве» может быть преимуществом, так как определенная степень гибкости и конструктивной двусмысленности является

необходимым условием для такого понятия. При отсутствии единого концептуального подхода есть пространство для взаимных корректировок, концессии, компромиссов, прагматизма и поэтапного подхода⁸.

Всеобъемлющую характеристику понятия «стратегическое партнерство», на наш взгляд, дал бывший министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко. По его мнению, это высшая форма сотрудничества, которая предполагает высокий уровень взаимодействия партнеров в достижении конкретных целей как в двусторонних отношениях, так и на международной арене. Составляющими такого взаимодействия должны быть взаимопонимание, взаимоподдержка партнеров, определение стратегических интересов, общей позиции, ориентированной на достижение поставленных целей. Он также отмечает, что стратегическое партнерство должно базироваться на уважении к национальным интересам каждой стороны, политике каждого из партнеров, выбранному им пути развития, национальному статусу, а также на равноправии и поддержании баланса отношений между партнерами. Уровень развития такого партнерства должен определяться непосредственно сторонами в зависимости от глубины этих связей⁹.

Учитывая вышесказанное, мы можем сформулировать следующее определение: стратегическое партнерство – это взаимовыгодное сотрудничество двух или более сторон на международной арене, запланированное на длительный период времени и имеющее целью защиту общих интересов.

Данное словосочетание достаточно часто используется в политической риторике, в том числе армянских и российских политиков, определяющих двусторонние отношения своих стран как «стратегическое партнерство». Безусловно, этот термин применяется для придания особой значимости двусторонним отношениям в тот или иной период времени, хотя в каждом отдельном случае имеется в виду разный уровень отношений и различные критерии сотрудничества.

Среди многочисленных принципов «стратегического партнерства» следует выделить следующие:

- общая заинтересованность партнеров в сотрудничестве и возможность кооперации во многих сферах;
- долгосрочный характер сотрудничества;
- принципиально важные стратегические цели;
- наличие правовой базы партнерства и механизмов реализации эффективного сотрудничества;
- готовность к компромиссам ради интересов партнера;
- отказ от всяческой дискриминации и ультимативной практики в отношении партнера.

В разные периоды лидеры России называли стратегическими партнерами Китай, Евросоюз, Украину, Чили, Армению, Беларусь, Индию, Турцию. За более чем 25 лет независимости Республика Армения (РА) определяла в качестве таковых Россию, Грузию, Иран.

Впервые президенты Армении и России обозначали партнерство как стратегическое в 1997 г., когда в ходе первого официального визита главы армянского государства Левона Тер-Петросяна в Москву стороны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной обороне. Чтобы подчеркнуть особую важность этого документа, президент РФ Борис Ельцин сразу после подписания заявил, что договор «закрепил качественно новый этап двусторонних отношений, которые вышли на уровень стратегического партнерства»¹⁰. Л. Тер-Петросян, не прибегая к термину «стратегическое партнерство», тем не менее отметил, что «это фактически юридическая констатация того факта, который существует в отношениях между нашими государствами»¹¹. В дальнейшем в результате тесного сотрудничества сторон стратегическое партнерство обрело документальную основу. В подписанной в сентябре 2000 г. Декларации о союзническом взаимодействии России и Армении, ориентированном в XXI век, сотрудничество России и Армении охарактеризовано уже как «стратегическое партнерство»¹². Данной декларацией была закреплена та стратегическая основа двусторонних отношений, которую подразумевал Л. Тер-Петросян в вышеупомянутом заявлении.

Военно-политическое сотрудничество между двумя бывшими советскими республиками развивается как в двустороннем, так и в многостороннем формате, однако ключевую роль в обеспечении региональной безопасности играют армяно-российские двусторонние отношения. Армения – единственная из стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) реально сталкивается с военной угрозой, исходящей от соседнего государства. В этой связи стоит отметить, что смысл членства в каком-либо военно-политическом союзе состоит в эффективном обеспечении национальной безопасности стран-участниц, в том числе в случае агрессии со стороны третьих государств. Фактором участия Армении в ОДКБ, несомненно, является возможность обеспечения региональной безопасности с использованием ресурсов этой организации. Однако, по мнению заместителя директора Института Кавказа Сергея Минасяна, «для Еревана также очевидно, что в настоящее время готовность в полной мере выполнить свои союзнические обязательства перед Арменией в случае прямой агрессии –

технически и политически мало реализуемая опция со стороны ее союзников в Центральной Азии и Беларуси. Остается Россия, что фактически делает формальным присутствие ОДКБ на Южном Кавказе, сводя его почти исключительно к двустороннему армяно-российскому формату»¹³. В связи с этим далее будет рассмотрена роль армяно-российских отношений в контексте сохранения мира в Закавказье.

Отношения двух стран в целом развивались в очень непростых условиях. В начале 1990-х гг. в политике российских властей на Южном Кавказе ввиду смены внешнеполитических приоритетов существовала определенная несогласованность действий. В качестве примера можно привести негативную реакцию первого российского посла в Армении В. Ступишина на заявление министра иностранных дел РФ А. Козырева о том, что бывшие союзные республики являются тяжким бременем для экономики России. В. Ступишин призывал вести активную политику на Южном Кавказе, особо подчеркивая важное геополитическое значение Армении в этом регионе¹⁴. Подобные двусмысленные ситуации были не редкостью в первой половине 1990-х гг.

Первый межгосударственный договор между Россией и Арменией был подписан 29 декабря 1991 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности явился основой дипломатических отношений между странами и обозначил главные направления развития двусторонних связей¹⁵.

Весной 1994 г. Москва и Ереван заключили не менее важный договор о совместной охране армяно-турецкой границы силами 102-й российской военной базы на территории Армении, а также о сотрудничестве между органами пограничной службы РА и РФ¹⁶. Наиважнейшим аспектом военного сотрудничества двух стран, безусловно, является наличие российской военной базы на территории Армении. После распада Советского Союза встал вопрос о судьбе советских вооруженных сил на территории независимой Армении. В начале 1990-х гг. между РА и РФ было подписано множество соглашений, определяющих статус военных частей бывшей Советской армии на территории Армении.

Реструктурирование военного присутствия и статус российской военной базы на армянской территории были закреплены рядом двусторонних соглашений, главным из которых стал Договор о российской военной базе на территории Армении, подписанный 16 марта 1995 г. президентами РА и РФ в Москве¹⁷.

С момента подписания договора между Арменией и Россией сложилась разветвленная инфраструктура военного стратегиче-

ского партнерства. Дислоцированные на территории Армении (в городах Гюмри и Ереван, а также на военном аэродроме Эребуни) российские войска включают: Группу боевого управления российских войск в Армении, 102-ю военную базу, 426-ю авиационную группу и 520-ю авиационную комендатуру. В состав войсковой группы «Армения» российских погранвойск входят четыре пограничных отряда. При этом стороны осуществляют совместное финансирование группировки российских погранвойск, охраняющих армянскую границу с Ираном и Турцией. Всего на вооружении российских войск находятся 74 танка Т-72, 17 БТР, 129 БМП-1/-2, 84 артиллерийские системы, 18 истребителей МиГ-29, 2 батареи ЗРК С-300В, 1 батарея ЗРК «Куб». Численность личного состава 5 000 человек¹⁸.

Как отмечает С. Минасян, «одним из приоритетных направлений для Армении, в рамках военно-технического сотрудничества с РФ, является взаимодействие именно в сфере ПВО. Это обусловлено наличием серьезной угрозы со стороны ВВС Турции и Азербайджана»¹⁹. Кроме того, ограниченные размеры территории Армении не позволяют иметь собственный учебный полигон, из-за чего участие армянских войск ПВО в совместных учениях играет особую роль, тем более что большая часть офицеров ПВО Армении, в отличие от других родов войск, готовится в российских вузах.

Большое значение имеет совмещение автоматизированных систем управления и командных пунктов войск ПВО и ВВС Армении с аналогичными российскими, в частности Северо-Кавказского военного округа. Начало совместному боевому дежурству сил ПВО и авиации двух стран было положено 16 марта 2000 г.²⁰ При осложнении ситуации в регионе эта группировка может быть усилена за счет войск ПВО России и развертывания дополнительных сил и средств ПВО Армении. А с октября 2001 г. на боевое дежурство поступили новейшие ЗРК С-300В, входящие в состав 102-й российской базы, что позволило значительно увеличить эффективность контроля над воздушным пространством Армении²¹.

Важным шагом в развитии военно-политического сотрудничества стало подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной обороне между Российской Федерацией и Республикой Армения 27 августа 1997 г.²² Договор предусматривал усиление взаимодействия между вооруженными силами двух стран, совместную охрану границ РА, но главным нововведением стало обязательство России оказать военно-техническую помощь Армении в случае агрессии со стороны третьих стран. Последний пункт был особо важным для Армении ввиду продолжающихся напряженных

отношений между Ереваном и Баку и углубления всестороннего сотрудничества Баку с Анкарой. Своей готовностью защищать союзника на Южном Кавказе Россия показывала, что регион продолжает оставаться значимым направлением ее внешней политики.

Начало XXI в. ознаменовало новый этап в армяно-российских отношениях. В сентябре 2000 г. была подписана Декларация о союзническом взаимодействии России и Армении, ориентированном в XXI век²³. Как уже отмечалось выше, в этом документе сотрудничество двух стран впервые характеризуется как «стратегическое партнерство». Такая активизация армяно-российских отношений объясняется несколькими факторами. Во-первых, в регионе заметно усилилось влияние Запада и Турции в ущерб России. Во-вторых, в Грузии участились разговоры о необходимости вывода российских военных баз с территории этой страны, причем Россия, в соответствии с соглашением, подписанным на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г., обязалась к 1 июля 2001 г. вывести войска и военную технику из Гудауты²⁴. Уже тогда было очевидно решительное желание Грузии освободиться от иностранных вооруженных сил на своей территории; одновременно с этим Азербайджан активно укреплял сотрудничество как с Турцией, так и с США, постепенно избавляясь от российского влияния. Дабы не лишиться окончательно своих ведущих позиций в Закавказье, Россия стала перед настоятельной необходимостью переоценки собственного внешнеполитического курса. Результатом взвешенного анализа ситуации, создавшейся на постсоветском пространстве в целом и на Южном Кавказе в частности можно считать тот факт, что в Концепции внешней политики РФ 2000 г. СНГ фигурирует в качестве важнейшей зоны российских национальных интересов, а двустороннее и многостороннее сотрудничество со странами региона представлено как неотъемлемая составляющая доктрины национальной безопасности России²⁵. С подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РА российский вектор окончательно укрепился во внешнеполитическом курсе Армении. Армяно-российские союзнические отношения продолжали динамично развиваться в условиях активизации западных игроков на Южном Кавказе, стремящихся вытеснить Россию из региона.

Главным инструментом защиты приоритетных интересов России в Закавказье является 102-я военная база на территории Армении, значение которой возрастает с ростом милитаризации региона и обострением ситуации на Ближнем Востоке. В 2010 г. Южный Кавказ оказался в центре внимания мирового сообщества благодаря ряду важных политических событий. Так, 20 августа 2010 г.

в ходе визита Президента РФ Д. Медведева в Армению сторонами был согласован Протокол № 5 между Российской Федерацией и Республикой Армения о внесении изменений в Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г. и дислоцирование базы было пролонгировано до 2044 г.²⁶ Согласно Протоколу, в статью 3 Договора к пункту «Российская военная база в период ее пребывания на территории Республики Армения кроме осуществления функций по защите интересов Российской Федерации обеспечивает совместно с Вооруженными силами Республики Армения безопасность Республики Армения» был добавлен новый пункт: «Для достижения указанных целей российская сторона осуществляет содействие в обеспечении Республики Армения современным и совместимым вооружением, военной (специальной) техникой»²⁷. Надо отметить, что гарантии РФ по обеспечению безопасности РА распространяются только на международно признанные территории Армении, без Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Однако гарантом безопасности НКР выступает Армения, которая при возобновлении военных действий в Нагорном Карабахе будет втянута в войну. В таком случае возникает вопрос о выполнении Россией обязательств по защите безопасности Армении, взятых на себя обновленным договором 2010 г. между РФ и РА. Расширение зоны ответственности 102-й российской военной базы в первую очередь усиливает мобилизационный ресурс Армении в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта. Тем самым Россия подтвердила свое стремление, во избежание эскалации ситуации в армяно-азербайджанском противостоянии, поддержать имеющийся баланс сил между участниками конфликта.

Примечательно, что буквально за четыре дня до подписания армяно-российского Протокола, 16 августа 2010 г., был подписан Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой²⁸. Стороны обязались оказывать друг другу всестороннюю помощь, в том числе военную, в случае агрессии с третьей стороны. В договоре также содержатся пункты об активном сотрудничестве в военно-технической сфере, по защите границ и обеспечению территориальной целостности стран.

Несомненно, подписание стратегически важных документов между Арменией и Россией, с одной стороны, и Турцией и Азербайджаном – с другой, было направлено на поддержание баланса сил в регионе, и, в частности, между Ереваном и Баку, в связи с

неразрешенным карабахским конфликтом. При этом договор между Анкарой и Баку больше похож на армяно-российский договор 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной обороне, поскольку в обоих документах есть пункт о взаимной обороне стран-подписантов. Тем не менее азербайджано-турецкий союз в своей политической части сильно отличается от армяно-российского, поскольку для Турции Азербайджан является единственным важным военно-стратегическим партнером и союзным государством, чего нельзя сказать про армяно-российские отношения. Россия, помимо Армении, активно сотрудничает с Азербайджаном и Турцией, называя их «стратегическими партнерами»²⁹, и имеет с этими странами различного рода договоры, которые представляют прямую угрозу национальной безопасности Армении. Напомним, что Турция и Армения, в силу известных исторических событий, не имеют дипломатических отношений. Здесь мы сталкиваемся с той ситуацией, когда политики в каждом отдельном случае под термином «стратегическое партнерство» подразумевают различную степень проработанности отношений. В случае применения термина к отношениям с Арменией российские политики имеют в виду стратегически важное для них военно-политическое партнерство, в случае же Азербайджана акцент делается на стратегическом сотрудничестве в сфере энергетики и экономики.

Как Ереван, так и Баку все еще надеются изменить политические предпочтения Москвы в свою пользу. В обоих государствах принято думать, что разрешение карабахского конфликта во многом зависит от Москвы и, следовательно, вопрос решится в пользу той стороны, которая по политическим соображениям окажется к ней ближе.

Ереван пытается достичь желаемого результата путем обширного военно-политического и военно-технического сотрудничества. В данном случае главным его фактором служит наличие 102-й российской военной базы в Гюмри. Как в Армении, так и в России бытует мнение, что Ереван больше заинтересован в присутствии российских войск, нежели Москва. Между тем, существование единственной в регионе российской военной базы не менее важно для РФ, чем для РА. В случае если Армения потребует вывода российских войск со своей территории, Россия потеряет присутствие, а значит, и влияние на Южном Кавказе, что может весьма негативно отразиться на ее отношениях с рядом государств, в первую очередь с Турцией и Ираном. К.С. Гаджиев в своей книге «Кавказский узел в геополитических приоритетах России» отмечает, что «в условиях ухода из Грузии и Азербайджана для России военное присутствие

в Армении, во всяком случае в политическом, идеологическом и психологическом смысле, служит в качестве символа притязаний на сохранение и защиту жизненно важных интересов во всем Южно-Кавказском регионе»³⁰. Ценность Армении как стратегического союзника России на ее южных рубежах не только в военном присутствии России в регионе, но и в том, что Армения расположена вблизи основных транспортных артерий, прежде всего нефтегазовых. Следовательно, всякое суждение о том, что военное сотрудничество более необходимо Армении, нежели России, представляется некорректным.

Российская военная база на территории Армении является стабилизирующим фактором региональной безопасности. Для Армении это способ защиты своих южных границ с Ираном и восточных – с Турцией. Тем не менее весьма распространенное в Армении мнение о том, что база является главным фактором сдерживания Азербайджана от агрессивных действий против непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, не соответствует реальности. Государственные границы Республики Армения и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики с Азербайджаном надежно защищают военнослужащие Министерства обороны РА и Министерства обороны НКР соответственно. Это подтверждают данные, представленные в докладе «Военный баланс 2013» («The Military Balance 2013») лондонского Международного института стратегических исследований (The International Institute for Strategic Studies, IISS). По мнению авторов доклада, в Армении самая боеспособная армия на Южном Кавказе³¹. Следует также подчеркнуть, что Россия никогда не брала на себя ответственность защищать НКР от внешней угрозы. Несомненно, что в случае размораживания карабахского конфликта Москва не станет напрямую вмешиваться в военные действия, как это было в 2008 г. в ходе «пятидневной войны». Здесь имеет смысл отметить неоднозначность сложившейся ситуации. Дело в том, что в армяно-российских межгосударственных договорах отсутствует пункт, обязывающий РФ напрямую вмешиваться в военные действия и оказывать помощь непризнанной республике, поскольку она не рассматривается Москвой как субъект международных отношений, и, следовательно, формально российская сторона не может гарантировать безопасность НКР. Однако Армения, которую Россия по нескольким договорам обязана защитить от внешних угроз и военной агрессии, в своей Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности взяла на себя обязательства обеспечивать безопасность НКР и представлять ее интересы на международной арене³². В случае

возобновления военных действий вокруг карабахского конфликта сложно представить ситуацию, когда театр боевых действий будет развернут только на территории НКР. Такой вариант рассматривается Азербайджаном, поскольку он не дает формального повода Армении требовать от своего союзника соблюдения взятых обязательств. Эти требования могут быть оправданы лишь в случае, если боевые действия развернутся также на армяно-азербайджанской государственной границе, т. е. Армения будет фактически участвовать в войне. В этой ситуации Россия как стратегический партнер Армении, согласно договору о взаимной помощи и обороне, будет вынуждена выполнять свои обязательства. Таким образом, как очень точно описал С. Минасян, «Ереван своими военно-политическими гарантиями сдерживает Азербайджан от возобновления боевых действий против Нагорного Карабаха. Одновременно с этим Армения осуществляет сдерживание в отношении того же Азербайджана применительно к себе, поскольку военно-политическое руководство Азербайджана неоднократно заявляло о готовности нанести военные удары по всей территории Армении»³³. Кроме того, на Армению распространяются военные гарантии безопасности со стороны России, что сдерживает возобновление боевых действий и играет немаловажную роль в обеспечении региональной безопасности на Южном Кавказе.

Россия не заинтересована в возобновлении боевых действий в Нагорном Карабахе и своем участии в них. Прямое вовлечение России в конфликт приведет к окончательному разрыву с Азербайджаном, в том числе в энергетической сфере. Вместе с тем очевидно, что невыполнение обязательств по оказанию непосредственной и действенной военной помощи Армении лишит Россию репутации надежного партнера в сфере безопасности и приведет к потере Москвой единственного военно-политического союзника на Южном Кавказе. Поэтому Россия поддерживает баланс между Ереваном и Баку и способствует сохранению статус-кво в Нагорном Карабахе, тем самым сводя к минимуму военные риски для безопасности региона.

Итак, мир в Закавказье во многом обеспечивается благодаря военно-политическому сотрудничеству Республики Армения и Российской Федерации. В этом вопросе интересы Еревана и Москвы совпадают, что подтверждается углублением стратегического партнерства между двумя субъектами международных процессов. Тем не менее неразрешенность конфликтов на Южном Кавказе осложняет обеспечение безопасности в регионе и требует пристального внимания как региональных, так и внерегиональных акторов.

- ¹ Существует широкий круг литературы, посвященной переговорному процессу между Россией и кавказскими государствами: *Мальшева Д.* Конфликты на Кавказе: Региональное и международное измерение. М.: ИМЭ и МО РАН, 1996; Армения: проблемы независимого развития / Под ред. Е. Кожокина. М.: Рос. ин-т стратегических исследований, 1998; *Пряхин В.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве. М., 2002; *Шутов А.* Постсоветское пространство. М.: Научная книга, 1999; *Пивовар Е.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: Исторический очерк. СПб., 2008; *Маркедонов С.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. М., 2012.
- ² Стратегия // Словарь Ожегова: Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ozhegov.com/words/34713.shtml> (дата обращения: 04.02.2015).
- ³ Partnership // The American Heritage Dictionary of the English Language. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=partnership&submit.x=25&submit.y=13> (дата обращения: 04.02.2015).
- ⁴ *Михеев А.* Многосторонние партнерства: определение, принципы, типология, процесс осуществления // Институт развития информационного общества. [Электронный ресурс] URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/d569d070e41d590bc32571d5003cb970> (дата обращения 06.02.2015).
- ⁵ См.: *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essay of International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. P. 59.
- ⁶ См.: *Bendiek A., Kramer H.* The EU as a Would-Be Global Actor: Strategic Partnerships and Interregional Relations // Europe and New Leading Powers: Towards Partnership in Strategic Policy Areas / Ed. by J. Husar, G. Maihold, S. Mair. Baden-Baden: Nomos, 2010. P. 21–42.
- ⁷ См.: Europe and New Leading Powers. P. 149–156.
- ⁸ *Grevi G.* The Rise of Strategic Partnerships: Between Interdependence and Power Politics // Partnerships for Effective Multilateralism: EU Relations with Brazil, China, India and Russia / Ed. by G. Grevi, A. Vasconcelos. P.: EU Institute for Security Studies, 2008.
- ⁹ См.: *Замятин В.* Анатолий Зленко: «Стратегическое партнерство – не клише» // День. [Электронный ресурс] URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/anatolij-zlenko-strategicheskoe-partnerstvo-ne-klishhe> (дата обращения: 03.04.2014).
- ¹⁰ Визит Левона Тер-Петросяна в Россию // YouTube. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mr3blHAQQ8w> (дата обращения: 03.02.2015).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI в. // Президент России.

- Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/09/130152.shtml> (дата обращения: 03.04.2015).
- ¹³ *Минасян С.* ОДКБ и концепция «расширенного сдерживания» в Карабахском конфликте // Фонд «Нораванк». [Электронный ресурс] URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/5.Sergey_Minasyan_03_2013.pdf (дата обращения: 01.04.2015).
- ¹⁴ См.: *Ступишин В.* Моя миссия в Армению: 1992–1994: Воспоминания первого посла России // Электронная библиотека ArmenianHouse.org. [Электронный ресурс] URL: <http://armenianhouse.org/stupishin/docs-ru/mission/contents.html> (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹⁵ См.: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения от 29 декабря 1991 г. // Договора РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pactrf.ru/doc.php?docid=00650> (дата обращения: 04.01.2015).
- ¹⁶ См.: Договор о сотрудничестве между органами пограничной службы РА и РФ // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/4FFESA6C816551B1C3257DAC0030AB1C (дата обращения: 04.01.2015).
- ¹⁷ См.: Договор о российской военной базе на территории Армении // Там же. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/BCFDF06317EF8369C3257DAC0030B134 (дата обращения: 04.01.2015).
- ¹⁸ См.: Военно-техническое сотрудничество между Россией и Арменией: Досье // Информационное агентство России ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <http://itar-tass.com/info/803760> (дата обращения: 04.02.2015).
- ¹⁹ *Минасян С.* В контексте проблем региональной безопасности // Военно-промышленный курьер. 2005. 8 июня. № 20 (87). [Электронный ресурс] URL: <http://vprk-news.ru/articles/1414> (дата обращения: 09.02.2015).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения // Бюллетень международных договоров. 1999. № 2. С. 71–77.
- ²³ Декларация о союзническом взаимодействии... [Электронный ресурс].
- ²⁴ Стамбульский документ 1999 г. // Organization for Security for Co-operation in Europe. [Электронный ресурс] URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true> (дата обращения: 03.01.2015).
- ²⁵ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 3–11.
- ²⁶ См.: Документы, подписанные по итогам российско-армянских переговоров // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/682 (дата обращения: 03.04.2015).
- ²⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения // Кавказский узел.

- [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/173310/> (дата обращения: 07.04.2015).
- ²⁸ См.: Состоялась церемония подписания Азербайджано-Турецких документов // Президент Азербайджана. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.president.az/articles/603> (дата обращения: 08.04.2015).
- ²⁹ Совместная пресс-конференция по итогам российско-азербайджанских переговоров // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/8824> (дата обращения: 07.04.2015); Дмитрий Рогозин: Турция – стратегический партнер России // Новости Армении. [Электронный ресурс] URL: <http://news.am/rus/news/69445.html> (дата обращения: 13.04.2015).
- ³⁰ *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 322.
- ³¹ См.: Британские эксперты сравнили армии Армении и Азербайджана // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1636726.html> (дата обращения: 04.01.2015).
- ³² См.: Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Министерство обороны Республики Армения. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mil.am/media/2015/07/829.pdf> (дата обращения: 04.04.2015).
- ³³ *Минасян С.* Указ. соч.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ КИРГИЗИИ

Статья посвящена образовательной политике Турции, являющейся важной составляющей ее внешнеполитической стратегии как в Киргизии, так и во всем Центрально-Азиатском регионе. Цель этой деятельности – создание позитивного имиджа Турции и последовательное лоббирование ее интересов, которое осуществляется с помощью создания совместных научно-образовательных центров. Киргизия является государством с подавляющим тюркоязычным населением и в целом разделяет с Турцией общие религиозные и культурные ценности, что включает ее в сферу интересов турецкой внешней политики на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, Центральная Азия, Киргизия, гуманитарное сотрудничество, образовательная политика.

С крушением СССР Москва потеряла контроль над бывшими советскими республиками, которые начали проводить независимую от России внутреннюю и внешнюю политику. В результате новообразованные государства стали объектами внешнеполитических устремлений различных государств, в числе которых была и Турция. Внешняя политика Турции была нацелена прежде всего на тюркоязычные республики Центральной Азии и Закавказья, с которыми ее объединяет общее культурно-историческое и языковое родство. Киргизия как одна из этих республик не была исключением. В силу наибольшей экономической несостоятельности республики, она сильнее остальных нуждалась в донорской помощи Турции. Турецкая помощь, являющаяся составной частью ее внешнеполитической деятельности, выразилась в поддержке Киргизии в различных сферах государственной жизни. Эта поддержка заметнее всего в образовательной сфере. Причем образовательная политика Турции в Киргизии осуществляется как с помощью

государственных проектов, таких как создание в Бишкеке Университета «Манас», так и коммерческих образовательных проектов, представленных сетью лицеев, школ и вуза. Суть этой политики сводится к созданию позитивного имиджа Турции в республике путем предоставления высококачественного образования киргизской молодежи, экспорта турецких культурных ценностей и формирования мировоззрения учащихся через призму интересов турецкой политики.

Для раскрытия турецкой образовательной политики необходимо дать всеобъемлющую информацию об имеющихся в Киргизской Республике турецких государственных и частных учебных заведениях, описать деятельность данных учреждений и определить их роль и влияние в образовательном процессе государства.

Важнейшими институтами, реализующими образовательные программы Турции, стали *Киргизско-Турецкий университет (КТУ) «Манас»* и *Международное образовательное учреждение «Себат»*.

Университет «Манас» начал свою деятельность в 1997/98 учебном году на основании Договора об учреждении в столице Кыргызстана г. Бишкек Киргизско-Турецкого университета «Манас», подписанного 30 сентября 1995 г. правительствами Турции и Киргизии в г. Измир¹. На данный момент в вузе учится более 5 тыс. человек². Университет является юридическим лицом, имеющим, как и университеты Турции, высокую степень академической автономии. Основные языки обучения – киргизский и турецкий. Кроме того, преподаются английский и русский языки³. Обучение предоставляется на бесплатной основе, по востребованным на рынке труда специальностям. В университете существуют два института, девять факультетов и три высшие школы, имеются современные учебные лаборатории, свой технопарк. Уровни образования: средне-специальное, бакалавриат, магистратура, докторантура. Созданы условия для льготного питания и проживания. В вузе работают 527 преподавателей, из них 393 – граждане Киргизии⁴. Университет финансируется преимущественно за счет средств, выделяемых Турцией. Киргизия оплачивает обучение лишь 240 студентов⁵. Всего же в вузе обучается 4 700 человек.

Качество образования в «Манасе» подтверждается рейтингом высших учебных заведений Киргизии. По среднему значению баллов общереспубликанского тестирования абитуриентов, зачисленных в вузы на грантовое обучение, в пятерку ведущих вузов вошел КТУ «Манас», а по среднему значению баллов абитуриентов, зачисленных в вузы на контрактное обучение, – другой международный турецкий университет – «Ататюрк-Алато»⁶.

Качество образования, предоставляемого КТУ «Манас», во многом зависит от финансовых возможностей университета и, следовательно, профессионализма его профессорско-преподавательского состава. В связи с этим стоит отметить, что только в 2011–2013 гг. из государственного бюджета Турции университету было выделено 52,7 млн долл. – т. е. более 17,5 млн долл. ежегодно. Для сравнения с 2008 по 2010 г. (в относительно стабильный в финансовом отношении период для Киргизии) Министерство образования республики выделило на финансирование всего высшего образования страны менее 2 млрд сомов⁷, т. е. около 35 млн долл. ежегодно. Таким образом, очевидно, что Турция уделяет огромное внимание данному вузу, что весьма положительно сказывается на качестве предоставляемого образования.

Роль университета возросла в связи с его участием в государственной программе по развитию киргизского языка⁸, реализация которой была начата в соответствии с указом президента Киргизии А. Атамбаева от 1 июля 2013 г.⁹ Суть реформы заключается в поэтапном переходе высшего образования на киргизский язык. «Манас» играет в данном процессе большую роль. Говоря об эффективности системы образования вуза, его проректор А. Кулмырзаев подчеркнул, что «самым важным является то, что одним из двух языков обучения в университете является киргизский. Второй язык обучения – турецкий. Как известно, в высших учебных заведениях Киргизии киргизский язык как язык обучения не доминирующий. Наши выпускники знают свою профессию на киргизском языке на очень хорошем уровне. Когда они придут работать в государственные и частные структуры, для них не будут стоять вопросы, связанные с проблемами киргизского языка как государственного»¹⁰. Такое же мнение высказал и ректор данного вуза, гражданин Турции Себахаттин Балджи, отметив, что помимо предоставления качественного образования на университет возложена важная миссия – выполнение государственной программы по переводу всего делопроизводства в республике на киргизский язык¹¹.

В настоящее время около 80 % вузов страны предоставляют образование на русском языке. Лишь 27,6 % студентов обучаются на киргизском языке¹². Таким образом, «Манас» является флагманом среди вузов республики и ярким примером для Министерства образования Киргизии, которое нацелено на создание качественной образовательной системы на киргизском языке.

В 2009 г. в университете были проведены реформы, в соответствии с которыми вуз возглавляется ректором с турецкой стороны,

главой Попечительского совета также является гражданин Турции. Ранее главу университета назначала киргизская сторона, а его первого заместителя – турецкая. Другие изменения были связаны с освобождением иностранных преподавателей и сотрудников университета от необходимости получать разрешение на работу, отменой ограничений на количество преподавателей – граждан Турции, а также сохранением зарплаты преподавателям и административным сотрудникам, направленным государственными университетами Турции, на срок три года. Поскольку председатель Попечительского совета и ректор теперь назначаются турецкой стороной, все решения принимаются без учета мнения киргизской стороны¹³.

Данная реформа вызвала протесты в киргизском парламенте. Депутат Б. Мамырова высказалась по этому поводу следующим образом: «Студенты из Турции могут учиться в данном вузе в неограниченном количестве. Также они освобождены от таможенных и налоговых пошлин. В представленном договоре главой Попечительского совета должен быть только представитель Турции. А что, если совет возглавит представитель киргизской стороны, уровень снизится?.. У нас тоже должна быть гордость, патриотизм. Мы всех своих гостей сажаем на самое почетное место, и что в итоге? Посмотрите, как мы живем»¹⁴. А вот глава профильного комитета, член партии «Ар-Намыс» К. Осмоналиев посетовал лишь на то, что ректором вуза может быть только представитель турецкой стороны. В противовес вышесказанному выступил депутат К. Рыспаев, который считает, что во главу угла нужно ставить качество образования и уровень инвестиций. Таким образом, среди парламентариев нет единого мнения по поводу проводимой Турцией образовательной политики в Киргизии. В целом представители власти республики отзываются об этой политике положительно. Однако есть и те, кто не разделяет таких взглядов. К ним относится бывший посол Киргизской Республики в Турции М. Абылов и ряд депутатов киргизского парламента, включая упомянутых выше.

Другим свидетельством активности Турции в образовательной сфере Киргизии является деятельность *Международного образовательного учреждения «Себат»*, которое объединяет 14 киргизско-турецких лицеев, Международный университет «Ататюрк-Алатоо», Международную школу «Silk Road», а также Центр изучения языков и компьютерной грамотности. В качестве инвестиций в образовательную сферу Киргизской Республики «Себат» вложил более 50 млн долл. Важно отметить, что лицеи «Себат» и Университет «Ататюрк-Алатоо» подконтрольны Ф. Гюлену, оппоненту премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана. Однако этот факт

не смущает руководство Киргизии и никак не отражается на двусторонних отношениях. Данные образовательные учреждения являются коммерческими. Прием в лицеи осуществляется на основе конкурсного отбора. Стоимость обучения варьируется от 200 до 1 000 долл. в год в зависимости от социального статуса учащегося и географического расположения учебного заведения¹⁵. В лицеях обучаются 9 636 человек¹⁶. Продолжительность обучения составляет пять лет. Преподают предметы, в целом совпадающие с программой средних школ. Важным отличием является то, что большое внимание уделяется точным наукам. Преподавательский состав насчитывает 831 человека, из них 154 – граждане Турции. Языками обучения являются английский и турецкий. В меньшей мере ведется преподавание на киргизском и русском языках. Техническая оснащенность лицеев довольно высокая. Имеется 25 лабораторий по информатике, 16 лабораторий по физике и по 15 лабораторий по химии и биологии. Образовательные учреждения также располагают 1 763 компьютерами, 277 устройствами мультимедиа и 76 интерактивными досками. Качество оказываемых образовательных услуг весьма высокое, что ежегодно подтверждается успехами учащихся на международных олимпиадах по точным наукам. К примеру, они завоевали 46 % призовых мест на киргизской республиканской олимпиаде 2009/10 учебного года¹⁷.

Университет «Алатоо-Ататюрк», функционирующий с 1996 г., является коммерческим образовательным проектом и проводит независимую от Министерства образования Турции политику. Языком обучения является английский. Стоимость обучения варьируется от 1 000 до 1 700 долл. в год в зависимости от специальности¹⁸. При этом в университете действует широкая система скидок. Вуз готовит специалистов по малому количеству направлений, в которые входят: сфера торговли, педагогическая деятельность, офисный менеджмент, компьютерные технологии, переводоведение, ведение семейного хозяйства и телекоммуникации. Выпускники вуза показывают высокую конкурентоспособность на рынке труда, результатом которой является быстрое трудоустройство специалистов.

За годы своей работы турецкое образовательное учреждение «Себат» снискало доверие и высокую оценку со стороны населения. Так, например, количество желающих учиться в его лицеях по сравнению с 1992 г. увеличилось к 2011 г. в десять раз и составило 50 500 человек¹⁹. Одной из причин, по которой деятельность этих учреждений оценивается весьма позитивно, является то, что в них существует гибкая система скидок на оплату обучения. Так, 32 % от

общего количества учащихся имеют различные скидки на оплату образовательных услуг. К данной категории учащихся относятся дети из малообеспеченных, многодетных семей и отличники учебы. Из них 100-процентную льготу имеют 279 человек, скидку 75 % – 167, 50 % – 473, 25 % – 911, 15 % – 252 и 10 % – 857 человек²⁰.

Образование, предоставляемое Университетом «Ататюрк-Ала-тоо» является весьма востребованным, благодаря тому, что критерии оценки знаний в данном вузе, как и в других турецких учебных заведениях, не занижаются, поскольку здесь отсутствует коррупция, которой подвержена практически вся система высшего образования Киргизии. В связи с этим далеко не все учащиеся вуза способны пройти полный цикл четырех- либо шестигодичного обучения.

Университет «Манас» является флагманом среди подобных проектов Турции на постсоветском пространстве. Предоставляя образовательные услуги на безвозмездной основе, он действительно реализует ее «мягкую силу» и призван сформировать прослойку высококвалифицированных специалистов, видящих в Турции не просто надежного партнера, но и пример успешного государства. Культурно-религиозное родство и близость языков, подкрепляемые ощутимым вкладом в дело развития системы образования в Киргизии и экономической помощью Турции формируют ее позитивный образ среди учащихся. Согласно данным социологического исследования, проведенного Фондом Ф. Эберта, с утверждением «турецкий язык помогает познавать мир», согласились 36,4 % опрошенных студентов, а с утверждением «Турция является моделью для Кыргызстана» – 21 %, что говорит о хороших результатах политики «мягкой силы». Большинство студентов Университета «Манас» (83,6 %) довольны местом своего обучения по ряду причин: 1) качественное и бесплатное образование; 2) хорошее материально-техническое оснащение; 3) отсутствие коррупции²¹.

Выводы

Практически во всех сферах двустороннего образовательного сотрудничества Турция является донором Киргизии, что позволяет турецкому государству проводить довольно интенсивную политику «мягкой силы». Существующие в республике турецкие высшие учебные заведения заслужили высокую оценку у местного населения, доказательством чего является огромный поток желающих в них учиться.

Финансируя подготовку местных специалистов в КТУ «Манас», Турция помогает киргизскому государству реформировать национальную систему образования, прежде всего путем расширения в вузе преподавания на киргизском языке. До последнего времени в стране наблюдалась парадоксальная ситуация: школьное образование предоставлялось лишь на 15–20 % на русском языке, а высшее – на 90 %. Теперь же зона распространения русского языка постепенно сокращается. Система высшего образования начинает претерпевать изменения, и год от года увеличивается объем преподавания на киргизском языке. Понимая нежелание киргизского населения учить турецкий язык, Турция вполне осознанно вводит преподавание в своих учебных заведениях в Киргизии от 40 до 50 % предметов на киргизском языке, тем самым восполняя недостающий киргизско-тюркский языковой компонент в системе образования Киргизии. Данная стратегия представляется весьма эффективной для Турции, поскольку таким образом она избегает повода для упреков со стороны России в пантюркистских устремлениях.

Отсутствие противоречий во взаимоотношениях между двумя странами лишь усиливает турецкое присутствие и, соответственно, влияние в Киргизии. Однако Киргизия в силу своей экономической, политической и демографической слабости не в состоянии обеспечить тот же объем кооперации, что ставит республику перед необходимостью «отрабатывать» предоставляемые блага. Таким образом, сотрудничество в области образования не выглядит равноправным.

Примечания

- ¹ См.: Общая информация // Кыргызско-Турецкий университет «Манас». [Электронный ресурс] URL: <http://www.manas.edu.kg/index.php/ru> (дата обращения: 20.08.2015).
- ² См.: Общая информация. О Манасе // Там же. [Электронный ресурс].
- ³ См.: Образование // Там же. [Электронный ресурс] URL: <http://www.manas.edu.kg/index.php/ru/образование> (дата обращения: 12.10.2015).
- ⁴ См.: *Турдубаева Э.* Кыргызско-турецкое сотрудничество в сфере образования // Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, 2012. С. 40.
- ⁵ См.: *Тимофеев А.* Минобразования оплачивает обучение 240 студентов в КТУ «Манас» // Вечерний Бишкек. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vb.kg/>

doc/273675_minobrazovaniia_oplachivaet_obychenie_240_stydentov_v_kty_manas.html (дата обращения: 21.05.2015).

- 6 См.: Условия студентов в университетах и реформа высшего образования в Кыргызстане // Министерство образования и науки Кыргызской Республики: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://edu.gov.kg/ru/presscentr/novosti/869-ksadykov-predstavil-itogi-priema-v-vuzy-i-jetapy-reformirovaniija-vuzov-kr.html> (дата обращения: 16.10.2014).
- 7 См.: Образование и наука в Кыргызской Республике // Статистический сборник Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Бишкек, 2012. С. 30.
- 8 Кыргыз Республикасында 2014–2020 – жылдары мамлекеттик тилди өнүктүрүүнүн жана тил саясатын өркүндөтүүнүн УЛУТТУК ПРОГРАММАСЫ [Национальная программа Кыргызской Республики по развитию государственного языка и языковой политике на 2014–2020 гг.] // Президент Кыргызской Республики: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.president.kg/files/til_boyuncha_uluttuk_programma.pdf (дата обращения: 12.07.2015).
- 9 См.: Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О мерах по развитию государственного языка и совершенствованию языковой политики в Кыргызской Республике» // Президент Кыргызской Республики: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/2337_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_o_merax_po_razvitiyu_gosudarstvennogo_yazyika_i_sovershenstvovaniyu_yazyikovoy_politiki_v_kyrgyzskoy_respublike (дата обращения: 12.10.2015).
- 10 Интервью первого проректора КТУ «Манас» Асылбека Кулмурзаева // Министерство образования и науки Кыргызской Республики: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://edu.gov.kg/ru/presscentr/intervju/263-intervju-pervogo-prorektora-ktu-manas-asylbeka-kulmyrzaeva.html> (дата обращения: 13.11.2014).
- 11 *Козубекова Т.* Есть надежда на будущее своего языка // Gezitter.org. [Электронный ресурс] URL: http://www.gezitter.org/politic/20575_est_nadejda_na_buduschee_svoego_yazyika/ (дата обращения: 14.07.2015).
- 12 См.: Распределение численности студентов образовательных организаций высшего профессионального образования по языкам обучения // Образование и наука в Кыргызской Республике: Статистический сборник. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2014. С. 293.
- 13 См.: *Осмонгазиева Т.* Мамырова раскритиковала вариант договора об Университете «Манас» // Вечерний Бишкек. [Электронный ресурс] URL: http://www.vb.kg/doc/268530_mamyrova_raskritikovala_variant_dogovora_ob_universitete_manas.html (дата обращения: 09.04.2015).
- 14 Бодош Мамырова раскритиковала вариант договора об университете «Манас» // Кант.kg. [Электронный ресурс] URL: <http://kant.kg/2014-04-09/>

bodosh-mamyirova-raskritikovala-variant-dogovora-ob-universitete-manas/ (дата обращения: 18.12.2014).

¹⁵ См.: *Турдубаева Э.* Указ. соч. С. 44.

¹⁶ См.: Количество учащихся в учебных заведениях // Международное образовательное учреждение «Себат». [Электронный ресурс] URL: http://www.sebat.com.kg/Sunumlar/sunum_RU/ (дата обращения: 13.10.2014).

¹⁷ См.: Республиканская олимпиада // Там же. [Электронный ресурс]

¹⁸ Стоимость обучения в 2015–2016 учебном году // Международный Университет Ататюрк Алатао. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iaau.edu.kg/view/public/pages/page.xhtml?id=70> (дата обращения: 13.10.2015).

¹⁹ См.: Количество желающих учиться в кыргызско-турецких лицеях «Себат» // Международное образовательное учреждение «Себат». [Электронный ресурс]

²⁰ См.: Распределение льгот // Там же. [Электронный ресурс]

²¹ См.: *Турдубаева Э.* Указ. соч. С. 50.

«МЯГКАЯ СИЛА» В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу концепции «мягкой силы» во внешней политике Соединенных Штатов в период президентства Барака Обамы. В ней рассматриваются основные теоретические концепции в изучении стратегий внешней политики государства. Особое внимание уделяется концепции «мягкой силы», а также тому, как эта стратегия отражается в официальном дискурсе США.

Ключевые слова: США, «мягкая сила», «умная сила», «жесткая сила», публичная дипломатия, цифровая дипломатия.

Понятие силы занимает центральное место в международных отношениях, являясь точкой отсчета концепций политического мышления. На протяжении многих лет понимание силы соответствовало теории политического реализма, отождествляясь с «жесткой силой» государства¹. Представителями этой школы сила рассматривается в качестве главного фактора, определяющего развитие международных отношений, участниками которых считаются только суверенные государства, обладающие «жесткой силой» и способные использовать ее по отношению друг к другу. Ключевыми в политике государств согласно теории политического реализма являются национальные интересы². «Жесткая сила» как раз и используется для их защиты и продвижения, а также для изменения поведения объекта воздействия и достижения желаемого результата внешней политики государства при условии сохранения баланса сил на мировой арене.

По мнению сторонников теории политического реализма, источник силы – это ресурсы государства³. В случае применения «жесткой силы» государство опирается в основном на материальные ресурсы, такие как численность населения, размер территории,

природные и экономические ресурсы, а также военную мощь. Методы «жесткой силы» включают в себя вооруженное вмешательство, экономическое давление, военный, политический, энергетический, сырьевой, продовольственный шантаж, угрозы, подкуп национальной политической элиты⁴.

На протяжении человеческой истории «жесткая сила» идентифицировалась с военной силой государства, которая представляет собой воздействие военной мощи одного государства в политических целях на другое государство или систему международных отношений в целом⁵. Несмотря на то что военная сила и сегодня остается решающим инструментом в международной политике, польза от ее применения, по мнению экспертов, уменьшается⁶. Как заявила заместитель министра обороны США по политическому планированию Мишель Флурной, «традиционные войны – это виды военных действий, которые более не отвечают современным реалиям»⁷. Сегодня военная сила приобрела новое качество – стала инструментом сдерживания потенциального противника.

После Второй мировой войны конкуренция за доминирование на международной арене перешла из военной в экономическую сферу. Появилось понимание комплексной взаимозависимости⁸ и эффективности поиска общих интересов для решения проблем. Правительства различных стран начали уделять особое внимание внешней культурной политике – мероприятиям, нацеленным на продвижение национальных интересов на мировой арене и оказание непосредственного влияния на различные политические, экономические, социальные процессы в мире⁹. В рамках этой политики реализовывались различные культурные программы, а сама она получила название культурной дипломатии. Феномен культурной экспансии, который в 1960-х гг. стал ассоциироваться прежде всего с масштабным «экспортом» американской культуры, начал осмысливаться в рамках теории «культурного империализма»¹⁰. В середине 1990-х гг. предыдущая концепция была заменена понятием «перенос культуры», чтобы таким образом снять с США обвинение в экспансии идеологии через правительственные программы¹¹.

Способность получать желаемые результаты и достигать внешнеполитических целей посредством убеждения, привлечения, аргументации, а не принуждения¹², используя при этом культуру, ценности и политическую идеологию, американский политолог и профессор Гарвардского университета Джозеф Най определил термином «мягкая сила». Сформулированный в 1990 г., он стал широко использоваться как противоположный термину «жесткая сила». Вместе с тем, как писал Дж. Най, концепция «мягкой силы» не про-

тиворечит теории политического реализма. Она также не является формой идеализма или либерализма, поскольку это лишь способ достижения желаемых результатов¹³.

Как и в концепции «жесткой силы», субъект «мягкого» воздействия – государство, однако объектом привлечения считаются элиты и общества других стран. В концепции сохраняется доминирующая роль национальных интересов, что доказывает отсутствие противоречий с теорией политического реализма. Цель как у «мягкой», так и у «жесткой силы» одна – защита и продвижение своих интересов, изменение поведения объекта воздействия и достижение желаемого результата внешней политики.

Большая территория и численность населения, мощная армия и богатые природные ресурсы не являются необходимым условием сильного государства. «Мягкая сила» государства сочетает в себе три ресурса. Во-первых, культуру – как высокую (high), так и массовую (popular). Культура США, по мнению Дж. Ная, в этом смысле является универсальной (universalistic culture) и включает в себя оба названных компонента, что делает ее наиболее привлекательной. Во-вторых, политические (в случае США – демократические) ценности, которые распространяет правительство как внутри государства, так и за рубежом. В-третьих, внешнюю политику, где правительство использует все «механизмы» дипломатии для достижения своей цели. Канадский исследователь и журналист М. Фрайзер, изучавший феномен американской «мягкой силы», утверждал, что культура выступает стратегическим ресурсом внешней политики США. Он пришел к выводу, что распространение американских фильмов, музыки, телевизионных шоу и еды способствует распространению американских ценностей по всему миру¹⁴.

Несмотря на то что военные и экономические ресурсы относятся к «жесткой силе», они также могут вписываться в концепцию «мягкой силы» в зависимости от целей и условий их применения. Соединенным Штатам удалось усилить свою «мягкую силу» за счет использования военных ресурсов при оказании помощи пострадавшим от землетрясения на Гаити в 2010 г. Экономические ресурсы также могут усилить как «жесткую», так и «мягкую силу» государства. В качестве примера можно указать на использование экономических санкций – запретительные санкции вписываются в концепцию «жесткой силы», а меры поощрения отвечают концепции «мягкой силы»¹⁵. Соединенные Штаты как крупнейшая экономика мира часто прибегают к этому рычагу влияния, применяя санкции, в основном запретительного характера, против стран, в числе которых оказывались Куба, Индия, Пакистан, КНДР, Вьет-

нам, Сингапур, Ирак, Ливия, Сирия, Иран и Россия. Вместе с тем Соединенные Штаты используют и меры поощрения. В частности в 2009 г. Соединенные Штаты выделили из бюджета 7,5 млрд долл. для Пакистана. Самыми крупными получателями американской помощи остаются Израиль и Египет.

Основными инструментами реализации «мягкого» воздействия являются: информационные потоки; политический пиар, ориентированный на зарубежную аудиторию; глобальный маркетинг; язык страны; публичная дипломатия; туризм, спорт и культурные обмены; система образования, студенческие обмены; национальная диаспора; диалог культур. Эффективное использование этих инструментов создает возможности влияния государства-субъекта на политические и гуманитарные процессы в государстве-объекте воздействия и в мире в целом.

Что касается методов осуществления «мягкой силы», то они делятся на открытые и скрытые. Первая группа методов предполагает наличие взаимной выгоды от сотрудничества субъекта и объекта влияния, например связи с общественностью, программы культурных и академических обменов, открытие информационно-культурных центров и филиалов неправительственных организаций (НПО). Скрытые методы, наоборот, преследуют цели, расходящиеся с интересами объекта влияния, – специальные информационные операции, скрытое финансирование определенных общественных и политических организаций, влияние на информационную политику лояльных СМИ¹⁶.

Согласно Дж. Наю, существуют две модели воздействия «мягкой силы» на объект: прямая и косвенная. Прямая – предполагает взаимоотношения между лицами, принимающими решения, государства-субъекта и элитами государства-объекта. В такой модели важную роль могут играть характеристики субъекта действий. Александр Вьювинг приводит три из них, определяющие привлекательность: добросердечие, компетентность, красота или харизма¹⁷. Более распространена косвенная модель, при которой под влиянием оказывается общественность. Она же, в свою очередь, воздействуют на руководителей других стран¹⁸. Для реализации этой модели и оказания влияния на зарубежные общества США активно применяют публичную дипломатию.

Успех применения «мягкой силы» во многом зависит от имиджа и репутации государства-субъекта. Первостепенное значение имеет создание положительного образа, так как политика определяется тем, чей образ победит¹⁹. «Мягкое» влияние государства-субъекта может быть настолько сильным, что оно воспринимается как

образец для подражания для государств-объектов воздействия и их обществ²⁰. В результате, как отметил профессор Джулио Галлароти, стремление к подражанию создает систему наций, чьи действия, политика и цели соответствуют интересам государства-образца²¹.

Репутация является необходимым условием в реализации «мягкой силы», и за укрепление или разрушение кредита доверия ведутся политические бои. Любое неосторожное действие, например пропагандистские заявления в СМИ, могут существенно подорвать доверие к государству. Разоблачения на весь мир бывшим сотрудником ЦРУ Эдвардом Сноуденом глобального электронного шпионажа подорвали репутацию и доверие к США на международной арене.

Успех «мягкой силы» зависит от того, как субъект воспринимается объектом воздействия. Государству важно понять, как его воспринимают другие акторы международных отношений, чтобы на основании этого предпринять конкретные действия во внешней политике.

Изучение взаимоотношений государств с учетом представления акторов о самих себе и других участниках международных отношений входит в теорию социального конструктивизма. По мнению американского конструктивиста А. Вендта, участниками международных отношений выступают «государства, наделенные чувством “Я”, то есть государства с уникальной идентичностью»²². Характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями одних государств в отношении других. Представление государства-субъекта о самом себе и о других участниках международных отношений связано с национальной идентичностью, положением в международной табели о рангах и ролью в мировой политике²³.

Восприятие государства-субъекта зависит от образов, которые возникают у государств-объектов. Образы государства-субъекта могут как предоставлять дополнительные возможности, так и создавать серьезные препятствия для реализации интересов этого государства на международной арене. В частности имидж США как гаранта и носителя свободы и демократии не воспринимался на Ближнем Востоке и не принес положительного результата.

Использование «мягкой силы» не исключает наличия у государства «жесткой силы», которая, как уже было сказано, может повысить международный авторитет и укрепить «мягкую силу» этого государства. Важен разумный подход – сбалансированное и взаимодополняющее использование этих двух типов внешнеполитического влияния. Умелое сочетание ресурсов «жесткой» и «мягкой силы» предложили Дж. Най и бывший заместитель госсекре-

таря в администрации Дж. Буша-мл. Ричард Армитидж в 2008 г. Концепция «умной силы» подчеркивает необходимость военной мощи, однако нацелена на создание и укрепление союзнических и партнерских отношений между США и другими странами на всех уровнях для расширения американского влияния и установления легитимности американских действий.

Будучи синтезом двух предыдущих концепций, «умная сила» подразумевает использование ресурсной базы и набора как «мягких», так и «жестких» инструментов и методов для достижения американских внешнеполитических целей. Субъектом «умного» воздействия становится государство, а объектом – как другие государства, так и их элиты и общества. Применение «умной силы», как и всякой силы, нацелено на защиту и продвижение своих интересов, оказание влияния на объект для изменения его поведения и достижения желаемых результатов во внешней политике.

В 2007 г. в отчете комиссии по «умной силе», которую возглавили Р. Армитидж и Дж. Най, было отмечено, что при реализации концепции «умной силы» США необходимо опираться на пять главных принципов: союзничество и партнерство; глобальное развитие; публичную дипломатию; экономическую интеграцию; технологии и инновации²⁴. Для успешной реализации «умной силы» необходимо учитывать цель, ради которой применяется сила; четко осознавать свои возможности; учитывать региональные и глобальные факторы; грамотно использовать свои ресурсы²⁵. В дополнение к этому списку Дж. Най указывает на необходимость иметь четкое представление о ресурсах объектов воздействия для уточнения своей тактики, а также правильно оценивать вероятность успеха и возможные последствия²⁶.

Концепция «умной силы» была призвана стать политической стратегией администрации Б. Обамы и сделать курс Соединенных Штатов более сбалансированным. Первоочередной задачей нового американского президента в 2009 г. стало восстановление имиджа США в глазах мира в целом и мусульманского сообщества в частности.

Концепцию «умной силы» как теоретическую основу новой внешнеполитической стратегии вашингтонской администрации впервые озвучила госсекретарь США Хиллари Клинтон в январе 2009 г. Она заявила, что США будут использовать полный спектр инструментов, имеющихся в их распоряжении, – дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных – и будут выбирать правильный инструмент или сочетание инструментов для каждой ситуации в отдельности²⁷.

Клинтон активно поддерживала концепцию «умной силы» и часто использовала этот термин в своих выступлениях. Так, в июле 2009 г. она выделила пять целей, для достижения которых США будут использовать «умную силу»: 1) расширение механизмов сотрудничества с партнерами; 2) взаимодействие с теми, кто не согласен с Соединенными Штатами; 3) продвижение идеи развития как основы американской силы; 4) объединение военных и гражданских усилий в конфликтных зонах; 5) усиление ключевых ресурсов американской силы, включая экономику и собственный имидж²⁸.

Основные составляющие внешней политики США – оборона, дипломатия и развитие (defense, diplomacy and development), о чем Х. Клинтон заявила на конференции в апреле 2009 г., также отвечают концепции «умной силы»²⁹.

О новой стратегии внешней политики, нацеленной на восстановление имиджа США в мире, говорил в своей речи в Каирском университете и президент Б. Обама в 2009 г.³⁰ Он использовал примеры из своей жизни, связанные с исламом, часто цитировал Коран, тем самым располагая мусульманскую аудиторию к себе и к Соединенным Штатам. Он приводил в пример известных американских мусульман, которые добились успеха, акцентируя внимание на образе США как страны, где каждый реализовывает свое стремление к счастью. Б. Обама подчеркнул, что пост президента страны впервые занял афроамериканец, тем самым подтверждая тезис о широких возможностях для всех американцев независимо от их социального происхождения, цвета кожи и вероисповедания. В каирской речи Обама упомянул войны в Ираке и Афганистане, убеждая аудиторию, что США начали военные действия не по своему желанию, а по необходимости. При этом американский президент подчеркнул намерение Соединенных Штатов финансировать строительство школ, больниц и дорог в Афганистане и Пакистане и улучшать условия жизни местного населения в целом. Слова президента Соединенных Штатов были переведены на 14 языков, размещены на веб-сайтах и блогах по всему миру, а также переданы в текстовых сообщениях SMS на мобильные телефоны в более чем 170 странах³¹.

Центральная роль в реализации «умной силы» администрацией Обамы была отведена публичной дипломатии, т. е. «финансируемым правительством программам, направленным на информирование граждан зарубежных стран и влияние на них посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения»³². В 2009 г. главой публичной диплома-

тии США была назначена Джудит Макхейл, которая отметила, что американская публичная дипломатия реализуется на двух уровнях. Первый – коммуникация, которая подразумевает мероприятия в виртуальном и медийном пространстве: информирование зарубежной аудитории с помощью СМИ. Второй уровень – вовлечение (engagement), которое предполагает установление контакта с представителями государства-объекта посредством культурных и образовательных обменов, выступлений и культурных мероприятий, финансируемых посольствами США³³.

Установленному курсу соответствовало новое эффективное направление в публичной дипломатии – цифровая дипломатия, ставшая одним из векторов программы Госдепартамента «Государственное управление в XXI в.»³⁴. Согласно программе наряду с традиционными инструментами внешней политики США используют инновационные инструменты государственного управления – потенциал сетей, технологий, а также населения во взаимозависимом мире.

В Стратегическом плане развития информационных технологий в 2011–2013 гг. американское правительство определило цифровую дипломатию как способ, позволяющий расширять сотрудничество и обмен информацией между внутренними и внешними заинтересованными сторонами через современные социальные сети, отвечая вызовам и угрозам³⁵.

Информационные технологии стали играть доминирующую роль в реализации новой стратегии США, что соответствовало концепции «мягкой силы» и нашло развитие в стратегии «умной силы». В 2009 г. Обама подписал меморандум, в котором было указано, что исполнительные департаменты и агентства должны поместить информацию о своей деятельности и решениях в Интернет и использовать обратную связь с общественностью³⁶. Позже администрация Обамы стала использовать информационные технологии не только на внутреннем уровне, но и для общения с зарубежной аудиторией.

Кроме того, администрация Обамы активно выступала за свободу Интернета – главного инструмента цифровой дипломатии США. В 2011 г. американский президент заявил, что США «будут поддерживать свободный доступ в Интернет и право журналистов быть услышанными, независимо от того, большое ли это издание или один блогер»³⁷.

В 2013 г. Х. Клинтон также заявила, что США отстаивают свободу Интернета, так как он является свободной, открытой и доступной платформой для каждого³⁸. Именно Клинтон вывела цифровую дипломатию США на новый уровень. В сравнении с одной

официальной страничкой Госдепартамента в Сети, оставленной в наследство предыдущим госсекретарем Кандолизой Райс, Клинтон передала своему преемнику на посту госсекретаря Джону Керри в феврале 2013 г. 288 страниц в Facebook, 196 Twitter-аккаунтов, а также виртуальные представительства в YouTube с 16-миллионными просмотрами, Tumblr и Flickr на 11 языках. Суммарная аудитория всех аккаунтов и блогов составляла около 20 млн человек.

Госсекретарь Дж. Керри, сохраняющий приверженность стратегии «умной силы», заявил, что США делают все, дабы достичь своих внешнеполитических целей и восстановить взаимодействие между людьми у себя дома и по всему миру³⁹.

В 2014 г. новый заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии Ричард Стенгел обозначил приоритетные направления ее развития: налаживание новых и расширение уже имеющихся связей с молодежными лидерами; использование социальных сетей и мобильных технологий; увеличение числа программ экономической дипломатии, которые помогут предпринимателям по всему миру наладить связи с успешными американскими бизнес-лидерами; развитие системы образовательных обменов; привлечение внимания людей по всему миру к экологическим проблемам, с которыми сталкивается мир; расширение усилий по борьбе с экстремизмом⁴⁰.

Соединенные Штаты с успехом применяют свою «мягкую силу». Это доказывают результаты последнего исследования «Soft Power Survey» за 2014–2015 гг., опубликованного международным журналом «Monocle», согласно которым США занимают первое место в международном рейтинге по использованию «мягкой силы»⁴¹. Свое «мягкое» влияние США реализуют в основном посредством публичной дипломатии, доминирующая роль в реализации которой отведена в настоящее время информационному пространству и прежде всего Интернету, так называемой публичной дипломатии Web 2.0⁴².

Примечания

- ¹ См.: *Wilson E.J.* Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. [Электронный ресурс] URL: <http://ann.sagepub.com/content/616/1/110.abstract> (дата обращения: 24.11.2014).
- ² См.: *Morgenthau G.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. Beijing: Peking University Press, 1950. P. 5.
- ³ См.: *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. P. 131.

- ⁴ См.: *Леонова О.Г.* Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. [Электронный ресурс] URL: http://observer.materik.ru/observer/N4_2013/027_040.pdf (дата обращения: 10.01.2015).
- ⁵ См.: *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 1 // Журнал «ПОЛИТЭКС». [Электронный ресурс] URL: <http://www.politex.info/content/view/535/30/> (дата обращения: 11.01.2015).
- ⁶ См.: *Global Trends 2025: A Transformed World* // The American Institute of Certified Public Accountants (AICPA). [Электронный ресурс] URL: <http://www.aicpa.org/research/cpahorizons2025/globalforces/downloadabledocuments/global-trends.pdf> (дата обращения: 24.11.2014).
- ⁷ *Shanker T.* Pentagon to Outline Shift in War Planning Strategy // The New York Times. [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2009/06/23/world/americas/23military.html?_r=0 (дата обращения: 24.11.2014).
- ⁸ См.: *Nye J., Keohane R.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Co., 1977. P. 24–25.
- ⁹ См.: *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурой дипломатии США. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2010. С. 18.
- ¹⁰ Там же. С. 79–80.
- ¹¹ См.: *Кубышкин А.И., Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 41.
- ¹² См.: *Nye J.* Soft Power: The Means of Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Press, 2004. P. 6–7.
- ¹³ См.: *Nye J.* The Future of Power. N.Y.: Public Affairs Press, 2011. P. 150.
- ¹⁴ См.: *Fraser M.* Weapons of Mass Distraction: Soft Power and American Empire. N.Y.: Thomas Dunne Books; St. Martin's Press, 2003.
- ¹⁵ *Baldwin D.* Economic Statecraft. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. P. 41–42.
- ¹⁶ См.: *Гламазда А.* Военная сила как основной структурный элемент военной безопасности белорусского государства (Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4) // Международное общественное объединение «Развитие». [Электронный ресурс] URL: <http://www.evolutio.info/content/view/2004/215/> (дата обращения: 12.01.2015).
- ¹⁷ См.: *Vuving A.* How Soft Power Works. P. 7–8 // Asia-Pacofoc Center for Security Studies. [Электронный ресурс] URL: <http://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf> (дата обращения: 10.07.2015).
- ¹⁸ См.: *Kroenig M., McAdam M., Weber S.* Talking Soft Power Seriously. Berkeley, CA: University of California, 2010. P. 414.
- ¹⁹ См.: *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. Santa Monica, CA: RAND, 1999. P. 53.
- ²⁰ См.: *Gallarotti G.M.* Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it can be Effectively Used (Journal of Political Power. 2011. Vol. 4. № 1) // SelectedWorks. [Электронный ресурс] URL: <http://works.bepress.com/>

- cgi/viewcontent.cgi?article=1002&context=giulio_gallarotti (дата обращения: 20.10.2014).
- ²¹ См.: *Gallarotti G.M.* Smart Power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Ibid. [Электронный ресурс] URL: http://works.bepress.com/cgi/viewcontent.cgi?article=1044&context=giulio_gallarotti (дата обращения: 20.10.2014).
- ²² *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 22.
- ²³ См.: *Киселев И.Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы // Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. [Электронный ресурс] URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsa5fc.html?id=491 (дата обращения: 20.01.2015).
- ²⁴ См.: *Nye J., Armitage R.* CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2007. P. 7.
- ²⁵ См.: *Wilson E.J.* Op. cit.
- ²⁶ См.: *Nye J.* The Future of Power... P. 338–340.
- ²⁷ См.: Transcript of Clintons Confirmation Hearing // Council on Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cfr.org/elections/transcript-hillary-clintons-confirmation-hearing/p18225> (дата обращения: 07.02.2015).
- ²⁸ См.: A Conversation with U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton // Council on Foreign Relations. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cfr.org/diplomacy-and-statecraft/council-foreign-relations-address-secretary-state-hillary-clinton/p19840> (дата обращения: 01.12.2014).
- ²⁹ См.: Remarks at the Global Philanthropy Forum Conference // U.S. Department of State. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/04/122066.htm> (дата обращения: 03.12.2014).
- ³⁰ См.: *Obama B.* Remarks by the President on a New Beginning. Cairo, Egypt. June 04, 2009 // The White House. [Электронный ресурс] URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (дата обращения: 01.12.2014).
- ³¹ См.: *McHale J.A.* Public Diplomacy: A National Security Imperative: Address at the Center for a New American Security. Washington, DC. June 11, 2009 // U.S. Department of State. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/r/remarks/2009/124640.htm> (дата обращения: 15.02.2015).
- ³² *Долгинский А.* Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2399#top (дата обращения: 04.04.2014).
- ³³ См.: *McHale J.A.* Op. cit.
- ³⁴ 21st Century Statecraft // U.S. Department of State. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/statecraft/overview/index.htm> (дата обращения: 05.03.2015).

- ³⁵ См.: IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy // Ibid. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (дата обращения: 10.03.2015).
- ³⁶ См.: Transparency and Open Government: Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies. The White House, Jan. 21, 2009 // The White House. [Электронный ресурс] URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (дата обращения: 15.03.2015).
- ³⁷ Remarks of President Barack Obama – As Prepared for Delivery – “A Moment of Opportunity” // Ibid. [Электронный ресурс] URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-barack-obama-prepared-delivery-moment-opportunity> (дата обращения: 03.12.2014).
- ³⁸ См.: Clinton on American Leadership at Council on Foreign Relations // U.S. Department of State. [Электронный ресурс] URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2013/01/20130131141925.html#axzz3Lu9bcUZA> (дата обращения: 03.12.2014).
- ³⁹ См.: *Kerry J.* Digital Diplomacy: Adapting Our Diplomatic Engagement // Ibid. [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.state.gov/stories/2013/05/06/digital-diplomacy-adapting-our-diplomatic-engagement> (дата обращения: 15.03.2015).
- ⁴⁰ См.: A Message to the Public Diplomacy Community // Ibid. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/r/remarks/221768.htm> (дата обращения: 04.03.2015).
- ⁴¹ Soft Power Survey 2014/15 // Monocle. [Электронный ресурс] URL: <http://monocle.com/film/Affairs/soft-power-survey-2014-15/> (дата обращения: 15.03.2015).
- ⁴² См.: *Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.

III. Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Д. Зеверт

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Статья посвящена процессу оповседневнивания праздников. В теориях праздник квалифицируется как место неповседневного, однако в современных условиях четкая граница между праздником и повседневностью сливается. Идеология марксизма-ленинизма и особенный дидактический характер советских праздников привели к тому, что они уже в «раннем» Советском Союзе проникали в повседневную жизнь людей. В связи со значимым ростом праздничных поводов в 1960-х и 1970-х гг. и появлением различных праздничных форм можно датировать полное оповседневнивание советских праздников этим периодом.

Ключевые слова: праздник, советский праздник, повседневность, праздничная теория, оповседневнивание.

В современной науке существует большое число теорий праздника, большинство из которых основываются на фундаментальном разделении праздника и повседневности. Они указывают на то, что праздник – место другого, причем «другое» понимается как другое повседневной жизни. Праздник квалифицируется как «перерыв в повседневности» («мораторий быта»)¹ и выделяется в четко определенных границах от повседневности и таким образом становится его контрапунктом². Праздник нужен человеку для преодоления реальности, так как ему приходится примиряться с необходимостью совершать определенные действия в повседневной жизни.

Принуждения к действию, навязываемые в повседневной жизни, нуждаются в примирении. Это примирение происходит через карнавальную инверсию общественных отношений и связей. При

этом праздник, как указывал М. Бахтин, – всегда содержит зачаток эксцесса и кутежа³.

Исследователи выделяют целый ряд критериев, присущих праздникам:

- праздники объединяют общество;
- на переднем плане эмоциональное единение, ценности которого оживают;
- праздники являются символическим выражением коллективной солидарности, которая возобновляется через игру⁴.

Несмотря на то что праздники определяются как место неповседневного и нерутинного, они нуждаются в повторяемости, чтобы инсценировать сознание единения. Разовый праздник был бы «противоречием в самом себе»⁵. Йохан Хёйзинга считает, что повторяемость, в том числе во внутренней структуре, – это основное свойство праздников⁶. Из этой повторяемости возникает рутинизация, которая лишает действие смысла, так как индивиды не думают о пути достижения цели. Рутинизация и попытки ее избежать посредством рационализации содержания и формализации развертывания действия ведут к медленной потере привлекательности неповседневного⁷. Из этого немецкий исследователь Ян Ассман делает вывод о том, что таким образом возникает необходимость возобновления ценностей и действий⁸.

Таким образом праздники, как и другие явления культуры, принадлежат процессу оповседневнивания⁹. Макс Вебер трактовал оповседневнивание как исходящий процесс культуры, превращение ее в совокупность подручных средств и банальных истин. Многократно повторяясь, знания и навыки закрепляются в человеческих деяниях, без которых они были бы обречены на искусственное, «книжное» существование. Без процессов оповседневнивания культура падает в стагнацию и «музеефицируется», она нуждается в постоянной верификации своих интеллектуальных продуктов, сообщающей им прагматическую весомость. Кроме того, оповседневнивание представляет собой особый вид культурного опыта и также институционализации, благодаря которому «великие повествования» закрепляются в культурной традиции и получают возможность длительного исторического существования¹⁰.

Размышляя о концепции Яна Ассмана и Макса Вебера, мы приходим к выводу, что оповседневнивание (рутинизация) имеет двойную суть. С одной стороны, оно является причиной потери осмысления действия человека, а с другой стороны, оно необходимо, чтобы культурные явления проникали в смысловой канон общества.

Ученые единодушны в понимании того, что при современных культурных и общественных условиях положение праздника неоднозначно. Происходит бытийная экспансия праздника в мир повседневности, в результате чего понятие «мораторий быта» становится приемлемым лишь условно¹¹.

Обратим внимание на работу *Fête et vie quotidienne* (Праздник и повседневная жизнь), вышедшую еще в 1968 г., в которой Агнес Вилладари говорит об оповседневнивании праздника, под которым она понимает увеличение числа праздников. Автор видела опасность в том, что за счет этого увеличения теряются «вспыхивающие» и «таинственно-очаровывающие» элементы праздничного. С другой стороны, А. Вилладари склонялась к мечте о праздничной повседневности. Она была очарована тем, что присущая празднику «революционная» сила способна целиком и полностью освободить общество¹².

Каким образом осуществляется оповседневнивание праздника? По мнению Яна Ассмана способность праздновать придет к серьезному кризису, когда исчезнет различие между праздником и повседневностью. Причинами этого кризиса являются либо абсолютизация повседневности и оповседневнивание праздничного, либо абсолютизация праздника и сакрализация или опраздничивание повседневности. Праздник таким образом становится редким явлением в культуре, которое дифференцирует функции реориентированного размышления и передает их собственным обособленным институциям¹³. Отто Фридрих Болло отмечает, что в современной жизни остались лишь скудные остатки праздника, которые передают первоначальную сущность явления в *стертом* и размытом виде. Он считает, что современное общество уже не способно отмечать праздник *в полном и откровенном изначальном смысле*¹⁴. По мнению Рюдигера Бубнера классические понятия роли праздника исчезают там, где широкий контекст толкования также теряет значение. В таком случае на место праздника придет эстетизация. Праздники в традиционном виде останутся только в том случае если действуют соответствующие рамочные условия. Однако в эпоху модерна роль праздника как компенсации повседневного уменьшается.

Концепция эстетизации жизненного мира, по сути, представляет собой попытку превратить *повседневность в постоянный праздник*¹⁵. Для Бориса Дубина оповседневнивание праздников связано с нарастающими ценностями политеизма. В этом смысле можно говорить о «встречном» процессе – инфильтрации значений праздника в повседневную жизнь¹⁶. Винфрид Гебхардт однако отмечает,

что эмансипационная мечта о праздничной повседневности и «новом человеке», который рождается в ней, уже не существует¹⁷. Элфи Миклауц приходит в своей работе к выводу, что самообсуждение / обсуждение самих себя оказывается лишним, так как эпоха модерна подготовила функциональные эквиваленты. «Мы»-инсценировки все больше и больше переходят к другим медиумам репрезентации. Но праздник тем не менее продолжает жить как пережиток, потому что он, в отличие от других форм репрезентации коллектива, представляет присутствующим участникам возможность *осознавать* себя как коллектив посредством чувственно переданного восприятия общего. Институты до сих пор нуждаются в ритуалах, в которых изучается смысл и определяется значение. Сохранение праздника в качестве важного средства убеждения в разделенном смысле таким образом является не только лишь анахронизмом. В сложных обществах модерна интеграция, ориентация и творение смысла происходят лишь рудиментарно посредством коллективных праздников, праздники больше не являются средством инсценировки коллективной идентичности¹⁸.

Праздники и фестивали, репрезентация и развлечение, потребление, политика и культура, которые в былых эпохах находились на большом расстоянии друг от друга, теперь сближаются¹⁹.

В. Гебхардт утверждает, что праздники (особенно в виде ивента) как форма рынка позднего модерна вмешиваются в высокую, популярную и повседневную культуру. Они даже затрагивают такие чуждые области, как наука, религия и искусство. Праздничная культура современных обществ, считает Гебхардт, характеризуется пятью соответствующими стадиями развитиями: деинституционализация, деструктуризация, обмирщение, умножение и экономизация. Деинституционализация означает все большую потерю принятия и легитимации государственных праздников или других «классических» политических, экономических или культурных институций. Однако из этого не следует их полное исчезновение, праздники только лишаются внимания. Посещение такого праздника превращается в обязательную программу без наблюдаемого внутреннего соучастия. Деструктуризация означает потерю однородности участников процесса. Процессы индивидуализации и плюрализации приводят к тому, что раньше важные критерии принадлежности теряют свое значение. Профанация означает изменения ожидания к удавшемуся празднику. Участники отвергают все шаблонное, предписанное и нормативно обязательное в празднике, в то же время субъективная свобода выйдет на передний план²⁰.

Советский повседневный праздник. Так как мы выше констатировали, что положение праздника в современных обществах неоднозначно, то должны заметить, что основные праздничные теории принимаются лишь условно и что концепция нуждается в адаптации к советской реальности.

Праздник в Советском Союзе имел особый характер. Система празднования основывалась на доктрине марксизма-ленинизма и была направлена на тотальное взаимопроникновение общества и повседневной жизни гражданина и в таком виде – на упразднение различия общественного и частного, которое является характерным для модерна²¹. Согласно доктрине праздник – это существенная сила, которая может сыграть важную роль в классовой борьбе антагонистического общества, более того политический праздник – это арена ожесточенных классовых и политических столкновений. Н.И. Лаврикова замечает, что, если господствующие классы управляют системой праздников, и занимаются, в том числе во время своих праздников, преимущественно умственным трудом, то эксплуатируемые классы заняты в основном физическим трудом. Угнетенные часто являются обслуживающим персоналом на праздниках господствующих классов²².

Большевики пришли к власти с новым представлением о времени и ценностях. Советский Союз являлся инсценирующим и пропагандистским государством. В результате этого явления идея праздника приобретала новое значение. Задача самоидентификации общества перешла на задний план и демонстративная и дидактическая, т. е. идеологическое воспитание и насаждение советских культурных и поведенческих норм, функций стали главными чертами советского праздника. Особенно дидактическое значение для нас обозначает вторжение в повседневную жизнь советских граждан.

Ученые принципиально исходят от предположения, что дихотомия «праздник – повседневность» при Сталине еще сохраняется. По нашему мнению, уже в 1920-х и 1930-х годах можно наблюдать частичное разложение данной дихотомии или инверсию атрибутов праздничного и повседневного. Эксцесс и кутеж дореволюционных праздников смотрелись как пережиток старого. Кроме того, они опасались неконтролируемой массы. Достижение состояния упоения предусматривалось только культурными и чувственными средствами, подготовленными новым господствующим классом. Таким образом большевики не одобряли употребления алкоголя. Тоталитарное притязание большевиков на общество привело к попытке монополизировать право на праздничное и алкогольное

упоеание. Ранняя советская концепция впоследствии предусматривала празднование трезвых людей²³.

Советская концепция праздника содержала в себе тотальный захват человеческих чувств. Таким образом праздник задумывался, как архаический ритуал, в котором все органы чувств, все каналы связи человека с внешним миром были задействованы в максимальной степени. Для такой тотальной загрузки использовались не только акустические и визуальные, но и тактильные и вкусовые ощущения²⁴. Самым главным аспектом советского праздника мы можем называть парад (демонстрацию). Г.М. Димитров описывает в своем дневнике центральную роль парада: «Участие в демонстрации является важным политическим актом, а не формальностью»²⁵. Парад стал таким основным элементом, что по мнению А. Байбурина и А. Пиира он равнозначен термину «праздник». Праздник, и совместно с ним и парад, считался мероприятием, в котором являлось существенным публичное изображение приличия²⁶. Демонстрация таким образом изменила свое значение. Раньше она была знаком протеста, а при большевиках превратилась в знак «единства партии и народа». При этом народ должен был демонстрировать свои успехи в деле построения коммунистического общества и выражать одобрение «избранному курсу», а «партия» в лице советских и партийных функционеров должна была принимать этот «парад преданности» и призывать народ к совершению новых трудовых подвигов. Участники праздника лишились спонтанной эмоциональности. В регламентированном параде человек оказывался формирующейся массой. Участники демонстрации таким образом были ограничены в своем движении²⁷. При учете понимания советского праздника в качестве коммуникативного пространства можно констатировать, что коммуникация в таком виде праздника лишь односторонняя. Господствующая власть диктует своим подчиненным собственные идеологические представления, а народ выступает лишь в качестве безмолвного адресата, что и был предусмотрен для повседневной жизни. Мальте Рольф заключает из этого, что праздничные инсценировки государства не только являлись опиумом для народа и средством маскировки для власти, но и позволяли носителям власти осознать свое место во властной структуре²⁸.

Несмотря на показанные доказательства, что сферы праздничного и повседневного слились уже во время сталинских праздников, ученые не говорят о оповседневнивании в этот период. Основная причина такого подхода основывается на факте, что советский праздник довоенного периода не охватывал всю страну и остался городским явлением. В советской провинции в это время

большевистское представление о праздновании не имело успеха в борьбе с христианскими и языческими праздниками. Таким образом указанный период можно называть периодом двойных стандартов празднования в Советском Союзе.

Оповседневнивание советского праздника приходится на 1960–1970-е годы, в связи с значимым ростом праздничных поводов. К. Келли и С. Сиротина заметят, что существует некое молчаливое согласие, что праздники хрущевской и брежневской эры особого интереса не представляют. Но на самом деле начиная с 1956 года, а тем более с 1961 года праздники проходили существенный процесс трансформации²⁹. Именно в годы «спокойной диктатуры» Хрущева произошла фрагментация праздничного ландшафта, способствовавшая как распространению ритуалов вширь, как и расшатыванию праздничной системы. Праздничный ландшафт дифференцировался и диверсифицировался по этническим, региональным и профессиональным критериям³⁰. Праздники этого времени объединили широкий круг проблем, которые являлись важными для тогдашнего общества. Среди них были такие как политические приемы «централизованной демократии», отношение к народной культуре, миссионерство и педагогические амбиции политической элиты и интеллигенции, развитие «культуры развлечений» и борьба между «архаистами» и «новаторами»³¹. Под новым советским руководством произошло постепенное пополнение праздничного календаря профессиональными праздниками, юбилеями и новыми советскими *rites de passage*, которое длилось до 1977 г.³² Явной целью руководства было полное проникновение общества и окончательная советизация общества. Праздничный ландшафт данного периода представляет собой парадоксальную картину. Определенные праздничные стандарты прижились и были приняты обществом. При этом праздничные поводы переживали процесс все большей дифференциации. Неофициальная часть праздника получала все большее и большее значение. Празднование официальных дат в частном кругу способствовало, с одной стороны, более глубокой советизации общества, а с другой – таким образом происходило все большее дробление праздничного ландшафта³³. Появление и распространение телевизора и передач праздничных событий привели к усилению этой тенденции. Передачи праздничных событий прямо в жилище помещения граждан, с одной стороны, усилили советизацию, так как одинаковые идеи распространялись во всей стране и людям больше не понадобилось бывать на демонстрации для участия в праздничном действии. А с другой стороны, возможность отложенного участия в событиях укрепила значение частного празднования³⁴.

Вышесказанное показывает, что праздник не статичное, неизменное явление. Как целостная, относительно открытая система он принадлежит процессам изменения – своего рода расцвет, изменение элементов праздника и самого способа празднования. Упадок идеи, угасание веры и убеждения в ценностях ослабляют и в конце концов сводят на нет потребность в празднике. В том случае когда этот упадок сопровождается принятием новых идей, новых ценностей, новой веры, появляется потребность в новых праздниках³⁵. Мы можем констатировать, что в рассматриваемый период харизматическое господство советской власти само по себе стало повседневным и таким образом традиционным. Следовательно, советское общество стремилось к оживлению единения. Праздничный календарь с огромным количеством праздничных поводов и давно происходящие революционные события привели к тому, что во многих случаях люди не чувствовали праздника. Большинство государственных праздников людьми воспринимались как что-то неестественное, искусственное, сфабрикованное или навязанное. Праздники, которые воспринимались как «настоящие», такие как, например, *Первый полет Юрия Гагарина в космос*, стали редкостью³⁶. Чтобы противодействовать этому явлению, в праздничный календарь зачислялись более близкие людям праздники, такие как *День Победы* в 1965 г. Одновременно советское общество, которое уже не являлось только лишь преемником идеи и представлений руководства, искало свой путь ощущения и присвоения праздника. Наиболее распространенными были различные варианты снижения высокого стиля официального праздника. Это могло выражаться в изменении масштаба (с всенародного на свой, приватный), снижении самой идеи праздника (игнорировании «высокого» смысла и акцентировании на «простых человеческих радостях»), пренебрежении к праздничной атрибутике или ироническом переименовании торжественной риторики. Распространенным способом «освоения» государственных праздников и снижения их «всенародного» размаха оказывалось и установление своих корпоративных традиций – в противовес официальным. При этом некоторые из таких традиций осознавались и изначально складывались как несовместимые с высоким праздничным контекстом и поэтому обыгрывались различные обходные пути, возможность радоваться празднику в единении, зато по-своему. При рассмотрении таких общественных явлений и тенденций надо учитывать, что сам факт возникновения «настоящих» «народных» праздников и стихийных демонстраций говорит о том, что высокий сценарий «главных» государственных праздников был не только хорошо усвоен совет-

скими людьми, но и находил отклик в душах и отвечал каким-то внутренним потребностям³⁷.

В данной статье мы рассматривали оповседневнивание советского праздника. Теоретические размышления показали, что из-за необходимой повторяемости возникает рутинизация и утрата смысла праздника.

Советский праздник со своей марксистско-ленинской основой оказался по своей концепции необычным праздником. Большевики определили задачу и суть праздника своеобразно и придали ему дидактический характер, который должен проникать в жизнь всех граждан Советского Союза. Несмотря на эту особенную концепцию, и советский праздник подвергался оповседневниванию. Этот процесс привел к изменению восприятия праздничной идеи. Праздники воспринимались как что-то обычное и стали способом проведения свободного времени³⁸. Из замеченного Б. Дубиним ценностного политеизма следовали дифференцирование и диверсификация праздничного ландшафта. Государство потратило много усилий на создание новых праздников и одновременно преобразованное общество возобновило свой мир ощущений и само создавало новые праздничные формы и поводы, чтобы ощутить настоящий праздник.

Примечания

- ¹ *Marquard O.* Moratorium des Alltags: Eine kleine Philosophie des Festes // *Das Fest. Poetik und Hermeneutik. Bd. 14.* München: Fink, 1989. S. 685.
- ² *Bachtin M.* Literatur und Karneval: Zur Romantheorie und Lachkultur. Frankfurt a/M., 1999. S. 32–34.
- ³ См.: *Bachtin M.* Rabelais und seine Welt: Volkskultur als Gegenkultur. Frankfurt am/M., 1987. S. 58; *Дубин Б.* Будни и праздники // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии.* 2003. № 2. С. 52.
- ⁴ См.: *Paris R.* Konsens, Fiktion und Resonanz: Über einige Wirkungsbedingungen ritueller Kommunikation // *Kopperschmidt J., Schanze H.* Fest und Festrhetorik: Zu Theorie, Geschichte und Praxis der Epideiktik (Figuren, Bd. 7), München, 1999. S. 268.
- ⁵ *Diskussionsbericht // Das Fest.* S. 646.
- ⁶ См.: *Huizinga J.* Homo ludens: Vom Ursprung der Kultur im Spiel. Reinbek bei Hamburg, 1994. S. 18.
- ⁷ *Gebhardt W.* Fest, Feier und Alltag: Über die gesellschaftliche Wirklichkeit des Menschen und ihre Deutung. Frankfurt a/M., 1987. S. 75.
- ⁸ См.: *Assmann J.* Der zweidimensionale Mensch: Das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses // *Das Fest und das Heilige: Religiöse Kontrapunkte zur Alltag-*

swelt (Studien zum Verstehen fremder Religionen, Bd. 1) / Hrsg. von J. Assmann, Th. Sundermeier. Gütersloh, 1991. S. 16.

- ⁹ Этот термин является прямым переводом немецкого «veralltäglichung» и используется разными российскими авторами. См.: *Дубин Б.* Указ. соч.; *Розенберг Н.И.* Динамические дуальности культуры повседневности // Аналитика культурологии. 2012. № 23. С. 106–114.
- ¹⁰ См.: *Кожевников С.Б.* Социум в структурах жизненного мира: методологический инструментарий исследования // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 19–20.
- ¹¹ См.: *Гужова И.В.* Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 92.
- ¹² См.: *Villadary A.* Fête et vie quotidienne. P., 1968.
- ¹³ См.: *Assmann J.* Op. cit. S. 27.
- ¹⁴ См.: *Bollnow O.F.* Zur Anthropologie des Festes // Neue Geborgenheit: Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus. Stuttgart; Köln, 1955. S. 224.
- ¹⁵ См.: *Bubner R.* Ästhetisierung der Lebenswelt // Das Fest. S. 655–659.
- ¹⁶ См.: *Дубин Б.* Указ. соч. С. 53.
- ¹⁷ См.: *Gebhardt W.* Die Veralltäglichung des Festes: Bemerkungen zur Festkultur der Gegenwart // Festkulturen im Vergleich: Inszenierungen des Religiösen und des Politischen. Köln, 2010. S. 322.
- ¹⁸ См.: *Miklantz E.* Szenarien der Konstruktion kollektiver Identität // Kopperschmidt J., Schanze H. Op. cit. S. 200.
- ¹⁹ См.: *Lipp W.* Feste, Festivals und Jubiläen: Kulturpolitik lokaler Selbstdarstellung und überregionaler europäischer Entwicklung // Kulturpolitik: Standorte, Innen-sichten, Entwürfe. Schriften zur Kulturosoziologie. Bd. 11. Berlin, 1989. S. 288.
- ²⁰ См.: *Gebhardt W.* Die Veralltäglichung des Festes. S. 322–323.
- ²¹ См.: *Gebhardt W.* Fest, Feier und Alltag. S. 140.
- ²² См.: *Лаерикова Н.И.* Праздник по Марксу: Очень серьезно // Научные ведомости БГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 13. С. 230.
- ²³ См.: *Klimó A., Rolf M.* Rausch und Diktatur // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. H. 10. S. 892.
- ²⁴ См.: *Байбурин А., Пиур А.* Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 252.
- ²⁵ *Dimitroff G.* Tagebücher: 1933–1943. Berlin, 2000. S. 379.
- ²⁶ См.: *Baiburin A., Piir A.* When we were Happy: Remembering Soviet Holidays // Petrified Utopia. Happiness Soviet Style. L., 2011. P. 170, 174.
- ²⁷ См.: *Байбурин А., Пиур А.* Указ. соч. С. 238–239.
- ²⁸ См.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 24.
- ²⁹ См.: *Келли К., Сиротина С.* «Было непонятно и смешно»: Праздники последних десятилетий советской власти и восприятия их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258.
- ³⁰ См.: *Рольф М.* Указ. соч. С. 343.

- ³¹ См.: *Келли К., Сиротина С.* Указ. соч. С. 259–260.
- ³² См.: *Шаповалов С.Н.* Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: На материалах Краснодарского края и Ростовской области. Краснодар, 2011. С. 155–160.
- ³³ См.: *Рольф М.* Указ. соч. С. 345–346.
- ³⁴ См.: *Келли К., Сиротина С.* Указ. соч. С. 273; *Мордасов А.А.* Праздничная культура южного Урала в период «Хрущевской оттепели» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 1. С. 81.
- ³⁵ См.: *Орлов О.Л.* Российский праздник как феномен культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 1. С. 54.
- ³⁶ См.: *Байбурин А., Пиир А.* Указ. соч. С. 247, 255.
- ³⁷ Там же. С. 244–245, 248.
- ³⁸ См.: *Ралкова О.В.* Формы организации свободного времени горожан в 1955–1965 гг.: На материалах Челябинской и Свердловской областей // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30. С. 35.

ДВА ИЗМЕРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАСТИ

Данная статья посвящена анализу изучения положения языка в современных политических процессах. Рассматривается специфика исследования языка с позиций инструмента и объекта политической власти. В работе раскрываются сущностные составляющие, фигурирующие в указанных аспектах изучения, включая языковую политику и планирование, политический дискурс, прецедентные феномены.

Ключевые слова: статус языка, корпус языка, языковое планирование, языковая политика, прецедентные феномены, политический дискурс, политическая коммуникация.

Язык и политика неразрывно связаны между собой. Язык в политическом аспекте может быть рассмотрен в двух измерениях соотношения с властью, первое из которых – язык в качестве политического инструмента; второе – язык в качестве политического объекта.

Использование языка в политических процессах представляет собой мощный ресурс власти. Стратегии вовлечения языковых возможностей во внутривластные и внешнеполитические процессы представляют собой результат целенаправленного выбора политической элиты, обусловленного сложившимися историческими процессами и тенденциями в совокупности с языковой ситуацией, и в большинстве случаев носят долгосрочный институционализированный характер. Необходимо учитывать, что языковая идентификация – это и этническая, культурная, региональная и часто мировоззренческая принадлежность людей.

Для анализа взаимосвязи языка и политики вообще, и в конкретном регионе в частности, необходимо иметь в виду характеристики процессов и понятий, апеллирующих к языковому управлению,

а также культурные, экономические и иные экстралингвистические факторы исследуемого ареала.

Необходимо понимать, что язык каждой страны на современном этапе динамично развивается в соответствии с непрекращающимися социальными и политическими изменениями. Не всякие изменения внутри социума влекут за собой языковое развитие, однако взаимосвязь языка с обществом является стимулом языковых изменений и предпосылкой функционирования языка¹.

Таким образом, язык представляет собой явление, тесно связанное с социальными условиями его существования. Язык как отражение социальной практики был представлен еще в модели Ю. Хабермаса. В своей работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» он подчеркивает, что изменения в экономике, политике и культуре оказывают прямое влияние на язык, превращая его в посредника между социумом и автономным существованием человека².

Именно посредническая, а не чисто коммуникативная, функция языка детерминирует языковую политизацию, или, другими словами, сознательное регулирование его развития и регламентацию употребления³. Данная особенность прежде всего имеет отношение к исследованию языка *в качестве политического объекта*.

В указанной перспективе необходимо отметить многообразие подходов к решению вопроса определения понятий «языковая политика» и «языковое планирование», фигурирующих при установлении субъектно-объектной связи между языком и властью, и обратить особое внимание на трактовку данных терминов.

Важно понимать, что объектом языковой политики может выступать статус языка, либо корпус языка.

Под языковым статусом подразумевается: положение языка в данном государстве по сравнению с другими языками этого же государства; роль языка на международной арене по сравнению с остальными, также действующими на ней. Под корпусом языка подразумеваются его внутренние составляющие (лексика, орфография, фонетика, терминология), а также различные формы (письменная, диалекты, литературный язык). Различают, соответственно, статусную – экстралингвистическую, и корпусную – интралингвистическую, языковые политики. Таким образом, языковая политика в отличие от языковой политизации представляет собой комплекс политических мер, ориентированных на преобразование корпуса/статуса языка.

Российский лингвист С.Н. Кузнецов отмечает, что противопоставление указанных понятий является традиционным в теории

языковой политики⁴. Однако характеристика термина «языковое планирование» в современной социолингвистике отличается достаточной размытостью.

Термин «языковое планирование» впервые был употреблен американским лингвистом У. Вайнрайхом, однако определение было обозначено норвежским лингвистом Э. Хаугеном в 1959 г. Ученый в своей работе «Лингвистика и языковое планирование» дает широкое определение указанного термина, с его точки зрения реализация решений по вопросу языкового планирования зависит от выбора носителей языка и ориентирована на изменения языка в нужном для них направлении⁵. При этом в зарубежной лингвистике в ходе становления понятия объектом выступал как корпус (Э. Хауген), так и статус языка (Х. Клосс). Р. Купером было предложено выделить в качестве объекта языкового планирования также овладение языком.

Можно сказать, что в зарубежной, в особенности американской социолингвистике, языковое планирование обозначено как сознательное воздействие властных структур, групп или организаций на язык (в основном на официальные языковые стили письменной формы). Целью является оказание влияния на других лиц через используемый ими язык, но реализация решений зависит от носителей языка⁶. В трудах отечественных ученых альтернативой указанному термину выступает «языковое строительство», включающее в себя прежде всего укрепление коммуникативных функций конкретных языков.

Термин «языковая политика» принадлежит авторству американского социолингвиста Дж. Фишмана (1970), однако он не представил существенных различий от понятия языкового планирования. Э. Хауген позднее обозначил языковое планирование как вид языковой политики⁷. В целом можно выделить несколько подходов к определению соотношения между двумя понятиями, исходя из анализа теорий, существующих в рамках зарубежной и отечественной социолингвистики. Первый – языковая политика как часть языкового планирования (Д. Кристалл, Р. Каплан, М.И. Исаев); второй – языковое планирование как часть языковой политики (Э. Хауген, Л.П. Никольский); третий – языковое планирование как практическая реализация языковой политики (Г. Шифман, Г. Фергюсон, Р. Бугарски); четвертый – языковая политика как практическая реализация языкового планирования (М. Феттс). Резюмируя многообразие подходов, стоит отметить, что главной целью исследователей в области языковой политики и языкового планирования выступает «построение теории воздействия обще-

ства на язык», при этом термин языковое планирование более нейтрален⁸. В зарубежной научной традиции чаще употребляют термин «языковое планирование», в отечественной же лингвистике шире используется термин «языковая политика». При этом и теми и другими исследователями признается существование определенных идеологических установок и целей, которые детерминируют функционирование языка в обществе и воздействие на различные его аспекты, а также практические меры для реализации этого воздействия. Стоит также отметить, что в последнее время в зарубежной социолингвистике широко употребим многочлен «языковая политика и планирование» (LPP – Language policy and planning).

Обратимся к следующему аспекту изучения отношений между языком и властью, необходимому для данного исследования, – *язык как инструмент власти*.

В широком смысле источником исследования при изучении особенностей языка в указанной перспективе выступает политическая коммуникация. Характерной чертой политической коммуникации любого жанра является тщательный отбор лексических средств при описании тех или иных явлений в целях создания необходимого образа, формирования стереотипа.

Под политической коммуникацией вообще подразумевают речевую деятельность, направленную на распространение различных идей, эмоциональное воздействие на граждан государства и побуждение их к политическим действиям, для выработки согласия в обществе, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе⁹. Основной ее функцией является оказание влияния на распределение и использование власти благодаря воздействию на сознание принимающих политические решения людей.

Тексты политической коммуникации всегда насыщены особыми выразительными средствами, будь то метафоры, эпитеты, идеологемы, прецедентные высказывания и цитаты. В связи с этим становится очевидной необходимость изучения тех самых выразительных средств, в которых заключены культурные особенности и представления о мире.

Одним из основных терминов, используемых при анализе политической коммуникации является понятие дискурса. Однозначного определения дискурса, охватывающего все сферы его применения не существует. Представляется, что дискурс включает в себя не только непосредственно текст и речевую деятельность, но и социальный контекст коммуникации. Согласно наиболее распространенному определению этого понятия дискурс – связанная

речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью: ее событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих. Текст является результатом этого процесса¹⁰. В связи со сложностью этого явления заслуживают внимания и ряд других определений, предлагаемых специалистами. Так, Т.А. ван Дейк определяет дискурс, как многосторонний комплекс языковой формы, значения и действия, который можно охарактеризовать термином «коммуникативное событие»¹¹. С точки зрения Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для интерпретации текста¹².

Таким образом, исследование политического дискурса представляет собой анализ текста в контексте воздействия на него ряда социальных, языковых, экономических, культурологических и иных факторов. Политический дискурс, в свою очередь, выступает как разновидность институционального общения и в то же время переплетается с чертами художественного, публицистического, массмедийного дискурсов.

Метафоричность выступает одной из ключевых особенностей политического дискурса. В современной политической коммуникации широко распространено использование одного понятия для обозначения совсем иного, что позволяет провести параллели между соответствующими явлениями, событиями, взглядами, деятельностью политических субъектов. С помощью подобного приема можно апеллировать к сознанию адресата, оказывая на него определенное воздействие. Для обозначения подобного словоупотребления используются такой термин, как «прецедентный феномен» (прецедентный культурный знак). Однако прецедентный феномен – это не просто инструмент речевого воздействия, а сложное явление, включающее в себя ряд культурных и исторических компонентов.

Под прецедентными феноменами понимается особая группа вербальных или вербализируемых феноменов, которые, в большинстве своем, так или иначе известны любому члену лингвокультурного сообщества. Другими словами, это либо непосредственно укоренившиеся в языковом сознании носителя образы, обладающие историческими и культурными корнями, либо отсылка к тем или иным событиям и памятникам культуры, содержащим эти образы. Очевидно, что при интерпретации внутривнутриполитических отношений необходимо представлять, в виде каких категорий классифицируют и оценивают мир носители данного языка.

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что прецедентные феномены являются частью языкового сознания. Так, В.В. Красных пишет о том, что национально-культурный компонент формирует национальную специфику, отражающуюся в лингвистических и ментальных особенностях представителей того или иного лингвокультурного сообщества. Другими словами, обуславливает характерные черты национального (языкового) сознания, отражает особенности модели сознания, проявляющиеся в коммуникации¹³. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов определяют прецеденты как текст, сохраняющийся в сознании носителя языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании и презентующий некоторую ситуацию¹⁴.

Говоря о взаимосвязи всех прецедентных феноменов между собой, специалисты отмечают, что употребление прецедента предполагает активацию в сознании адресата более широкого контекста знаний, на пересечении которых находится упомянутый прецедент. Таким образом, прецедент это целая обобщенная ассоциация, укладываемая в одно выражение.

Необходимо отметить, что в тесной связи с категорией прецедентных феноменов употребляют такие понятия, как историческая (политическая, литературная) метафора и интертекст. Термин «интертекстуальность» используется для обозначения особенности текстов, характерной чертой которых является формирование собственного смысла через ссылки на ряд других текстов. Этот феномен в настоящее время выступает как особенность существования современной массовой культуры, средств массовой коммуникации. Феномен интертекстуальности связан с выявлением национально-культурной специфики коммуникации с помощью анализа составляющих общенациональной части в сознании взаимодействующих субъектов.

Различие названий, как правило, обусловлено научной парадигмой, в которой фигурирует данное явление, но объединяющим признаком является использование соответствующей единицы как своего рода культурного знака, связывающего различные эпохи, пространства, тексты и события.

Кроме того, стоит отметить, что специалисты относят к прецедентным феноменам также и названия государственных планов, программ, конференций, мероприятий официального характера.

Исследователи полагают, что к прецедентным феноменам могут быть причислены феномены, которые хорошо известны представителям конкретного лингвокультурного сообщества (обладающие сверхличностным характером); актуальны в когнитивном

(познавательном и эмоциональном) плане; обращение (апелляция) к которым регулярно встречается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества¹⁵. К числу прецедентных феноменов относят цитаты из письменных и устных произведений различного характера, пословицы, поговорки и фразеологизмы. Также к прецедентным феноменам ученые относят значимые явления разного рода, которыми могут быть имена различных личностей, события и явления, обладающие общемировым или общенациональным характером и др.

Ключевыми характеристиками прецедентных феноменов являются их способность выполнять роль эталона культуры; функционировать как свернутая метафора; а также выступать как символ какого-либо феномена или ситуации¹⁶.

Необходимо отметить, что абсолютное большинство прецедентных феноменов не относится к числу хорошо известных во всем мире, а наоборот, – к довольно узкому лингвокультурному ареалу. Метафорическое представление сущности политической власти в каждой конкретной культуре имеет свою собственную сферу-источник, что делает особенно интересным исследование неодинаковых смыслов, которые они отражают в политической коммуникации, в зависимости от изучаемого региона. Отдельное высказывание является непродолжительным явлением, в то время как его повторение фиксирует черты языка, остающиеся неизменными на протяжении долгого периода времени. Следовательно, современная политическая коммуникация любой страны характеризуется использованием метафор и символов, имеющих отношение к далекому прошлому. Чем богаче культурная и историческая традиция страны, тем сложнее понимание смысла, стоящего за прецедентными феноменами¹⁷. Помимо того, смена политической ситуации в стране также неизменно ведет к обновлению лексического материала, пополняя список традиционных прецедентных феноменов их новыми интерпретациями.

Основными науками, занимающимися изучением языковых средств, используемых в политике, на современном этапе являются политическая лингвистика и метафорология. В процессе взаимодействия этих тесно связанных между собой направлений возникает теория политической метафоры, которая рассматривает политическую метафору как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в соответствии с выбранным аспектом изучения соотношения власти и языка, де-

терминирован контекст исследования данной проблематики. Так, в случае обращения к языку как к политическому инструменту, актуализируется сфера оказания влияния средствами языка на распределение и использование власти благодаря воздействию на сознание принимающих политические решения людей, что также можно назвать «языковым манипулированием». Терминологическое поле указанного аспекта может включать в себя такие понятия, как «политическая коммуникация»; «дискурс»; «прецедентные феномены»; «интертекст» и др. В случае рассмотрения языка в качестве политического объекта подразумевается политика, проводимая в отношении языка непосредственно. Терминологически определяется рядом таких понятий, как «языковая политика», «языковое планирование», «языковое строительство», а также «статус языка», «корпус языка».

Изучение языковой политики, какой бы аспект ни был выбран, являет собой пример междисциплинарных исследований, особенно актуальных в условиях многополярного современного мира. Необходимость многопланового рассмотрения ее основных характеристик задействует ресурсы различных дисциплин, включающих в себя не только политические и языковые, но и юридические, исторические, экономические, антропологические и культурные. Важно отметить, что изучение языка как составляющей политической коммуникации в рамках политической лингвистики и дискурс-анализа, как и определение механизмов функционирования языка в рамках социолингвистики являются одним из новых направлений в мировой практике исследований, получивших свое распространение только с конца XX в.

Примечания

- ¹ См.: *Наумов В.В.* Государство и язык: формулы власти и безвластия. М., 2010. С. 9.
- ² *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 56.
- ³ См.: *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2010. № 1. С. 3.
- ⁴ См.: *Кузнецов С.Н.* Модели языковой политики в русскоязычном обществе // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 13–16 марта 2001 г. М.: МГУ, 2001. С. 308.
- ⁵ См.: *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975. С. 453.

- ⁶ См.: *Гришаева Е.Б.* Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2007.
- ⁷ См.: *Хауген Э.* Указ. соч. С. 461.
- ⁸ См.: *Гришаева Е.Б.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. С. 6.
- ¹⁰ См.: *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010. С. 92.
- ¹¹ *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 46.
- ¹² См.: *Чудинов А.П.* Указ. соч. С. 41.
- ¹³ См.: *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 154.
- ¹⁴ См.: *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. М., 1986. С. 28.
- ¹⁵ См.: *Красных В.В.* [и др.]. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 64.
- ¹⁶ См.: *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания как объект лингво-когнитивного анализа. М., 1999. С. 145.
- ¹⁷ См.: *Su Lily I-wen.* What can Metaphors Tell us about Culture? // Language and Linguistics. 2002. Vol. 3. № 3. P. 593.
- ¹⁸ См.: *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М., 2008. С. 5.

ПРОБЛЕМА УРБАНИЗМА У ДРЕВНИХ МАЙЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена историографическому анализу проблемы майяского урбанизма, которая оказалась в центре дебатов исследователей на рубеже XX–XXI вв. Дискуссия о существовании города в Мезоамерике в 1990-е гг. переросла в поиск отличительных черт городских центров. В рамках структурного и функционального подходов были предложены разные критерии отличия города от сельской округи, в целом делающие упор на наличие особых институтов и определенных занятий жителей. Низкая плотность населения в Мезоамерике обуславливала аграрный характер урбанизма. В целом за четверть века плодотворных дискуссий был сделан отход от универсальных определений города и урбанизма в сторону признания их разнообразия.

Ключевые слова: Мезоамерика, майя, город, аграрный урбанизм, археология.

История изучения урбанизма в обществе древних майя прошла длительный путь. На протяжении первой половины XX в. была популярна концепция «ритуальных центров» Э. Томпсона, согласно которой у майя отсутствовали города. Археологические открытия 1960-х гг. поставили этот постулат под сомнение, что вылилось в длительную дискуссию о мезоамериканском урбанизме, подробно проанализированную В.И. Гуляевым¹.

В 1977 г. американский антрополог Ричард Фокс предложил концепцию «городской антропологии». Он опирался на функциональный подход и назвал городом центральное место, где осуществляются специализированные по отношению к округе функции. Он отверг такие критерии, как величина и плотность населения, и предложил функциональную типологию городских поселений, выделив пять типов: регально-ритуальный, административный, торговый, колониальный и индустриальный город².

Спустя десятилетие концепция Фокса была применена к мезоамериканскому материалу У. Сандерсом и Д. Вэбстером³. Авторы видели традицию урбанизма в Мезоамерике значительно отличающейся от традиции Старого Света, однако признали применимость термина «город» к поселениям майя. Они использовали функциональный анализ Фокса к доиндустриальным городам, однако немного изменили его модель. Особое внимание было уделено плотности и концентрации населения, размерам и внутренней гетерогенности центров в отношении экономических функций, богатства, политической власти и групповой принадлежности. Сандерс и Вэбстер пришли к выводу, что мезоамериканские города можно отнести к двум первым типам из классификации Фокса. Регально-ритуальными были названы все центры доклассического периода, города майя классического и постклассического времени, административные города возникли только в долине Мехико.

Идеи Сандерса и Вэбстера получили широкое распространение среди археологов-майянистов и в то же время стали предметом дискуссии. Археологи Арлен и Диана Чейз и Уильям Хэвиленд направили свою критику на недооценку роли, ремесла и торговли в городах майя⁴. На археологическом материале Тикаля и Караколя они доказывали, что эти два города можно рассматривать как административные, поскольку ремесленное производство не было связано с элитой. В городах майя, добавляют они, существовали различные административные зоны со своим иерархичным распределением товаров и, следовательно, центры майя не вписываются ни в один из предложенных Фоксом типов. Однако следует заметить, что подход Фокса, положенный в основу исследования Сандерса и Вэбстера, функциональный, а не морфологический, и выделение только одной доминирующей функции города в обществе не означает, что прочие функции отсутствовали.

В рамках предложенного функционального подхода и культурно-эволюционистской теории было осмыслено большинство археологических исследований 1990–2000-х гг. Существенный сдвиг был сделан в проблематике исследований, ознаменовавшийся отходом от универсальных определений города и урбанизма в сторону признания их разнообразия. Археологи подвергли критике определения города, основанные на больших размерах или наличии определенного набора характерных черт⁵. Вместо этого были разработаны более гибкие определения города, благодаря которым многие общества были названы «городскими».

Одним из самых заметных исследований в русле функционального подхода стал сборник, выпущенный в 2001 г. под эгидой Ис-

панской ассоциации исследований майя по результатам круглого стола по вопросам города и урбанизма⁶.

Теоретическая статья Вебстера и Сандерса показывает, что в целом они остаются верными своей концепции, лишь уточняя, что ключевой элемент формирования и развития города в Мезоамерике составляли экономическая специализация и симбиоз между поселениями, расположенными в разных экологических условиях. Это отражается в формировании рынков, системы транспорта, специализированной торговли. Не менее важным они продолжают считать демографический фактор, поскольку только большое население позволяет трансформировать окружающий пейзаж и осуществлять военную экспансию. Однако возникновение полноценных городов признается только для Центральной Мексики (Теотиуакан, Тула, Тлашкала, Чолула, Тескоко и Теночтитлан), тогда как центры майя (Копан, Паленке, возможно Пьедрас-Неграс, Тикаль, Калакмуль), по мнению авторов, всего лишь обладают «городскими чертами». У этих центров отсутствуют такие фундаментальные черты городов, как большой размер и плотность населения, программы трансформации окружающего ландшафта, сельскохозяйственная инженерия, разнообразный социальный состав, экономическая и торговая специализация, развитая система транспорта. Таким образом, при комбинации внутри одной категории центров большого и маленького размера с разным уровнем сложности внутренней структуры майяские центры оказываются вне категории города⁷.

Критерии размера и плотности населения были раскритикованы разными авторами в рамках этой же дискуссии⁸. Гватемальский археолог Х.П. Лапорте предложил опираться на эмпирические результаты, полагая, что внутренняя композиция центров более важна, чем такие показатели, как размер, плотность или численность населения. Он выбрал четыре архитектурных составляющих: комплекс Е-группы, акрополь, стадион для игры в мяч и внутренние дороги-сакбе. Наличие этих четырех элементов вне зависимости от их размера и формы позволяет, с его точки зрения, говорить о городе и в целом вносит вклад в определение городских характеристик⁹.

Таким образом, дискуссия о майяском урбанизме столкнулась с вопросом о том, что называть городом и наличие каких критериев позволяет использовать это определение в описании центров. Внимание исследователей начала XXI в. оказалось сосредоточенным на чертах, которые отличают городские центры от сельских.

Некоторые археологи делают упор на отличие городских жителей в соответствии с их занятиями, опытом, сложностью социальных

взаимоотношений, возможностей и конфликтов¹⁰. Другие обратили внимание на город как на сосредоточие политической власти¹¹. Функцией города как политического центра является интеграция большого сообщества посредством разнообразных политических, экономических или религиозных функций. Такой взгляд на город и его функции стал возможен с увеличением корпуса прочитанных текстов. С. Хаустон и его коллеги сделали вывод, что политическая слабость последних правителей Пьедрас-Неграса и последующий захват города стали показателем упадка основного института политической системы майя, системы, в центре которой находилась царская власть и слабость которой могла повлиять на все стороны жизни. Политическая система майя центрировалась практически эксклюзивно на институте царской власти и дворце, а также публичных и частных пространствах, где проводились ритуалы, обосновывающие царскую власть¹². На первый план выходят административная и ритуальная функции. В таком случае крупнейшие центры майя можно рассматривать как гигантские царские жилые группы с функциями царского двора¹³ и основным местом его пребывания, что в целом совпадает с категорией регально-ритуальных городов Фокса.

Другую модель для понимания природы города майя предложили использовать супруги Чейз. В ряде статей они выразили свое несогласие с возможностью применения концепции Фокса для Мезоамерики¹⁴. В качестве альтернативы они предлагают использовать модель пригородных центров (*edge-city*) Дж. Гарро¹⁵, описывающую системы с социальной, политической и экономической децентрализацией, аналогичные существовавшим в области майя. Согласно этой модели, на небольшом расстоянии от города образуются небольшие центры со своими рынками и администрацией, которые органически связаны с основным городом. Супруги Чейз применили эту модель к археологическому материалу древнего города майя Караколь (Белиз).

Идеологическое и политическое управление было сосредоточено в монументальном центре Караколя площадью 8 кв. км, который окружен поясом жилой зоны и соединен с ним посредством системы радиальных дорог. Эти дороги вели в жилые группы, которые аналогичны пригородным центрам в модели Дж. Гарро. В процессе разрастания города эти жилые группы, а также находящиеся в жилой зоне сельскохозяйственные участки и террасы, поглощались и ассимилировались. Размышляя дальше о структуре майяских центров, супруги Чейз применили еще одну модель современного индустриального города на мезоамериканском материале. Согласно

концентрической модели Э. Бёрджеса, богатый эпицентр окружен бедной периферией, на некотором отдалении от которой располагаются сравнительно богатые поселения, соединенные с центром сетью дорог. Между ними проживает население со средним достатком. Чейзы продемонстрировали жизнеспособность этой схемы на примере Караколя, используя данные археологии и анализа палеодиеты и костных останков.

Город и округа под его политическим контролем находятся в центре внимания исследований в рамках функционального подхода и культурно-эволюционистской теории. Возникновение, развитие и упадок городов часто рассматриваются как часть культурной эволюции государств, и урбанизм в таком случае понимается как компонент функционирования государственных систем.

Другой подход к урбанизму предполагает учитывать присутствие человека в городской среде со всеми его действиями, интересами и эмоциями. Это отодвигает исследователя от абстрактного структуралистского видения города как сосредоточия политической, экономической и культурной власти, с определенными функциями для интеграции больших социальных систем. Однако обычно агентом действия становится человек из верхних слоев общества, в то время как общинники, женщины и люди за пределами политических центров рассматриваются как пассивные участники политического процесса. Фокусирование на элите как агенте социальных изменений в зарождении и развитии мезоамериканских городов – это часть общей тенденции игнорирования политического значения и вклада городских общинников и людей за пределами главных центров. К сожалению, пока этот подход был более-менее опробован только на материале Монте-Альбана и астеков¹⁶.

Более активное участие широких слоев общества в политических и урбанизационных процессах признается исследователями, которые испытали влияние постструктуралистских и феминистских теорий власти и идентичности в археологии¹⁷. С этой точки зрения социальные и политические образования, такие как древние города и политии, понимаются как результат непрерывных социальных отношений, закрепленных в сложившейся традиции и одновременно воспроизводящих её. Обычаи, уклад жизни, культурные и материальные условия, которые обуславливают социальные институты и формируют городской пейзаж, всегда являются результатом договоренностей и уступок между людьми разного положения, отличающимися разными интересами, эмоциями, знаниями, перспективами и настроениями¹⁸. Соответственно в городах подобные взаимодействия более концентрированы, интен-

сивны и бескомпромиссны. При таком подходе городская жизнь рассматривается как непрерывный процесс, а не результат функционирования стабильных структур, перемежающийся краткими периодами изменений. На первый план выходят именно взаимоотношения между городской элитой и жителями пригородных поселений и способы влияния на последних. Дж. Йегер рассматривает эту проблему на примере города Шунантунич (Белиз) в терминальную фазу классического периода (830–1000 гг.). Он выделяет три аспекта города: 1) город как связующее звено в более широкой социальной и политической сети; 2) город как физическое место; 3) город как символ более широкого воображаемого сообщества, основанного на существовании «шунантуничской идентичности». Таким образом, город оказывался связан с округой идеей общей идентичности, однако сама эта идея была продуктом договоренностей между правителем, местными лидерами общин и жителями округи. Главную роль здесь играл ритуал, посредством которого подтверждался и закреплялся традиционный ход вещей, а также разрешались возникающие противоречия¹⁹.

К похожему выводу пришли супруги Чейз, в ряде статей обозначив черты «каракольской идентичности», которые в основном заключаются в форме и декоре ритуальных предметов²⁰. Среди отличительных черт они выделяют специфическую форму сосудов, закладываемых в ритуальные тайники, преимущественное использование морских раковин для орнаментации, украшение зубов, экстенсивное использование гробниц и широкое распространение курильниц для копала. С. Хаустон и его коллеги на материалах Пьедрас-Неграса (Гватемала) обосновывают тезис, что общая идентичность фокусировалась на церемониальном центре и правящей династии. И хотя религия была важным способом легитимации неравенства, в основном социальная связь между правителями и управляемыми была результатом договоренности между ними и основание майяского города способствовало укреплению этой связи²¹.

Несмотря на попытки исследователей мезоамериканского урбанизма обратиться к человеческой природе и ввести в анализ фактор межличностных отношений, в целом исследования по-прежнему ведутся в русле двух подходов: демографического и функционального. С позиций демографического подхода городами должны считаться большие центры с высокой плотностью населения. В таком случае мезоамериканские, а также многие африканские и азиатские центры не попадают в эту категорию. Функциональный подход предполагает наличие особых функций и институтов, отличающих город от негородских поселений²².

На рубеже 2000–2010-х гг. происходит новый рост интереса к функциональным моделям города. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был Роланд Флетчер, который выделил группу городов тропических областей (древние кхмерские, майяские и города юго-восточной Азии), обладающую рядом специфических характеристик²³. Это центры с многочисленными монументальными постройками, вокруг которых на большой площади раскинулись однородные поселения с низкой плотностью населения и со значительной долей сельскохозяйственного изменения ландшафта. Флетчер назвал этот феномен аграрным урбанизмом с малой плотностью населения (*low-density agrarian urbanism*)²⁴. Несмотря на совмещение в этом определении, казалось бы, противоположных понятий («аграрный» и «урбанизм»), схожие идеи высказывались и раньше, в ходе дискуссий об урбанизме майя в 1970-е гг. В частности сохранения связи городского населения с сельским хозяйством считал характерной чертой городов майя В.И. Гуляев²⁵.

Модель Флетчера на мезоамериканском материале развили шведский археолог К. Изендаль и американский археолог и урбанист М. Смит²⁶. Базируясь в значительной степени на материалах собственных археологических исследований (майяский памятник Шуч на Северном Юкатане, поселения атекской эпохи в Морелосе и крупный постклассический город Калиштлауака), они привлекли и сравнительные данные по другим неевропейским обществам и пришли к выводу, что под определение Флетчера попадает значительно больше примеров, чем привел сам автор. Так, к этой категории относятся многие ранние города Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

В рамках предложенной модели мезоамериканский урбанизм описывается как самодостаточный и устойчивый, что обеспечило его существование в течение длительного периода времени. И в атекских, и в майяских городах отмечается низкая плотность населения, во многом обусловленная использованием городских территорий для занятий сельским хозяйством. Это обеспечивало социальную и экономическую стабильность, гарантировало независимость от поставок продовольствия, что было чрезвычайно важно в условиях отсутствия тягловых животных и колесного транспорта. Еще одна важная черта аграрного урбанизма – это практика мелкоземледельческого интенсивного использования земель. Это позволяло жителям контролировать свои участки на местном уровне, а также некоторые аспекты социальной жизни. Идея существования в Мезоамерике аграрного урбанизма с малой плотностью населения находит поддержку у всё большего количества исследователей²⁷.

Работы Изендала и Смита обозначили важную веху в историографии мезоамериканского урбанизма. Впервые за последние 50 лет была сформулирована идея о единой природе урбанизма в Мезоамерике и отсутствии принципиальных различий между городами майя и Центральной Мексики. Начиная с работ У. Сандерса и других представителей школы «культурной экологии» в 1960-е гг. практически все исследователи полагали, что степень урбанизации в Центральной Мексике была гораздо выше, чем в низменностях майя. Однако этот постулат основывался на данных по двум крупнейшим мегаполисам Центральной Мексики – Теотиуакану и Теночтитлану, – которые были столицами крупнейших доиспанских империй. При сравнении городов майя со «стандартными» городами Центральномексиканского нагорья различия оказываются не настолько существенными. Таким образом, предложенная Изендалем и Смитом смена масштаба исследования открывает новую перспективу в изучении городов майя.

Примечания

- 1 См.: *Гуляев В.И.* Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979.
- 2 См.: *Fox R.* *Urban Anthropology: Cities in Their Cultural Settings.* Englewood Cliffs, NJ, 1977.
- 3 См.: *Sanders W., Webster D.* The Mesoamerican Urban Tradition // *American Anthropologist.* 1988. Vol. 90 (3). P. 521–546.
- 4 См.: *Chase A.F., Chase D.S., Haviland W.A.* The Classic Maya City: Reconsidering the Mesoamerican Urban Tradition // *American Anthropologist.* 1990. Vol. 92 (2). P. 499–506.
- 5 См.: *Smith A.T.* *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities.* Berkeley: University of California Press, 2003; *Smith M.E.* City Size in Late Postclassic Mesoamerica // *Journal of Urban History.* 2005. Vol. 31. P. 403–434; *Cowgill G.L.* Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // *Annual Review of Anthropology.* 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- 6 См.: *Reconstruyendo la ciudad maya: el urbanismo en las sociedades antiguas* / Ed. by A. Ciudad Ruiz, M.J. Iglesias Ponce de Leon, M.D.C. Martínez Martínez. Madrid, 2001.
- 7 См.: *Webster D., Sanders W.* La antigua ciudad mesoamericana: teoría y concepto // *Reconstruyendo la ciudad maya...* P. 43–64.
- 8 См.: *Michelet D., Becquelin P.* De Río Bec a Dzibilchaltún: interrogaciones acerca de la ciudad clásica desde la perspectiva de Yucatán central y septentrional // *Ibid.*

- P. 211–252; *Laporte J.P.* Dispersión y estructura de las ciudades del Sureste de Peten, Guatemala // *Ibid.* P. 137–162; *Espinosa U.* El modelo romano de la ciudad en la construcción política del Imperio Romano // *Ibid.* P. 163–182.
- ⁹ См.: *Laporte J.P.* Op. cit. P. 141.
- ¹⁰ См.: *Cowgill G.L.* Op. cit.; *Chase A.F., Chase D.Z.* Ancient Maya Urban Development: Insights from the Archaeology of Caracol, Belize // *Journal of Belizean Studies.* 2007. Vol. 29 (2). P. 60–71; *Hansen M.H.* A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000.
- ¹¹ См.: *Smith M.E.* Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // *Journal of Planning History.* 2007. Vol. 6. P. 3–47; *Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.
- ¹² См.: *Ciudad Ruiz A.* Los palacios residenciales del Clásico Temprano en las ciudades del Sur de las Tierras Bajas Mayas // *Reconstruyendo la ciudad maya...* P. 305–340; *Inomata T.* The classic maya palace as a political theatre // *Ibid.* P. 341–362.
- ¹³ См.: *Royal courts of ancient maya:* In 2 vols / Ed. by T. Inomata, S. Houston. Boulder, CO, 2001.
- ¹⁴ См.: *Chase A.F., Chase D.Z., White C.* El Paisaje Urbano Maya: La Integración de los Espacios Construidos y la Estructura Social en Caracol, Belice // *La Ciudad Antigua: Espacios, Conjuntos e Integración Sociocultural en la Civilización Maya* / Ed. by A. Ciudad Ruiz. Madrid, 2001. P. 95–122.; *Chase A.F., Chase D.Z.* En Medio de la nada, en el centro del universo: Perspectivas sobre el desarrollo de las ciudades Mayas // *Nuevas Ciudades, Nuevas Patrias: Fundación y Relocalización de Ciudades en Mesoamérica y el Mediterráneo Antiguo* / Ed. by M.J. Iglesias Ponce de León, R. Valencia Rivera, A. Ciudad Ruiz. Madrid, 2006. P. 39–64; *Idem.* Ancient Maya Urban Development: Insights from the Archaeology of Caracol, Belize // *Journal of Belizean Studies.* 2007. Vol. 29 (2). P. 60–71.
- ¹⁵ См.: *Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.
- ¹⁶ См.: *Balkansky A.K.* Origin and collapse of complex societies in Oaxaca (Mexico): evaluating the era from 1965 to the present // *Journal of World Prehistory.* 1998. Vol. 12 (4). P. 451–493; *Joyce A.A., Winter M.* Ideology, Power and Urban Society in Pre-Hispanic Oaxaca // *Current Anthropology.* 1996. Vol. 37. P. 33–47; *Marcus J., Flannery K.V.* Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley. L.: Thames and Hudson, 1996; *Spencer C.S., Redmond E.M.* Multilevel selection and political evolution in the Valley of Oaxaca, 500–100 B.C. // *Journal of Anthropological Archaeology.* 2001. Vol. 20. P. 195–229; *Smith M.E.* Aztec City-State Capitals. Gainesville, FL: University Press of Florida, 2008.
- ¹⁷ См.: *Ashmore et al.* Commoner Sense: Late and Terminal Classic Social Strategies in the Xunantunich Area // *The Terminal Classic in the Maya Lowlands: Collapse, Transition, and Transformation* / Ed. by A.A. Demarest, P.M. Rice, D.S. Rice. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2004. P. 302–323; *Hutson et al.* City, Site, and Community: Nucleation and Dispersion at Chunchucmil and Classic Period

- Maya Urban Centers // *Journal of Field Archaeology*. 2008. Vol. 33 (1). P. 19–40; *Joyce A.A.* Sacred space and social relations in the Valley of Oaxaca // *Mesoamerican Archaeology*. Oxford, 2004. P. 192–216; *Robin C.* Outside of houses: The practices of everyday life at Chan Nòohol, Belize // *Journal of Social Archaeology*. 2002. Vol. 2. P. 245–268.
- ¹⁸ См.: *Joyce A.A.* Theorizing urbanism in Ancient Mesoamerica // *Ancient Mesoamerica*. 2009. Vol. 20. P. 189–196.
- ¹⁹ См.: *Yaeger J.* Untangling the Ties That Bind: The City, the Countryside, and the Nature of Maya Urbanism at Xunantunich, Belize // *The Social Construction of Ancient Cities*. Washington, DC, 2003. P. 121–155.
- ²⁰ См.: *Chase D.Z.* Albergando a los Muertos en Caracol, Belice // *Los Investigadores de la Cultura Maya*. 1998. Vol. 6 (1). P. 9–25; *Chase A.F.* Politics, Politics, and Social Dynamics: “Contextualizing” the Archaeology of the Belize Valley and Caracol // *The Archaeology of the Belize Valley: Half a Century Later* / Ed. by J. Garber. Gainesville, FL, 2004. P. 320–334; *Chase A.F., Chase D.Z.* Archaeological Perspectives on Classic Maya Social Organization from Caracol, Belize // *Ancient Mesoamerica*. 2004. Vol. 15. P. 111–119; *Chase D.Z., Chase A.F.* Que no nos Cuentan los Jeroglificos?: Arqueología e Historia en Caracol, Belice // *Mayab*. 2008. Vol. 20. P. 93–108.
- ²¹ См.: *Houston S. et al.* The Moral Community: Maya Settlement Transformation at Piedras Negras Guatemala // *The Social Construction of Ancient Cities*. P. 212–253.
- ²² Подобную функциональную модель предложил В.И. Гуляев.
- ²³ См.: *Fletcher R.* Low-Density, Agrarian-Based Urbanism: A Comparative View // *Insights*. 2009. Vol. 2 (4). P. 2–19.
- ²⁴ *Ibid.* P. 5.
- ²⁵ См.: *Гуляев В.И.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Isendahl C., Smith M.E.* Sustainable agrarian urbanism: The low-density cities of the Mayas and Aztecs // *Cities*. 2013. Vol. 31. P. 132–143.
- ²⁷ См.: *Fletcher R.* Low-density, agrarian-based urbanism: scale, power, and ecology // *The Comparative Archaeology of Complex Societies* / Ed. by M.E. Smith. N.Y., 2012. P. 285–320; *Scarborough V.L., Chase A.F., Chase D.Z.* Low-Density Urbanism, Sustainability, and ИНОРЕ-Мая: Can the Past Provide More than History? // *UGEC Viewpoints*. 2012. Vol. 8. P. 20–24.

IV. Книжная полка

О.В. Павленко

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА – НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Рецензия на книгу: Первая мировая война.

Энциклопедический словарь / Руководитель проекта
А.О. Чубарьян; отв. ред. Е.Ю. Сергеев.
М.: Весь мир., 2014. 475 с.)

Столетие Первой мировой войны, отмечавшееся в 2014 г., прошло под знаком многочисленных конференций и новых публикаций. Эта юбилейная дата имела особое значение для российской исторической науки. В советское время «забытая Великая война» рассматривалась лишь как второстепенный сюжет для монументальной истории «Великой Октябрьской революции». Хотя за сто лет были изданы значительные массивы документов, раскрывающие секреты поздней империи Романовых и дипломатии Временного правительства во время Первой мировой войны¹. Но на качественно новый уровень исторические исследования в России вышли только в 1990-е гг. Большая работа была проделана Российской ассоциацией историков Первой мировой войны по выявлению новых архивных источников, уточнению датировок целого ряда событий войны, их географической локализации, пересмотру прежних подходов к роли отдельных политиков, дипломатов, военачальников.

В юбилейных изданиях 2014 г. в центре внимания оказался субъект войны. Человек, сквозь страдания и переживания которого раскрывается военная реальность. Именно война усиливает в любой профессиональной среде чувство коллективной сопричастности, диктует определенный стиль поведения для каждой социальной группы, меняет ценностные ориентиры. Исследовать «среду» как «субъект войны» можно только на основе синтеза историко-культурных, политических, социально-экономических и гуманитарных факторов.

Особое место в серии новейших публикаций о Первой мировой войне, выполненных на междисциплинарном уровне, занимает Энциклопедический словарь «Первая мировая война» (ответственный редактор Е.Ю. Сергеев), изданный благодаря поддержке Фонда «Русский мир». Значительный его объем составляют неопубликованные материалы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) и Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД). Помимо обширной архивной базы, авторы использовали массив мемуарной литературы, статистические и периодические издания. Как отмечает во вступительном слове руководитель проекта академик А.О. Чубарьян, «в наши дни, уже в новом тысячелетии, историки, политологи, представители других специальностей вправе поставить вопрос о подлинном месте Первой мировой войны в мировой истории» (с. 7). Действительно, нынешний методологический взлет был подготовлен историческими исследованиями за два последних десятилетия. Тогда среди историков стал проявляться интерес не только к вопросам военного строительства, ходу сражений, внешнеполитическому и военно-стратегическому планированию, но и к гуманитарному измерению войны.

Энциклопедический словарь «Первая мировая война» представляет собой издание, гораздо более емкое и глубокое, чем заявленный жанр исследования. Это не просто словарь, в котором мы находим персональные, событийные, международно-правовые и терминологические знания о Первой мировой войне. В нем – совокупный результат новых методологических подходов российской историографии.

Издание предвзвешивает обширное предисловие, в котором авторский коллектив последовательно рассматривает разные аспекты происхождения войны, интересы и планы каждой из держав, ход боевых действий². Причины войны и позиции стран воевавших блоков изложены в традиционном духе и, на первый взгляд, не содержат ничего нового в осмыслении темы (с. 41–44). Вызывает даже некоторое сожаление, что не были использованы материалы кэмбриджского издания «Возникновение Первой мировой войны. Структура, политика, принятие решений» (2014), в котором детально рассматриваются новые концепции зарубежной историографии относительно происхождения войны, конкурентные стратегии каждой из вовлеченных держав и дискуссии о «превентив-

ной войне» и «превентивном военно-стратегическом мышлении»³. Это издание могло быть полезным в качестве примера ситуационного анализа, включающего теории международных отношений, понимание «безопасности» в начале XX в., новые интерпретации предвоенной дипломатии.

Но важнее другое. Энциклопедический словарь охватывает широкий спектр стран, включая Японию и Китай, нейтральные государства. Отход от принципа европоцентризма проявился в обзоре стратегической обстановки на главных театрах военных действий (с. 45–64) и подборе статей. Наиболее интересная часть предисловия касается, на мой взгляд, темы человека на войне и социокультурного анализа «насилия» и «фронтальной морали» (с. 64–74). Во многих крупных публикациях, изданных к этому историческому юбилею, гуманитарное измерение войны особенно привлекло внимание российских исследователей⁴. Это и не удивительно. Война предстает перед читателями со страниц энциклопедического словаря как множество переплетенных судеб людей, вовлеченных в ее смертельный героический водоворот. Авторам на редкость удачно удалось сочетать значительный объем биографических статей с описанием сражений, снабженных картами и схемами боевых действий. Перед нами проходит калейдоскоп лиц от Мата Хари до 1-го графа Бальфура, от японского императора Иосихито до болгарского великого князя Фердинанда I Саксен-Кобург-Готского. Каждая статья – авторская, содержит четко выверенную информацию. В издании представлена полная хронология боевых действий на всех фронтах Первой мировой войны.

Пожалуй, это первый на русском языке энциклопедический словарь, в котором столь широко были бы представлены биографии, сражения, структурные боевые единицы, международные договоры, военные операции, доктрины и концепции времен Первой мировой войны. Особый интерес вызывают таблицы в Приложении, составленные на основе крупных исследований последнего десятилетия. Авторы приводят соотношение сил Антанты и Четверного союза, хронологию вступления государств в войну, демографические потери, оценки стоимости войны, количество забастовок. При несопадении статистических данных, взятых из разных источников, в таблицах приводятся их усредненные значения. Издание хорошо иллюстрировано, снабжено научно-справочным аппаратом, общим перечнем статей и их авторов. В нем представлено много портретов, боевых и тыловых фотографий, карт и схем. Можно только сожалеть, что темы, которые были в центре внимания международных дискуссий в 2014 г., связанные с финансово-экономическими проблемами,

снабжением фронтов и военными долгами, а также сюжеты о мобилизационной пропаганде, проявившейся в плакатах, карикатурах, новых общественных ритуалов военного времени так и остались за рамками этого замечательного издания.

Итак, энциклопедический словарь «Первая мировая война», ставший результатом кропотливой работы российских историков, представляет собой уникальное издание. В нем отразились результаты исследовательского поиска военных историков, специалистов по истории международных отношений, отечественной и всеобщей истории. Его отличает четкая логичная структура статей, широкий охват тем и персоналий, комплексный подход к анализу и характеристике боевых действий. Безусловно, этот значительный труд необходимо привлекать для преподавательской и исследовательской работы, рекомендовать студентам в курсах по истории России и международных отношений.

Примечания

- ¹ См.: Сборник дипломатических документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. Пг., 1914; *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг.: Законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета министров, военного и адмиралтейств Советов, распоряжения и постановления министров. Т. 1–4. Пг., 1917–1918; Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств: 1878–1917 гг. Сер. 3: 1914–1917 гг. Т. 1–10. М.; Л., 1931–1938; Красный архив. Т. 1–7. М., 1928–1934; Международные отношения: 1870–1918 гг.: Сб. документов. М., 1940; Сборник договоров России с другими государствами: 1856–1917. М., 1952; Россия и США: дипломатические отношения: 1900–1917. М., 1999; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004; и др.
- ² Предисловие подготовлено авторским коллективом в составе: С.Н. Базанов, В.Т. Иминов, Д.Ю. Козлов, С.В. Листиков, О.С. Нагорная, И.Н. Новикова, А.С. Ревякин, В.В. Романова, Е.С. Сенявская, Е.Ю. Сергеев, В.В. Тихонов, В.К. Шаццлло, Г.Д. Шкундин.
- ³ The Outbreak of the First World War: Structure, Politics, and Decision-Making / Ed. by J.S. Levy, J.A. Vasquez. N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
- ⁴ К примеру, в фундаментальном издании «Министерство иностранных дел в годы Первой мировой войны» (М.: МИД, 2014) в отдельном разделе «Люди и судьбы» было представлено 44 уникальных документа (с. 719–868).

В.В. Трухачев

О БРАТСТВЕ СССР И ЮГОСЛАВИИ

(Рецензия на книгу: *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством».

Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г.
М.: НЛО, 2011. 1013 с.)

Автор является крупнейшим специалистом по истории бывшей Югославии. В сферу его научных интересов входит период с XIX по XXI вв. С.А. Романенко написал десятки монографий, статей по означенной теме, многие из которых переведены на другие языки. Он по праву остается одним из самых востребованных отечественных югославистов, которого широко цитируют как в научном сообществе, так и в средствах массовой информации.

В центре нынешнего повествования оказались судьба и взаимозависимость многонациональных государств: двух империй – Российской и Австро-Венгерской, двух социалистических федераций – СССР и Югославии. Автор последовательно анализировал соотношение этнического национализма, патриотизма и пролетарского интернационализма на протяжении почти всего XX в.

Основной посыл книги – стремление вывести читателя из плена мифов, предрассудков, пропагандистских схем, касающихся развития отношений Российской империи, СССР и современной РФ с народами бывшей Югославии. Такого рода мифы существовали и до Октябрьской революции, и в советское время, имеются они и в наши дни. Благодаря книге С.А. Романенко на многие вроде бы известные события можно взглянуть по-иному, отойдя от прочно закрепившихся в массовом сознании стереотипов и упрощенных схем.

При создании монографии автор задействовал обширнейший пласт источников самого разного происхождения – официальные документы, периодику, мемуары участников событий. Наряду с давно известными и использованными официальной советской и югославской историографией и источниками, он опирается на большое количество официальных документов и воспоминаний

участников событий разных лет, опубликованных в России, Боснии и Герцеговине, Сербии, Словении, Хорватии, Черногории в 1990-е – начале 2000-х гг. Огромное внимание автор уделил и историографии. Причем ее анализ удивительно гармонично оказался вписан в основное повествование, дополняя его. Но при всей своей фундаментальности работа написана легким и доступным языком. Она рассчитана не только на человека, занимающегося историей, политологией или политэкономией.

Обращает на себя внимание обильное цитирование источников, и такой подход представляется совершенно оправданным. Он помогает в полной мере и проследить хронологию событий, и показать разные стороны того или иного конфликта в советско-югославских отношениях, и выявить особенности точек зрения отдельных политиков. Подробное приведение текстов источников делает более понятными психологические мотивы поведения каждой из сторон и приоткрывает читателям доступ к документам и литературе.

Когда задействуется такой огромный массив документов и литературы, порой легко скатиться к простому их перечислению и приведению, избегая собственных выводов. К книге С.А. Романенко это не относится совершенно. На протяжении всего повествования четко прослеживается авторское мнение, а авторские оценки того или иного политического деятеля или политики государства в целом порой выглядят жестко. Однако работа от этого только выигрывает, ведь именно такие оценки делают ее интересной для довольно широкого круга читателей.

Книга поражает своим объемом, но в ней крайне трудно найти лишнее слово. Если пренебречь тем или иным документом, не включить его в повествование, картина развития советско-югославских (а ранее – русско-югославянских) отношений станет неполной. Монографию невозможно читать, просто листая и пробегая глазами по страницам. Каждый абзац несет в себе смысловую нагрузку, и без него просто станут непонятны выводы как по отдельным главам, так и по монографии в целом.

Автор справедливо остановился на таких темах, как «славянское братство» и «этнический национализм». Без изучения славянофильских идей, без рассмотрения темы панславизма и славянского братства невозможно представить себе исследование советско-югославских или же русско-югославянских отношений. К данным словосочетаниям апеллируют как политики, так и ученые и на постсоветском, и на постюгославском пространстве. На всем протяжении работы просматривается критическое отношение автора к данной теме.

Вполне оправданным выглядит и обращение к теме национализма, его специфике у южнославянских народов (с. 12–18). Весьма любопытно рассмотрение того, как у южных славян сочетались широкая югославянская и узконаправленная националистическая идеи. Автор также подробно остановился на разборе таких явлений, как «панславизм», «австрославизм», особенности развития учения К. Маркса у южных славян (с. 22–29). Без такого анализа понять суть югославской политики и действий политиков крайне затруднительно.

Буквально с первых же строк в первой главе автор принялся развенчивать миф о том, что для России в Первой мировой войне Сербия имела первостепенное значение (с. 40–44). Знаменитый генерал А.А. Брусилов открыто говорил о том, что о сербах в России знают очень мало (с. 42). Весьма поверхностное представление о южных славянах имели и большевики. В частности автор указывает на существенную недооценку большевиками уровня национализма южных славян (с. 51). Между тем этот национализм еще неоднократно даст о себе знать.

Исследователь подробно рассмотрел вопрос о том, как вожди большевиков формировали свой подход к Балканам (с. 85–92). В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев (работы двух последних большевистских деятелей были прочно забыты и в рецензируемой книге вновь введены в научный оборот) рассуждали о том, как обустроить регион, реальную историю и традиции которого недостаточно знали и понимали, в своем анализе исходя преимущественно из марксистских догм и поставленной цели – социалистической революции. Вслед за социал-демократами балканских стран они считали, что решение своих проблем народы региона смогут найти в рамках федерации и что Сербия «заведомо подчиненной частицей войдет в великую игру капиталистических гигантов» (с. 88).

Автор показал развитие социал-демократического, позднее коммунистического движения у южных славян. И отметил некоторое пренебрежение, которое сквозило у вождей ВКП(б) по отношению к ним. Так, В.И. Ленин, несмотря на настойчивые просьбы южнославянских товарищей, так и не написал им письмо – в то время как к английским, американским, французским, немецким и польским товарищам он обратился (с. 116). Возможно, югославские коммунисты в тот момент затаили обиду, которая потом обернулась конфликтом между двумя братскими партиями.

Не ускользнуло от внимания автора и отношение к Сербии со стороны деятелей Белого движения. Он всячески подчеркивает

«славянские фантазии» А.И. Деникина, Б.В. Савинкова (с. 111–112), где сербы виделись в числе ключевых союзников в борьбе с большевиками. Отчасти так оно и было – автор привел множество примеров, когда сербы помогали белым. Так, они помогли А.Ф. Керенскому бежать из Петрограда, приютили у себя многих белоэмигрантов, а отдельные сербские части поучаствовали в интервенции против Советской России (с. 111–114).

Первую главу венчает экскурс в историю югославянских народов (с. 117–139). Представляется, что его следовало бы переставить в начало главы, именно с него начать повествование, чтобы не очень подготовленный читатель сразу смог оценить особенности развития югославянских народов – сербов, хорватов, словенцев, боснийских мусульман и т. д.

Основываясь на множестве фактов, С.А. Романенко делает вывод, что «создание единого государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС. – *В. Т.*) – не было поддержано единодушно» (с. 137). С самого начала возникновению такого государства сопротивлялись видные хорватские политики. В итоге сербско-хорватское противостояние, дополненное непростыми отношениями между другими народами, предопределило то, что королевство (будущая Югославия) на протяжении всего своего существования оказалось государством непрочным, раздираемым внутренними противоречиями.

Самой объемной в книге является вторая глава, где рассматриваются особенности отношений между Советским Союзом и королевской Югославией в 1920 – начале 1940-х гг. Из анализа, выполненного исследователем, становится ясно, почему дипломатические отношения между двумя государствами удалось установить только в 1940 г. Этому способствовало сразу несколько факторов, каждый из которых не позволял считать советско-югославские отношения хорошими.

Первый фактор – заигрывания большевиков с национальными движениями внутри Королевства СХС – Югославии. Автор отмечает, что в 1920-е гг. «РКП(б) – ВКП(б) и СССР использовали национальные движения южнославянских народов против монархии Карагеоргиевичей» (с. 156). В этой связи особенно интересны контакты большевиков с лидером Хорватской республиканской крестьянской партии (ХКРП) Степаном Радичем (с. 220–228), а также 4-й съезд Компартии Югославии в 1928 г., где прямо говорилось о праве Хорватии, Словении и Македонии на независимость (с. 203–204).

Второй фактор – связи югославской королевской семьи с Романовыми (их автор подробно разобрал на с. 185) и наличие в Югос-

лавии огромного числа русских эмигрантов (с. 272–282). Многие из них были монархистами, убежденными антикоммунистами. В частности П.В. Струве хотел видеть в эмиграции движение «за освобождение от Коммунистического интернационала» (с. 277). Да и сам факт установления отношений с Советским Союзом воспринимали как предательство своего дела.

Автор подробно анализировал различные точки зрения в отношении СССР и России, существовавшие у южных славян в 1920–1930-е гг. Наибольшего внимания заслуживают высказывания бывшего министра внутренних дел Светозара Прибичевича, а также будущих лидеров коллаборационистов в годы Второй мировой войны – серба Димитрие Летича и вождя хорватских усташей Анте Павелича. Разброс мнений, существовавший в Югославии того времени, автор метко назвал ««Россия-матушка» или «Совдепия»?» (с. 282).

Потому вполне логично, что в 1941 г. Советский Союз повел себя иначе, нежели Российская империя (с. 323). Хотя в 1940 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения, а 5 апреля СССР и Югославия подписали договор о дружбе и ненападении, защищать Югославию от агрессии со стороны Третьего рейха и его сателлитов Советский Союз не стал. И.В. Сталин на тот момент предпочел «славянскому братству» букву договора о ненападении с Германией.

В третьей главе рассматриваются советско-югославские отношения в годы Второй мировой войны. Исследователь приводит любопытные сведения о том, насколько глубоко советская разведка проникла в ряды «буржуазного» югославского правительства в изгнании (с. 331). Здесь всплывает тема славянской взаимности, которая, по словам одного высокопоставленного югославского дипломата, превратилась в «один из рычагов советской внешней политики» (с. 333). Следовательно, романтической составляющей в ней не было.

От этой идеи были далеки и представители самого югославского правительства в изгнании. Они видели в СССР не «Русь, Россию», а именно классовое социалистическое государство, которое может грубо переломать сложившийся в Югославии социально-экономический, культурный и иной уклад (с. 345). Автор подметил разногласия, существовавшие между великими державами в годы войны. Если СССР отошел от своей прежней линии и выступил однозначно за сохранение единства страны, то США допускали независимость Хорватии (с. 348).

Отдельного внимания заслуживает анализ действий сил, выступавших на стороне Третьего рейха. Автор на основании недав-

но опубликованных в России, Сербии и Хорватии воспоминаний, публицистики и дипломатических документов подробно разобрал действия и русских коллаборационистов, и сербских союзников Гитлера, и Независимого государства Хорватия (НГХ) (с. 370–391). Следует также отметить обращение к теме воззрений представителей некоммунистических сил Словении (с. 348). В нашей стране традиционно эту бывшую республику Югославии изучают меньше, чем Сербию и Хорватию, так что данный раздел интересен сам по себе.

Очень подробно исследуется вопрос взаимоотношений Советского Союза и сербских четников (с. 364–376). В этом месте книга выступает не только как сухое исследование, основанное на источниках. Автору удалось передать всю психологическую драму, случившуюся с руководителем четников Дражей Михайловичем, который никак не мог понять, почему СССР поддерживает коммунистов, а не сербских националистов, считающих русских братьями.

Конец главы посвящен первым росткам конфликта, который разразится между КПСС и Коммунистической партией Югославии (КПЮ). И.В. Сталина раздражало, что Иосип Броз Тито и его соратники очень часто принимали решения самостоятельно, не спрашивая разрешения у Москвы. Это касалось и создания правительства в 1943 г. (с. 401), и выступления Тито в мае 1945 г. против втягивания Югославии в какую-либо чужую сферу влияния (с. 410). Таким образом, потенциал для будущего разрыва между братскими партиями был заложен еще в годы войны.

Пожалуй, ключевая глава в книге – четвертая, где рассказывается о разрыве отношений между СССР и Югославией, который случился в 1948 г. Вплоть до кончины Сталина (и даже чуть дольше) два государства стояли на грани войны. Суть противостояния отлично отражают названия подразделов главы: «Иосип Броз Тито: “Мы чужого не хотим, но своего не отдадим”», «Вячеслав Молотов: “СССР не может согласиться, чтобы его ставили перед свершившимся фактом”», «Может ли коммунист любить СССР больше, чем свою родину?».

Одной из причин конфликта автор считает то, что в Советском Союзе плохо представляли себе психологию и чаяния народов Средней Европы. Это, в частности, отразилось в том, что в Москве остались глухи к давней мечте словенцев заполучить более-менее обширный выход к Адриатическому морю. Руководство СССР занималось расширением собственной сферы влияния (с. 427). В итоге стороны сначала жестко поспорили относительно Балкан-

ской федерации (объединения Югославии и Болгарии), а затем и вовсе разорвали отношения.

В книге достаточно подробно рассматривается возможность советского вторжения в Югославию (с. 460–466). Автор не обошел вниманием и попытки поднять против Тито «здоровые силы» внутри Компартии, и противоречия Югославии с соседними странами, и позицию США и западных союзников, и появление в Советском Союзе «антититовской» югославской эмиграции. Весьма интересно и описание попыток Югославии вести работу с другими странами социалистического лагеря, в особенности с Чехословакией (с. 493–495).

Исследователь очень много сравнивает Советский Союз и Югославию тех времен, личности вождей, методы их правления. Весьма характерно название подраздела «“Голи отток” против “Архипелага ГУЛАГ”» (с. 509), где показаны сходства и различия между двумя системами лагерей для противников коммунистической власти. Венчает главу жесткий вывод: «В 1948–1953 годах сталинизм... потерпел свое историческое поражение и в советском, и в югославском вариантах» (с. 521).

В следующей главе исследуются отношения между двумя государствами в годы правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг). Автор продолжает сравнительное изучение двух стран, на сей раз проводя параллели между диссидентами внутри КПСС и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) – Л.П. Берия и Милованом Джиласом (с. 541–542). Подчеркивается, что после смерти Сталина советско-югославские отношения существенно улучшились. В то же время данное улучшение совершенно не сопровождалось словами о «славянском братстве».

И все же до подлинного социалистического братства было далеко. Суть отношений тех лет очень хорошо отражает подзаголовок последнего подраздела главы «Никита Хрущев: “Мы еще не знаем, во что выльются наши связи с Тито”». Несмотря на прозвучавшую на XX съезде критику сталинизма, СССР не отказался от критических оценок в отношении особенностей «самоуправленческого социализма» Югославии (с. 614–615). В то же время Югославия совершенно не стремилась обсуждать свои внутренние дела с Советским Союзом.

Противоречия касались и внешней политики. К сожалению, автор не коснулся таких тем, как реакция Советского Союза на участие Югославии в создании Движения неприсоединения (1961 г.). Ведь, с одной стороны, Тито шел на сближение с Индией и Египтом, у которых с СССР были добрые отношения. С другой – создавал

собственный центр силы. Не в полной мере удалось отразить отношения Югославии и стран Запада и то, как такие отношения воспринимались в СССР.

Ключевой раздел данной главы – споры Советского Союза и Югославии по поводу кровавых событий в Венгрии осенью 1956 г. Ставший лидером антикоммунистического восстания венгров И. Надь укрылся в посольстве Югославии, а Тито выступил с критикой внешней политики СССР. Он в какой-то степени оправдал венгерское восстание, заявив, что оно было борьбой с антисталинистскими элементами (с. 588, 590–591). Учитывая такой подход югославских властей, их отношения с СССР нельзя было считать полностью дружественными.

Отношения между СССР и Югославией при Л.И. Брежневе и «позднем» И. Броз Тито рассматриваются в шестой главе. До столь же открытого противостояния, как в конце 1940-х гг., дело не дошло, но холод чувствовался. Автор очень четко обозначил суть данных противоречий: «Идеологическая доктрина СКЮ пыталась соединить в себе критику как социализма, созданного в СССР, так и “буржуазной демократии” стран Западной Европы и США» (с. 655). Потому во второй части между двумя государствами было поле для сближения, а в первой – для противостояния.

В области международных отношений между СССР и Югославией складывались весьма противоречивые отношения. С одной стороны, Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) вслед за странами-участницами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД) пошла на разрыв отношений с Израилем в 1967 г. (с. 661). С другой – в Москве с раздражением восприняли визит в Югославию президента США Р. Никсона в 1970 г. Кроме того, югославское руководство выступило категорически против ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и введения военного положения в Польше двумя годами позже (с. 719).

Настоящим испытанием для советско-югославских отношений стали события 1968 г. в Чехословакии. Автор показал неоднозначность отношения Тито к этим событиям. С одной стороны, он воспринял их с некоторой настороженностью, опасаясь, как бы они ни сказались на межнациональных отношениях в Югославии (с. 662). С другой – приветствовал «социализм с человеческим лицом», увидев в Пражской весне уход от сталинизма (с. 664).

Ввод советских войск Тито воспринял отрицательно. Мало того, Югославия привела собственные войска в режим повышенной боеготовности (с. 672). К сожалению, исследователь не стал

обращаться к такому сюжету, как получение убежища в Югославии деятелями Пражской весны. Было бы очень любопытно посмотреть, как данное обстоятельство отразилось на отношениях СФРЮ с СССР и другими государствами Варшавского договора.

Значительную часть главы автор посвятил событиям Хорватской весны 1971–1972 гг., а также реформаторским движениям в Сербии и Словении. Критикуя СССР за подавление Пражской весны, Тито расправился не только с открытыми антикоммунистами, но и с коммунистами-реформаторами. В Советском Союзе приветствовали данные события, и автор сделал вывод, что теперь СКЮ стала для КПСС «ближе и понятнее» (с. 708).

Критическое отношение исследователя к политике обеих коммунистических партий в полной мере проявилось в выводе по итогам шестой главы. «Старая гвардия» в КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ в 1960–1970-е гг. одержала “пиррову победу”, которая в конце 1980 – начале 1990-х гг. привела к застою, а затем и краху обеих партий и обоих государств» (с. 726). С такой резкой формулировкой можно соглашаться или спорить, но она лишней раз высвечивает достоинства монографии. Это не сухое изложение, а по-настоящему авторский труд с широчайшей научной основой.

Отношениям двух государств в годы перестройки посвящена последняя, седьмая глава. В ней автор первоначально изучал, насколько «самоуправляющийся социализм» Югославии повлиял на перестройку (с. 728). Советский Союз отказался от прежней политики диктата, признал свою ответственность за развязывание кризиса 1948 г. (с. 741–742). В отношениях двух стран могла наступить новая эпоха доверия. Но в действительности речь теперь шла о связях государств, доживавших последние годы. Исследователь показывает, что самоуправленческий социализм оказался ничуть не более эффективным, чем «этатистский», а югославская федерация и политическая система – не более прочными, чем советские.

Автор совершенно справедливо проводит параллели между событиями в СССР и Югославии конца 1980-х гг. (с. 760). Практически одновременно в обоих государствах начался «парад суверенитетов», все большее число политиков заявляли о желании отделиться от этих стран. В этой связи весьма интересно сравнение того, как принимали М.С. Горбачева в разных республиках СФРЮ во время его визита в 1988 г. Если более ортодоксальные сербские коммунисты во главе с Слободаном Милошевичем отнеслись к нему недружелюбно, то коммунисты-реформаторы Словении – наоборот, с симпатией (с. 750–753).

Исследователь остановил свое внимание также на том, что в 1991 г. консервативные силы в рядах как КПСС, так и СКЮ сомкнули ряды и выступили против реформ. В частности С. Милошевич, постепенно делавший ставку на национализм, поддержал Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). В то же время руководство Хорватии, уже заявившей о независимости, осудило попытку отстранения Горбачева от власти (с. 784–788). В итоге деятели, пытавшиеся силовым путем сохранить единство своих стран, потерпели поражение и в СССР, и в Югославии.

Хотелось бы, чтобы в будущем автор обратился к такой теме, как отношение к СССР, России и русским у каждого из народов Югославии, в каждой из республик. Об этом в книге идет речь применительно уже к событиям конца 1980 – начала 1990-х гг., отчасти – Второй мировой войны и сразу же после ее окончания. Однако различия в подходах как между отдельными республиками, так и внутри каждой из них сохранялись на протяжении всего рассматриваемого в монографии временного отрезка.

В заключении автор сделал уже привычный для своей работы жесткий вывод: «Однотипность политических режимов не может предотвратить столкновения интересов государств... XX век показал, что использование во внешней политике как идей классового братства (“пролетарского интернационализма”), так и этнического родства (“славянского братства”) не гарантирует успеха» (с. 813). Такой вывод может кому-то показаться спорным, но он – однозначный, четко и ясно венчающий монографию, показывающий отношение автора к исследуемым им событиям.

«Суд истории – это не суд историка», – написал автор в самом конце (с. 827). Не стремясь выступать в качестве судьи, исследователь в какой-то степени показал себя судьей. Однако без такого «судейства» книга не имела бы одновременно и огромной научной, и высокой публицистической ценности. А так она стала безусловной вехой в развитии отечественной и мировой югославистики, славистики в целом, в изучении международных отношений.

Abstracts

G. Aleksanyan

ARMENIAN-RUSSIAN MILITARY STRATEGIC PARTNERSHIP WITHIN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY REGIONAL SECURITY

The article is devoted to Armenian-Russian military strategic partnership within the context of contemporary regional security. It describes the evolution of Armenian-Russian relationships after the collapse of the USSR. The particular attention is paid to the main factors which have transformed the allied relations between Armenia and Russia into military strategic partnership.

Key words: Armenia, Russia, partnership, strategic partnership, military and political alliance.

I. Baskakova

AN EXPERIENCE OF ECONOMIC INTEGRATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE 1990th

The article is devoted to the study of post-soviet economic integration in the 1990th. Although different projects were proposed (Economic Union, Eurasian Union, Custom Union), none of them were successful. The author analyses both the Russian and Kazakh roles in these projects and the reasons of their failure, paying special attention to the influence, which Russia's foreign policy planning made on the process of economic integration.

Key words: post-soviet space, economic integration, Russia, Kazakhstan.

Yu. Bernatskaya

AN ISSUE OF THE URBANISM AT THE ANCIENT MAYA SOCIETY IN THE MODERN WESTERN HISTORIOGRAPHY

The article is dedicated to the historiographical analysis of Mesoamerican urbanism which was the center of researchers' theoretical debate at the turn of XX–XXI centuries. The debate

about the existence of a city in Mesoamerica turned in the 1990s into a search for the distinctive features of urban centers. Different criteria for distinction of the city from the rural hinterland were proposed as part of the structural and functional approaches. In general, proposed criteria were focusing on the presence of specific institutions and specific types of residents' training. Low population density in Mesoamerica determined the agrarian nature of urbanism. Overall, a breakaway from universal definitions of the city and urbanism towards recognition of cities' diversity was made during a quarter of a century of fruitful discussions. This diversion opened up a new perspective in the study of Mayan cities.

Keywords: Mesoamerica, maya, city, agrarian urbanism, archaeology, historiography.

V. Bezzub

THE MIDDLE EAST IN THE PROJECTS OF RUSSIA AND THE GREAT BRITAIN DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1918)

The article focuses on the role of the Middle East for the foreign policy of Russia and the Great Britain during the First World War. Special attention is given to the boundary delimitation of the two powers interests in the context of antagonism between Ottoman Empire and allied France. Evolution of the Middle East policy of Russia and England took place in a rapidly changing political situation in the region. Interaction of the Great Britain with leaders of the Arab liberation movement against Turkey, the ideas of Zionism, and the military successes of the British army largely shaped the political landscape in the Middle East. The study emphasizes the most important stages in that complicated geopolitical struggle.

Key words: Middle East, Ottoman Empire, Zionism, the Sykes – Picot agreement, Balfour Declaration.

A. Guschin

UKRAINIAN CRISIS – POLITICAL AND ECONOMICAL ASPECTS

The article is devoted to the economical and internal political situation in Ukraine in 2014–2015. The author pays special attention to the relations between main Ukrainian political forces

and oligarchs and their influence on the economical situation in the country.

Key words: Ukrainian crisis, Ukraine, Southeast of Ukraine, Russia, economy, elections.

B. Khavkin

SOVIET AND WESTERN/AMERICAN ORIENTATIONS OF GERMAN ANTI-HITLER RESISTANCE

German Anti-Hitler Resistance that was the highest expression of opposition sentiment in the Third Reich turned out to be between two poles – the East and the West, the Soviet Union and the USA. The actors of the German Resistance were in unordinary and contradictory relationship with the “Big Three” – the USSR, the US and the Great Britain. If the conservative opposition in general was oriented towards the West (the Great Britain and the USA), the German communists considered the USSR as their ideological and political reference point.

Key words: the German Anti-Hitler Resistance, the “Big Three”, demand of the unconditional surrender of Germany, the possibility of concluding a separate peace with Germany.

K. Kudayarov

TURKEY'S POLICY IN EDUCATIONAL SPHERE OF KYRGYZSTAN

The article is devoted to the educational policy of Turkey, which is an important component of its foreign policy strategy in Kyrgyzstan and throughout Central Asia. The aim of this activity is the creation of a positive image of Turkey and consistent lobbying of its interests, which is carried out through the creation of joint scientific and educational centers. Kyrgyzstan is the country with dominated Turkic-speaking population and generally shares common religious and cultural values with Turkey, what includes it in the sphere of influence of Turkish foreign policy in the post-Soviet space.

Key words: Turkish foreign policy, Central Asia, Kyrgyzstan, humanitarian cooperation, educational policy.

N. Morozova

TWO DIMENSIONS OF LANGUAGE AND POWER RELATION

This article analyses studying the position of language in modern political processes. The author considers specifics of the study of language from the point of the tool and object of political power. The paper reveals the essential components that appear in the above aspects of the study, including language policy and planning, political discourse, precedent phenomena.

Key words: status of the language, corpus of the language, language policy, precedent phenomena, political discourse, political communication.

A. Polyakova

“SOFT POWER” IN THE US FOREIGN POLICY CONTEXT: THEORETICAL ASPECTS

The article is devoted to the analysis of the concept of “soft power” in the US foreign policy during the presidency of Barack Obama. The author considers main theoretical concepts in the study of foreign policy strategies. Particular attention is paid to the concept of “soft power” and to the reflection of this strategy in the US official discourse.

Key words: the USA, “soft power”, “smart power”, “hard power”, public diplomacy, digital diplomacy.

D. Säwert

MODERN APPROACHES TO UNDERSTANDING OF FESTIVITY CULTURE IN THE SOVIET UNION

This article is dedicated to the process of routinization of holidays. Theories qualify festivities as the place of non-everyday life. However, under modern circumstances the explicit demarcation of festivity and every day is blurring. The ideology of Marxism-Leninism and the special didactic character of soviet festivities led to their infiltration into everyday life already in the early Soviet Union. Considering the significant increase of festivity motives in the 1960s and 1970s as well as the coming up of different forms of festivities, we can date the routinization of soviet festivities to this period.

Key words: festivity, Soviet holiday, every day life, festivity theory, routinization.

M. Sirotinskaya

FILIBUSTER EXPEDITIONS TO CUBA
AND “YOUNG AMERICA”
(MIDDLE OF THE 19th CENTURY)

Attitude of “Young America” towards Narciso Lopez and filibuster expeditions to Cuba in the middle of the 19th century is analysed. The “Democratic Review” of 1851–1852, “La Verdad” a newspaper, and the most “Young Americans” decisively supported annexationist movement. “Young Democrats” maintained the expediency of military intervention in Cuba allegedly to aid national “liberation”, and the non-appliance of the Neutrality Act of 1818 to such cases. It would be a simplification to assert that all of them stood only for the spread of slavery. The filibusterism was often viewed in the context of European revolutions, in particular, of the Hungarian national movement, in the light of North American colonies of the Great Britain and Spanish colonies in Latin America wars for independence.

Key words: “Young America”, Filibuster movement, Cuba, Narciso Lopez, “Democratic Review”, “La Verdad”.

Сведения об авторах

Алексамян Гор Айкович – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ; специальный корреспондент в Москве армянского телеканала «Гала ТВ», goro.aleksanyan@gmail.com

Баскакова Ирина Андреевна – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, irenthelst@yandex.ru

Беззуб Виктор Викторович – соискатель Института всеобщей истории РАН, vichist@mail.ru

Бернацкая Юлия Эдуардовна – аспирант Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова ФИПП ИАИ РГГУ, Imbirnaya.vishnya@gmail.com

Гущин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, aguschin78@mail.ru

Зеверт Даниэль – аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ, daniel.saewert@gmail.com

Кудаяров Каныбек Акматбекович – аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, kana8306@mail.ru

Морозова Наталья Владиславовна – аспирант и преподаватель кафедры современного Востока ФИПП ИАИ РГГУ, morozova_natalie@yahoo.com

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, olgapavlenko@mail.ru

Полякова Анна Александровна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ; специальный корреспондент газеты «Красная звезда», polyannalex@mail.ru

Сиротинская Мария Моисеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, masha_sirotinskaia@mail.ru

Трухачев Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, vadimvts@mail.ru

Хавкин Борис Львович – кандидат исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, novistor@mail.ru

General data about the authors

Aleksanyan Gor A. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Institute of Post-Soviet and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities; special correspondent in Moscow, Armenian TV channel “Gala TV”, goro.aleksanyan@gmail.com

Baskakova Irina A. – lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, irenthelst@yandex.ru

Bernatskaya Yulia E. – postgraduate student, Knorozov Centre for Mesoamerican Studies, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Imbirnaya.vishnya@gmail.com

Bezzub Victor V. – applicant, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, vichist@mail.ru

Guschin Alexander V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Institute of Post-Soviet and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, aguschin78@mail.ru

Khavkin Boris L. – Ph.D. in History, professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, novistor@mail.ru

Kudayarov Kanybek A. – postgraduate student, Department of Post-Soviet States, Institute of Post-Soviet and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, kana8306@mail.ru

Morozova Natalia V. – postgraduate student, lecturer, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, morozova_natalie@yahoo.com

Pavlenko Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, director, Division of International Relations and Area Studies, head,

Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, olgapavlenko@mail.ru

Polyakova Anna A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; special correspondent, newspaper “Red Star”, polyannalex@mail.ru

Säwert Daniel – postgraduate student, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, daniel.saewert@gmail.com

Sirovinskaya Maria M. – Ph.D. in History, senior researcher, Centre for North American Studies, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, masha_sirovinskaya@mail.ru

Trukhachyov Vadim V. – Ph.D. in History, senior lecturer, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vadimvts@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *О.Н. Панкова*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 09.12.2015.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 139

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru